

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (51) • 2021

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил
под названием «Известия
Восточного института
Дальневосточного
государственного
университета»

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3>

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ

- Фетисова Л. Е. Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного творчества) 6
- Гвоздев Р. В. Основные факторы изменений в сфере духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных народов Дальнего Востока России в XIX–XXI вв. 17
- Андриец Г. А. Русские праздники Харбина начала XX века в системе духовных ценностей Дальнего Востока (на материале журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке») 27
- Краюшкина Т. В. Материальные ценности в пожеланиях Владивостокского новогоднего дерева желаний-2020 на русском языке: к вопросу об обществе потребления 36

ИСТОРИЯ

- Багрин Е. А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. 49
- Нелюбин П. Г. Западное образование в традиционной Японии: уроки иезуитов 61
- Смирнов С. В. Русские курорты в Корее в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на примере деятельности семьи Янковских) 74

ЛИНГВИСТИКА

- Наумова К. М. Чувство долга (义 / 义务) в китайской языковой картине мира: традиция и современность 85
- Нагибина И. Г., Савкин Д. А. Компоненты китайского банковского дискурса 96
- Сбоев А. Н., Новгородова А. В. Речевое воздействие в интернет-рекламе на китайском языке 108
- Гензе В. М. Контркультурный дискурс в контексте рок-музыки (на материале британской рок-группы Muse) 122

МЕТОДИКА

- Одинцова М. В., Назаренко А. А., Лыонг Ба Винь. Некоторые трудности вьетнамских студентов при изучении формул русского речевого этикета 132

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

АРХИВ

Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 учебного года. Часть 3 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кондратенко Г. В. Круглый стол «Стратегии развития периферийных территорий: могут ли Россия и Китай воспользоваться опытом друг друга?» 155

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ 159

Главный редактор М. О. Дмитриева

Зам. главного редактора А. Л. Лукин

Ответственный редактор Я. А. Барбенко

Редакционная коллегия

Р. М. Азизян	В. В. Кожевников	Е. В. Пустовойт
П. Я. Бакланов	Л. Е. Козлов	А. Е. Савченко
Е. М. Бутенина	В. Н. Колотов	А. Н. Сбоев
А. С. Ващук	А. М. Кузнецов	С. В. Севастьянов
А. Б. Вольнчук	В. И. Курилов	А. Я. Соколовский
А. Н. Демьяненко	В. Л. Ларин	А. Г. Сторожук
С. М. Дударёнок	Г. Н. Ловцевич	Юйхуа Сунь
В. И. Дятлов	З. Ф. Моргун	И. А. Толстокулаков
И. Н. Золотухин	А. В. Мошков	В. Фудзимото
С. А. Иванов	О. В. Николаева	А. А. Хаматова
Д. А. Изотов	Е. А. Первушина	П. Ю. Цветов
В. Н. Караман	С. К. Песцов	Е. С. Шереметьева
И. Б. Кейдун	Е. А. Поправко	
А. А. Киреев	З. Г. Прошина	

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге «Пресса России» (Том 1. Газеты и журналы). Подписной индекс журнала: **42398**

Почтовый адрес редакции: 690950 г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8, редакция журнала «Известия Восточного института»

Фактический адрес: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 223-00-21

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/ или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2021

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 3 (51) • 2021

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3>

CONTENTS

VALUE REFERENCES IN THE CULTURE OF THE FAR EAST OF RUSSIA AND ABROAD

Fetisova L. E. Value orientations in the traditional culture of the Nivkhs (based on the folklore materials)	
Full Russian text	6
English abstract etc.	15
Gvozdev R. V. The main factors of changes in the sphere of spiritual and value orientations in the culture of the indigenous peoples of the Russian Far East in the XIX–XXI centuries	
Full Russian text	17
English abstract etc.	25
Andriets G. A. Russian holidays in Harbin at the beginning of the twentieth century as spiritual values of the Far East (based on the material of the journal "Railway life in the Far East")	
Full Russian text	27
English abstract etc.	34
Krayushkina T. B. Material values in the wishes of the Vladivostok New Year's tree of wishes-2020 in Russian: on the question of the consumer society	
Full Russian text	36
English abstract etc.	47

HISTORY

Bagrin E. A. Military aspects of Nerchinsk Treaty conclusion in 1689	
Full Russian text	49
English abstract etc.	59
Nelyubin P. G. Western Education in Traditional Japan: Lessons of Jesuits	
Full Russian text	61
English abstract etc.	72
Smirnov S. V. Russian resorts in Korea in the late 1920s – early 1940s. (on the example of the activities of the Yankovsky family)	
Full Russian text	74
English abstract etc.	83

LINGUISTICS

Naumova K. M. A Sense of Duty (义 / 义务) in the Chinese Linguistic World View: Tradition and Modernity	
Full Russian text	85
English abstract etc.	94

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Nagibina I. D., Savkin D. A. Components of Chinese banking discourse		
Full Russian text	96	
English abstract etc.	106	
Sboev A. N., Novgorodova A. V. Speech manipulation in Chinese Web Advertising		
Full Russian text	108	
English abstract etc.	120	
Genze V. M. Counter-cultural discourse in the context of rock-music (based on the lyrics of the British rock-band Muse)		
Full Russian text	122	
English abstract etc.	131	
TEACHING METHODS		
Odintsova M. V. Nazarenko A. A. Lyong Ba Vinh. Some Difficulties of the Vietnamese Students while Studying the Formulas of Russian Speech Etiquette		
Full Russian text	132	
English abstract etc.	136	
ARCHIVE		
Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 3		
Full Russian text	137	
English abstract etc.	154	
SCIENTIFIC LIFE		
Kondratenko A. A. Round table "Strategies for the development of peripheral territories: Can Russia and China benefit from each other's experience?"		
Full Russian text	155	
English abstract etc.	158	
INFORMATION FOR CONTRIBUTORS AND READERS		159

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Editor-in-Chief Marina O. Dmitrieva

Deputy Editor-in-Chief Artyom L. Lukin

Secretary-in-Chief Yaroslav A. Barbenko

Editorial Board

Ruben M. Azizian	Anton A. Kireev	Elena A. Popravko
Hirofumi Arai	Vladimir V. Kozhevnikov	Zoya G. Proshina
Petr Y. Baklanov	Leonid E. Kozlov	Evgeniy V. Pustovoit
Evgeniya M. Butenina	Vladimir N. Kolotov	Anatoliy E. Savchenko
Angelina S. Vashchuk	Anatoliy M. Kuznetsov	Aleksandr N. Sboev
Andrey B. Volynchuk	Vladimir I. Kurilov	Sergey V. Sevastyanov
Aleksandr N. Demyanenko	Viktor L. Larin	Aleksandr Y. Sokolovskiy
Svetlana M. Dudarenok	Galina N. Lovtsevich	Aleksandr G. Storozhuk
Viktor I. Dyatlov	Zoya F. Morgun	Yuhua Sun
Ivan N. Zolotukhin	Anatoliy V. Moshkov	Igor A. Tolstokulakov
Sergey A. Ivanov	Olga V. Nikolaeva	Wakio Fujimoto
Dmitriy A. Izotov	Elena A. Pervushina	Anna A. Khamatova
Vadim N. Karaman	Sergey K. Pestsov	Petr Y. Tsvetov
Irina B. Keydun		Elena S. Sheremetieva

English Editing Viktoriya L. Zavyalova

Published on behalf of Oriental Institute–School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University

Editorial office post address: 8, Sukhanova st., Vladivostok, 690950, Russia

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia

Tel.: +7 423 223-00-21

E-mail: izvestiyavi@yandex.ru

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of *OIJ*, see information upward.

The viewpoints expressed in *OIJ* are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2021

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна,
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: fetisova.lidie@yandex.ru

Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного творчества)

УДК 39(=571)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

*российский Дальний
Восток,
коренные народы,
нивхский социум,
культурная специфика,
духовные ценности,
традиционный
фольклор*

В статье осуществлён анализ ценностных установок, зафиксированных нивхским фольклором. Рассмотрены нематериальные ценности, имеющие общечеловеческую значимость, но сформированные средой обитания и этнокультурной спецификой одного из коренных дальневосточных народов. Это ценности, связанные с родственными отношениями, природным окружением, приоритетом традиционной культуры. Отмечена поэтизация любви как высокого чувства, что отличает нивхский фольклор от традиций тунгусо-маньчжурских народов. Показана трансформация ряда ценностных представлений под влиянием изменяющейся действительности.

Проблемы, связанные с изучением ценностей, составляющих основу мировоззренческих установок человеческого сообщества на разных исторических этапах, постоянно находятся в поле зрения исследователей [16]. Ценностные ориентиры отражают социальные, культурные и ментальные характеристики конкретного народа. Архаические представления о морали и нравственности сохранил фольклор традиционных обществ, к которым до недавнего времени принадлежали коренные народы российского Дальнего Востока. Статья посвящена системе ценностных установок, сложившихся в нивхском социуме и определявших поведение каждого представителя данного этноса.

По Переписи 2010 г. нивхов насчитывалось 4652 чел. Исследователи единодушно отмечают языковое и культурное своеобразие этих коренных жителей Амура-Сахалинского региона. В низовьях Амура они имели давние связи с тунгусо-маньчжурами, на Сахалине – с айнами, ороками (уйльта), японцами, позднее – с русскими. С каждым из этих народов нивхи находились в тесном хозяйственном и культурном взаимодействии. Несмотря на это, им удалось сохранить культурную автономию, что, по-видимому, в значительной степени было обусловлено спецификой языка-изолята.

Нивхской духовной культуре посвящён ряд диссертаций [6; 17; 19; 21], а также монографических исследований, как индивидуальных [1; 3; 9; 10], так и коллективных [2]. Большой

Для цитирования:
Фетисова Л. Е. Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного творчества) // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 6–16. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

интерес представляют наблюдения кандидата филологических наук, нивхинки Г.А. Отаиной, изложенные в её отдельных статьях [11; 12; 13; 14]. Однако в целом специфика этнических ценностей, выделявших нивхов в иноэтническом окружении, не получила подробного освещения.

В число универсальных ценностей, рождённых первобытным социумом, входили жизненные установки, завещанные старшими поколениями. Считалось, что они получены от высших сил, а потому имеют силу закона. Свою задачу нивхи видели в поддержании традиционного образа жизни, основу которого составляли рыболовство, охота (на морского зверя и таёжная), собирательство. Мировоззренческая система и практическая обрядность нивхов базировались на почитании могущественных небожителей, а также духов-«хозяев» огня, воды, промысловых территорий и пр., которые обеспечивали успешность хозяйственной деятельности. В фольклоре нашли отражение различные аспекты взаимодействия нивхов с природным окружением.

Большое значение придавалось сохранению флоры и фауны на территории проживания. По справедливому замечанию Г.А. Отаиной, «нивхское общество, как и любое другое традиционное, выработало оптимальное в экологическом плане поведение» [14; с. 137], что заключалось в комплексности и сезонном чередовании занятий, в безотходном потреблении продуктов промысла. Строго запрещалось добывать рыбы и зверя больше необходимого. Неписанные правила экологического поведения были зафиксированы фольклором. В одном из нарративов говорится о результатах непродуманного поведения людей. Нивху, попавшему к «хозяину» моря, были показаны израненные рыбы, которых люди поймали, но не использовали. «Хозяин» предупредил, что в следующий раз он не пошлёт добычи рыболовам [14, с. 139]. Считалось, что промысловые неудачи, которые вызывали голод в нивхских селениях, были наказанием со стороны морского божества.

Нарушение установленного порядка вещей представлялось опасным для мироздания в целом, особенно когда это касалось судьбы водной стихии – «важнейшей промысловой сферы и пути сообщения нивхов» [15]. Герой нивхского мифа вознамерился осушить море, и тогда на небе появились два солнца, грозившие гибелью всему живому [15]. Таким образом, неразумное поведение мифологического персонажа вызвало катастрофу космического порядка. Трагедию предотвратил некий *Уму нивх*, уничтоживший второе светило.

Нивхи не противопоставляли себя миру дикой природы, населённому не только животными, но и антропоморфными существами, представителями низшей демонологии. Согласно мифологии, с некоторыми из них в прошлом складывались достаточно добрососедские отношения, впоследствии испортившиеся по вине людей. Например, известны рассказы о «берущих людях», которых на Амуре называли *палонгу*, а на Сахалине – *генивгун* (*генивхи*). Они описывались как двупалые существа, имевшие голову конической формы, со спутанными волосами. *Генивхи* обитали в лесу и, подобно людям, занимались охотой и рыболовством. Их особенностью была склонность к попрошайничеству. В одном из текстов говорится о том, что человек, которому надоели постоянные просьбы *генивха*, однажды положил в его ладонь раскалённый уголёк. Обидевшись на людей, *генивхи* покинули эти места. По тексту можно понять, что рассказчик осуждает поведение человека [12, с. 60].

По другому мифу, добрые отношения связывали один из нивхских родов с морскими обитателями *чхарур*, занимавшимися, как и нивхи, охотой на нерпу. Пока люди находились на промысле, *чхарур* разрешалось пользоваться их чугунными котлами для варки нерпичьего мяса. Раздор произошёл из-за неправильного поведения амурской нивхинки, взятой в жёны сахалинским нивхом. Женщина не знала местных обычаев: ей не было известно, что *чхарур* смертельно боятся зайцев, считая их злыми духами. Когда в доме появился *чхарур*, женщина обернулась к нему, держа в руках колыбель, на которой висела голова зайца. Пришелец упал замертво от страха. С тех пор *чхарур* мстят людям, а нивхи, выходя за пределы селения, всегда имеют при себе клочок заячьей шкурки [9, с. 186–187]. Мифологический рассказ показывает, какое большое значение придавалось соблюдению существующих обычаев.

Архаическое мышление увязывало преступление с неотвратимостью наказания. Бережное отношение ко всему живому, с одной стороны, имело экологическую обусловленность, но с другой – было связано с закреплением нравственных установок, обязательных как для индивида, так и для общества в целом. Например, в детях воспитывали сочувствие перелётным птицам: *«Мать и отец говорили: “Перелётные птицы устали, не гони их. Они, голодные и усталые, садятся к нам отдохнуть”»* [8 с. 61].

Особенно строгому осуждению подвергалась немотивированная жестокость по отношению к представителям фауны. У нивхов бытовало большое число рассказов о наказании тех, кто истязал животных. В назидание молодым старики рассказывали о некоем юноше, который разделявал ещё живую добычу. *«Добыл он нерпу и привёз раненую, но ещё живую в стойбище, начал разделявать. Отец ему говорил: “Ты сперва убей, только потом разделявай”». А он, смеясь, взяла нож и разделал нерпу, а через месяц у него рука заболела, да так, что он ночами не спал и ничего не мог делать»* [7, с. 14].

Жертвами людей нередко становились грызуны – зайцы и крысы или амфибии – лягушки, жабы и др. Такое поведение было недопустимым ещё и потому, что архаическое сознание наделяло этих существ функций посредников между мирами в многомерной структуре мироздания. В фольклорных сюжетах месть животных могла проявляться по-разному, в том числе в форме физического уничтожения насильника. *«Три женщины ягоду собирать отправились. Одна из подруг, как только присядут (они) отдохнуть, брала лягушку и мучила её, несмотря на то что подруги её отговаривали»*. Закончив собирать ягоду, подруги устроились на ночлег. Ночью они слышали, как лягушки квакали и шуршали. А утром обнаружили, что их подруга, *«костями белея, мёртвая (лежит). Лягушки съели её всю целиком за то, что она мучила их»* [8, с. 142]. Подобные рассказы предназначались прежде всего детям, и выразительные концовки должны были произвести желаемый эффект. Это было воспитание правильного поведения «от противного».

Другим направлением народной педагогики было воспитание на положительных примерах. Одним из главных достоинств человека считалось трудолюбие, без которого не мог вырасти достойный кормилец семьи, рода или умелая хозяйка дома. Мужчины ловили рыбу, охотились на таёжного и морского зверя, строили жилища и хозяй-

ственные помещения, изготавливали орудия промыслов, средства передвижения (лодки, нарты, лыжи) и всю домашнюю деревянную утварь. Женщины ухаживали за детьми, собирали ягоды, съедобные травы и корнеплоды, готовили еду, обрабатывали шкуры животных, изготавливали нитки из крапивы, вязали неводы и сети, шили одежду и обувь, делали берестяную посуду [3, с. 243–244].

Основные занятия героев фольклора соответствуют реальному распределению обязанностей в нивхской семье. Мужчина ходил на охоту и рыбалку: *«Какие бы лесные звери ни водились, всех их добывал. А когда река вскрывалась, спустившись (к реке), всякую рыбу – и сазанов, и калугу – добывал и птиц приносил...»*. Женщина эту добычу варила и заготавливала впрок [8, с. 3].

В сказке «Не родись ленивой» мать наставляет свою юную дочь: *«Когда меня не будет, ты старайся вспоминать про меня. И делай всё так, как я делала, помогай отцу. Отец рыбы наловит – старайся засушить много юколы на зиму, нарви побольше ягоды. А если отец на охоте зверя добудет, сними шкуру, обработай её и постарайся сшить торбаса, тапочки и шапку себе, да и отца не забывай одевать»* [7, с. 16]. Ленивая супруга, не желающая ничего делать по дому, могла быть возвращена родителям. Именно так поступил один нивх, удачливый охотник и рыбак. Через год он женился на девушке по имени *Клойгши*, красивой, весёлой и – главное – трудолюбивой [7, с. 32]. Говоря современным языком, лень супруги послужила основанием для развода.

Одной из главных ценностей в традиционном обществе являлись кровнородственные связи. Каждый член рода нес ответственность за остальных. Наиболее убедительно эти представления засвидетельствованы эпическим творчеством. Эпический герой, «человек Ыгмифа» (т.е. житель Сахалина), сирота, потерявший сестру и младшего брата, должен узнать об их судьбе. Достигнув зрелости, он отправляется в путь. Преодолев множество препятствий, герой попадает в Верхний мир, где освобождает сестёр-близнецов, содержащихся в «чудесном амбаре». Девушки становятся его жёнами. Бабочка-махаон, покровительница героя, помогает им вернуться на землю.

Однако юноша пока не выполнил своего предназначения – не освободил брата, которого похитил злой шаман, посадил в клетку и подверг мучениям. Об этом постоянно напоминают обитатели Среднего мира – птицы, звери, насекомые, растения:

*Человека Ыгмифа
В смех превратили:
«Хи-кик! Хи-кик!
Ка-как! Ка-как!» –
Смеются.
.....
И травы над ним смеются.
Всё, что вокруг родилось,
Смеются все, оказывается* [23, с. 354–355].

Герой вновь отправляется в путь и находит брата внутри двуглавой горы. С помощью помощников-небожителей он уничтожает врагов и освобождает не только брата, но и тех людей, которых когда-то

забрали людоеды-унъри. О сестре позаботилась прабабка – «хозяйка Чёрной со сдвоенным хвостом горы» [23, с. 317–320]. Как видим, эпическим творчеством зафиксировано убеждение, что исполнение закона кровной мести, установленного высшими силами, поддерживается не только человеческим сообществом, но всеми обитателями Среднего мира.

Забота родителей о будущем своих детей нашла отражение в ряде мифологических текстов, что указывает на древность этой жизненной установки. Так, стареющий отец, чтобы проверить охотничьи успехи сына, предстал перед ним в облике медведя. Молодой охотник заколол зверя копьём. Тут он услышал стон и узнал голос отца. Юноша заплакал, но отец сказал: «*Не плачь, я убедился, что ты стал настоящим охотником*» [2, с. 183]. В тексте явно заметны отголоски тотемизма, но информант объяснил превращение старика-отца тем, что тот надел медвежью шкуру. Возможно, этот комментарий предназначался для слушателя, не способного, по мнению рассказчика, правильно понять сакральный смысл нарратива.

Сочувствие к обездоленным – нравственная установка, входящая в число общечеловеческих ценностей. Мотив страдающих сирот имеет сравнительно позднее происхождение; он появился на этапе разрушения родовой организации, при которой существовала коллективная ответственность за каждого члена рода. Произведения о бедных сиротах насыщены реалистическими подробностями, но наряду с этим активно используют язык мифа. Как правило, герои получают избавление от бед не на земле, а в мире, недоступном для их притеснителей. Такова сказка о девочке-сиротке «Лебеди». Мачеха невзлюбила падчерицу. «*Никогда не кормила её. Не разговаривала. Даже не глядела!*» И однажды ударила голодную девочку ножом по руке, протянутой к пище. Истекая кровью, девочка замахала руками, превратилась в лебедя и присоединилась к стае, которая в это время пролетала над стойбищем [8, с. 61–64].

В другом тексте юноше-сироте, жившему вдвоём с овдовевшей матерью, приходит на помощь дочь хозяина воды, снабжая его рыбой и морскими животными. Между тем у матери героя имелась многочисленная родня. Её братья, которые должны были поддерживать племянника, регулярно брали юношу на рыбалку, но из богатого улова «*давали только две рыбины, лишнего не хотели давать, выбирали рыбу помельче и отдавали. А сами юколы заготавливали полные вешала*» [8, с. 66]. Стилистика повествования говорит об осуждении подобного поведения.

Действовавший закон коллективной ответственности за каждого члена рода способствовал сплочению сообщества при выполнении хозяйственных работ, а также перед лицом грозящей опасности. Наблюдения этнологов позволяют прийти к выводу о существовании у нивхов развитого коллективизма [22, с. XVI; 2, с. 182]. А.Г. Филимонов связывает эту особенность социальных отношений со спецификой трудовой деятельности этноса. Несмотря на то, что охота (индивидуальное занятие) занимала важное место в жизни нивхов, она уступала по значимости рыбному промыслу, организация которого требовала всеобщего участия, включая женщин и детей.

Хозяйственная деятельность носила сезонный характер и, кроме того, имела чёткую привязанность к определённым угодьям. У каж-

дого рода были свои места лова, за состоянием которых внимательно следили. По мнению А. Г. Филимонова, особенности хозяйственного быта нивхов требовали «высоко развитого коллективизма, делая всякого индивида частью общины гораздо в большей степени, чем это бывает обычно у охотников» [20, с. 82].

Об эффективности коллективных действий говорится в рассказе о том, как нивхский род, проживавший на реке Руи, расправился с гигантским медведем *милком* (злым духом). От его шагов дрожала земля. Медведь обмазал себя глиной, чтобы защититься от ударов копытами. Но люди оказались умнее зверя. «Они к концу палок подвязали ветки с листьями, опускали это в воду и смачивали под мышками, чтобы размякла глина. А потом кололи под мышками. И когда там появилась кожа, кололи, кололи и убили его» [8, с. 54–55]. Текст относится к жанру *тылгур*, т.е. рассматривается исполнителем как рассказ об истинном происшествии.

Имущественная дифференциация, сопутствовавшая разложению родового общества, оказала своё влияние на оценку богатства как важного условия жизненного благополучия. Однако это богатство должно быть заслуженным. Так, в нивхской версии промыслового мифа о спасённом звере тигр отблагодарил юношу «множеством пушинины». Дорогие меха несли шесть человек-тигров. «На другой год герой, нагрузив три лодки пушинины, отвёз их на обмен к маньчжурам» [9, с. 94]. Сюжет, по-видимому, пришёл из тунгусо-маньчжурского фольклора, где имел иную концовку: герой награждался охотничьей удачей, чтобы его семья не знала голода.

Определённое место в нивхском фольклоре занимали рассказы о чрезвычайных происшествиях, случившихся в быту, например, о нарушении норм брачного права (гиляк взял в жёны девушку, сосватанную другим [22, с. 84]). Часть сюжетов встречалась и у тунгусо-маньчжуров, но некоторые не были характерны для устной традиции тунгусоязычных народов. Прежде всего речь идёт о случаях суицида от невыносимой обиды или от любви, противоречащей брачным нормам сообщества.

Нивхи полагают, что люди могут иметь уважительные причины для добровольного ухода из жизни (издевательство со стороны окружающих, тяжёлая болезнь, несчастная любовь и пр.). В материалах Б.О. Пилсудского, полученных на рубеже XIX–XX вв., имеется текст, озаглавленный «Младшая жена повесилась». «У одного нивха было две жены. Младшая жена всё время злилась, ревновала. [За это] муж её бил. Обозлившись на то, что её били, [она ушла]; взяла верёвку и повесилась». Огорчённый муж отправился на поиски и сумел оживить её [15, № 32]. Можно предположить, что супруг давал повод для недовольства жены и потому постарался загладить свою вину.

В случаях немотивированного самоубийства усматривалось воздействие злых сил. Уничтожение вредоносных, опасных для человека обитателей различных сфер мироздания считалось не только допустимым, но и необходимым деянием. Такой текст также был в своё время записан Б.О. Пилсудским – «Дерево, на котором все вешались»: «Нивхская женщина, ни на кого не рассердившись, с хорошими мыслями пошла к этому дереву. Верёвку спрятав, унесла, привязала (к этому дереву) и повесилась. Ещё один мужчина, тоже ни на кого не рассердившись, которого люди вовсе не ругали, в хорошем уме, тоже

пошёл и повесился. Много людей, половина деревни, все повесились на этом одном дереве...» Виновником всех бед посчитали большую белую крысу, прятавшуюся в стволе дерева; её убили. Несчастья прекратились после того, как дерево изрубили и сожгли [15, № 172]. В Амуро-Сахалинском регионе подобные сюжеты встречаются только у нивхов, что сближает их жизненные установки с японскими.

В нивхской песенной лирике имеется особый жанр – *валглу* (*алхтунд/алхтури*). Известно, что в прошлом молодые люди во время свидания исполняли друг другу песни собственного сочинения. В одной из таких песен девушка признаётся молодому человеку, как тоскует в разлуке с ним:

*Летающей птицей летела бы
Следом за тобой вдогонку,
Летающим листиком была бы,
Ветер кружил бы, ын-ына,
Да разве догнать мне тебя, ын-ына...* [11, с. 115].

В 1920-х гг. в нивхском селении на берегу Охотского моря Е.А. Крейнович записал лирическую песню-поэму о том, как девушка бросилась в погребальный костёр к любимому, чтобы сгореть вместе с ним и быть неразлучной хотя бы в загробном мире. «Заброшенное, полунищее село, – записал исследователь в своём дневнике. – И вдруг здесь, на краю земли, я встречаюсь с образом самой чистой, самой возвышенной любви» [3, с. 320].

Как правило, *валглу* (*алхтунд*) пелись в интимной обстановке, но могли исполняться и публично. Более того, наиболее удачные песни входили в общий репертуар, их повторяли своим избранныкам другие влюблённые. Любовная лирика тунгусоязычных народов также носила иносказательный характер, но она не предназначалась для посторонних и не выходила за пределы личного пространства молодых людей.

У нивхов существовали также песни о запретной любви, в которых выражалось явное сочувствие героям. Одна из таких песен посвящена любовной связи дяди и племянницы. Когда девушка узнала, что беременна (детей, родившихся у такой пары, убивали), она ушла в лес и повесилась. Её возлюбленный также покончил с собой, чтобы они могли соединиться в Нижнем мире [5].

По мотивам нивхских легенд о великой любви современный автор С.В. Лозовский, житель национального села Некрасовки, написал пьесу в стихах «Анлой». Демон безвременья *Анлой* подвергает испытаниям молодого охотника *Азмуна* и его возлюбленную *Лингук*:

*Любовь ворвалась к ним, пришла, сметая вековой запрет,
Лингук просватана была другому с самых детских лет...* [4, с. 5]

Искуситель *Анлой* обещает им счастье в «царстве вечности». Поддавшись уговорам, *Лингук* ступила в костёр и «попала в мир другой, откуда нет пути назад». Сто лет *Азмун* хранил любовь и ждал свою *Лингук*. Она пришла, чтобы позвать его за собой, но он опять отказался от бессмертия в мире *Анлоя*. Однако смерть не забрала мятежных героев: луч сияющей звезды указал им путь на небеса, где они

смогли навеки сохранить свою любовь. Как видим, автор критически переосмыслил брачные традиции нивхов и предложил своё решение проблемы.

Поэтизация любви как высокого чувства привела к изменению оценки прежних брачных норм в нивхском социуме; в фольклорных произведениях всё чаще стал встречаться мотив моногамного брака, основанного на любви:

*Ту женщину взяв, ввёл в дом.
Ох! Эта женщина!
Полюбил, оказывается [23, с. 403].*

«Муж так полюбил свою жену, что о второй жене даже и думать не хотел» [18, с. 17]. «Они жили очень дружно, всё делали вместе, у них родился сын, а затем и дочь. И они очень любили друг друга и своих детей» [7, с. 32].

Таким образом, в основе ценностных ориентиров нивхского этноса лежат базовые мировоззренческие нормативы, многие из которых являются общечеловеческими. Безусловно, традиционная система ценностей эволюционирует в ходе исторического развития под влиянием социально-экономических, политических, культурных факторов, однако такие категории нематериального порядка, как духовность и нравственность, менее подвержены трансформации, чем, например, нормы морали. Ценностные установки, связанные с родственными отношениями, защитой среды обитания, приоритетом традиционных занятий и духовной культуры, продолжают занимать прочные позиции в сознании народа, несмотря на то что не находят поддержки в новой действительности и даже вступают в противоречие с реальным поведением членов социума. В то же время нормы морали (в частности, касающиеся закона кровной мести, суицидального поведения, многожёнства и др.) могут измениться коренным образом, отвергая прежние постулаты.

Литература

1. Гонтмахер П.Я. Нивхи: этнографические тетради: философия, мифология, история, этнография, культура, искусство, народная медицина. Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического университета, 1999. 415 с.
2. История и культура нивхов: ист.-этногр. очерки / Отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2008. 270 с.
3. Крейнович Е.А. Нивхгу: загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, Главная редакция вост. литературы, 1973. 493 с.
4. Лозовский С.В. Анлой. Пьеса в стихах. По мотивам нивхских легенд. Южно-Сахалинск: Изд-во «Сахалин – Приамурские ведомости», 2011. 24 с.
5. Мамчева Н.А. Кто такие нивхи (и о чём они поют). URL: www.arzamas.academy/mag/519-nivhi (дата обращения: 08.06.2021).
6. Мамчева Н.А. Музыкальные инструменты в системе традиционной культуры нивхов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2010. 23 с.
7. Мувчик Л. Красавица из Выскво: нивхские народные сказки. Находка: Печатный салон ПМП, 2004. 44 с.
8. Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной / Отв. ред., автор предисловия и коммент. А. М. Певнов. М.: Энерджи Пресс, 2010. 160 с.
9. Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб.: Центр «Петербург-

ское Востоковедение», 1997. 288 с.

10. Островский А.Б. Религиозные верования нивхов. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2005. 176 с.

11. Отаина Г.А. Нивхские народные песни // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Н.К. Старкова. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 110–124.

12. Отаина Г.А. Жанр тылгугов в нивхском фольклоре // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: (Материалы Междунар. науч. конф., 31 октября – 2 ноября 1991 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1992. Т. 2. С. 59–66.

13. Отаина Г.А. Фольклор в народной педагогике нивхов // Семья и семейный быт в восточных регионах России / Отв. ред. Ю. В. Аргудяева. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 129–138.

14. Отаина Г.А. Экологическая ориентация нивхской культуры // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тезисы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Ч. 1. Владивосток, 1993. С. 136–139.

15. Пилсудский Б. [О.] Фольклор сахалинских нивхов / Подготовка к публ. и коммент. А.Б. Островского. [Южно-Сахалинск]: Сахалинское кн. изд-во, 2003. URL: www.icrap.org/folklore_sachalinskich_nivhov-4-.html (дата обращения: 04.06.2021).

16. Ростовская Т.К. Ценностные ориентиры современной молодежи: особен-

ности и тенденции: монография. / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М.: РУСАЙНС, 2019. 228 с.

17. Рудь Н.П. Функционирование мифологического сознания нивхов в ритуалах, музыкальном фольклоре и орнаменте. Конец XIX – начало XXI века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2003. 22 с.

18. Сестра: нивхская сказка. Южно-Сахалинск: ИП Тарасов А.В., 2010. 28 с.

19. Скоринов С.Н. История обрядовой культуры нивхов: середина XIX – 80-е годы XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. 30 с.

20. Филимонов А.Г. Влияние внешней среды и хозяйственной деятельности на восприятие реальности (по материалам традиционной нивхской культуры) // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций / Отв. ред. В.А. Тураев. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 79–85.

21. Филимонов А.Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 28 с.

22. Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1908. 254 с.

23. Ыгмиф налит во. Поселение бухты Чёрной земли. Эпос сахалинских нивхов / В.М. Санги. М.: ИП Смирнова М.А., 2013. 432 с.

Lidiya E. FETISOVA

Ph. D. (in Philology), Leading Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).

E-mail: fetisova.lidie@yandex.ru

Value Orientations in the Traditional Culture of the Nivkhs (Based on the Folklore Materials)

UDC 39 (=571)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

The article analyzes the spiritual-moral and moral-ethic values that are reflected in the traditional Nivkh folklore. Most of them have universal human significance, but they were shaped by the habitat and ethno-cultural specifics of the indigenous Far Eastern peoples. Good heroes of Nivkh folklore are an example of a correct lifestyle bequeathed by ancestors, while negative characters are always punished for their unseemly actions. Oral texts are used in folk pedagogical practice. The most important values are related to kinship, natural environment, and priority of traditional culture. The author emphasizes the frank poetization of sublime love, which distinguishes the Nivkh folklore from the traditions of the neighboring Tungus-Manchu peoples. The possible influence of Japanese culture on the assessment of the problem of suicide is noted. The study showed transformation of a number of value concepts under the influence of changing reality.

Russian Far East, indigenous peoples, the Nivkhs, cultural specifics, spiritual values, traditional folklore

For citation: Fetisova L. E. Value orientations in the traditional culture of the Nivkhs (based on the folklore materials) // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 6–16. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

References

1. Gontmakher P.YA. Nivkhi: etnograficheskie tetradi: filosofiya, mifologiya, istoriya, ehtnografiya, kul'tura, iskusstvo, narodnaya meditsina. Khabarovsk: Izd-vo Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1999. 415 s.
2. Istoriya i kul'tura nivkhov: ist.-ehtnogr. ocherki / Otv. red. V.A. Turaev. SPb.: Nauka, 2008. 270 s.
3. Krejnovich E.A. Nivkhgu: zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vost. literatury, 1973. 493 s.
4. Lozovskij S.V. Anloj. P'esa v stikhakh. Po motivam nivkhsksikh legend. YUzhno-Sakhalinsk: Izd-vo «Sakhalin – Priamurskie vedomosti», 2011. 24 s.
5. Mamcheva N.A. Kto takie nivkhi (i o chyom oni poyut). URL: www.arzamas.academy/mag/519-nivhi (data obrashheniya: 08.06.2021).
6. Mamcheva N.A. Muzykal'nye instrumenty v sisteme traditsionnoj kul'tury nivkhov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2010. 23 s.
7. Muvchik L. Krasavitsa iz Vyskvo: nivkhskie narodnye skazki. Nakhodka: Pechatnyj salon PMP, 2004. 44 s.
8. Nivkhskie mify i skazki iz arkhiva G. A. Otainoj / Otv. red., avtor predisloviya i komment. A. M. Pevnov. M.: EHnerdzh Press, 2010. 160 s.
9. Ostrovskij A.B. Mifologiya i verovaniya nivkhov. SPb.: TSentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1997. 288 s.
10. Ostrovskij A.B. Religioznye verovaniya nivkhov. YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe kn. izd-vo, 2005. 176 s.
11. Otaina G.A. Nivkhskie narodnye pesni // Ehtnografiya i fol'klor narodov Dal'nego

- Vostoka SSSR / Otv. red. N.K. Starkova. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1981. S. 110–124.
12. Otaina G.A. Zhanr tylgurov v nivkhskom fol'klоре // B.O. Pilsudskij – issledovatel' narodov Sakhalina: (Materialy Mezhdunar. nauch. konf., 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1991 g.). YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1992. T. 2. S. 59–66.
13. Otaina G.A. Fol'klор v narodnoj pedagogike nivkhov // Sem'ya i semejnij byt v vostochnykh regionakh Rossii / Otv. red. YU. V. Argudyaeva. Vladivostok: Dal'nauka, 1997. S. 129–138.
14. Otaina G.A. EHkologicheskaya orientatsiya nivkhskoj kul'tury // Istoricheskij opyt osvoeniya vostochnykh rajonov Rossii: Tezisy dokl. i soobshh. Mezhdunar. nauch. konf. CH. 1. Vladivostok, 1993. S. 136–139.
15. Pilsudskij B. [O.] Fol'klор sakhalinskikh nivkhov / Podgotovka k publ. i komment. A.B. Ostrovskogo. [YUzhno-Sakhalinsk]: Sakhalinskoe kn. izd-vo, 2003. URL: www.icrap.org/folklore_sachalinskich_nivhov-4.html (data obrashheniya: 04.06.2021).
16. Rostovskaya T.K. TSennostnye orientiry sovremennoj molodyozhi: osobennosti i tendentsii: monografiya. / T.K. Rostovskaya, T.B. Kaliev. M.: RUSAJNS, 2019. 228 s.
17. Rud' N.P. Funktsionirovanie mifologicheskogo soznaniya nivkhov v ritualakh, muzykal'nom fol'klоре i ornamente. Konets XIX – nachalo XXI veka: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Komsomol'sk-na-Amure, 2003. 22 s.
18. Sestra: nivkhsкая skazka. YUzhno-Sakhalinsk: IP Tarasov A.V., 2010. 28 s.
19. Skorinov S.N. Istoriya obryadovoj kul'tury nivkhov: seredina XIX – 80-e gody XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1996. 30 s.
20. Filimonov A.G. Vliyanie vneshnej sredy i khozyajstvennoj deyatelnosti na vospriyatие real'nosti (po materialam traditsionnoj nivkhskoj kul'tury) // EHtnos i kul'tura v usloviyakh obshhestvennykh transformatsij / Otv. red. V.A. Turaev. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. S. 79–85.
21. Filimonov A.G. Kollektivnye predstavleniya nivkhsкого ehtnosa: vzaimodejstvie cheloveka, sotsiuma i prirody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2002. 28 s.
22. SHternberg L.YA. Materialy po izucheniyu gilyatskogo yazyka i fol'klора. T. 1. CH. 1. SPb., 1908. 254 s.
23. Ygmif nalit vo. Poselenie bukhty CHyornoj zemli. EHpos sakhalinskikh nivkhov / V.M. Sangi. M.: IP Smirnova M.A., 2013. 432 s.

ГВОЗДЕВ Роман Витальевич,

канд. ист. наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: groma@inbox.ru

Основные факторы изменений в сфере духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных народов Дальнего Востока России в XIX–XXI вв.

УДК 390(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

Период XIX–XXI вв. для коренных народов Дальнего Востока – время коренных изменений в области собственной культуры и идентичности. Эти перемены не могли не затронуть духовно-ценностных ориентиров аборигенных этносов. Из полностью самостоятельных этнических групп в этот период они превратились в часть большого многонационального государства, с принципиально отличной духовной сферой, социальным устройством. Кроме того, за указанный период, само государство, в состав которого вошли дальневосточные народы, также претерпело масштабные, подчас революционные, трансформации во всех сферах. Мы попытались проанализировать основные аспекты данного процесса и обозначить роль факторов, повлиявших на трансформации в области духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных дальневосточных народов. К таковым факторам мы относим воздействие государства, христианизации и иной модели социального устройства восточных славян.

*коренные
малочисленные народы,
Дальний Восток
России,
духовно-ценностные
ориентиры,
культурные
трансформации*

Тема духовно-ценностных характеристик коренных народов Дальнего Востока не нова для отечественного научного сообщества, более того, она является частью широкой проблематики этнической самоидентификации. Большинство учёных-этнологов так или иначе касались в своих исследованиях этого вопроса. Остановимся на некоторых работах, интересных в контексте нашего исследования. В.А. Тураев в своих исследованиях обращал особое внимание на взаимодействие государства с коренными народами, его влияние на их хозяйство и культуру. Также о роли государства в этнической истории КМНС мы можем судить по исследованиям Л.Н. Хаховской. В работах Ю.В. Аргудяевой отражены проблемы взаимодействия православия и местных анимистических верований, шаманских культов.

В своей статье мы попытались обобщить разные факторы, повлиявшие на изменения в сфере духовно-ценностных ориентиров у коренных народов Дальнего Востока в обозначенный период.

Для понимания сути происходивших трансформаций нам необходимо учитывать общий исторический контекст, на фоне которого происходили изменения в данной сфере. Как известно, до прихода восточных славян, а вместе с ними и российской государственности, коренные народы региона

Для цитирования:
Гвоздев Р. В. Основные факторы изменений в сфере духовно-ценностных ориентиров в культуре коренных народов Дальнего Востока России в XIX–XXI вв. // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 17–26. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

фактически были самостоятельными этническими образованиями. Циньский Китай, хоть по умолчанию и считал Приамурье и даже часть Сахалина своими, фактически имел незначительное влияние на данные территории, не стремился к их заселению и, соответственно, широкой культурной экспансии. Влияние Японии также носило локальный характер, и проявлялось главным образом в виде меновой торговли на пространстве амуро-сахалинского региона. Корея также незначительно влияла на территорию Дальнего Востока, хотя к XIX веку в Приморье и проживало некоторое число этнических корейцев.

Русские проникли в данный регион ещё в XVII в. Однако, активная колонизация и заселение дальневосточных земель началось лишь в середине XIX века, после заключения вначале Айгунского (1858 г.), а затем Пекинского (1860 г.) договоров с Китаем и окончательного определения границ с Японией (в 1875 г.). Именно с этого периода на пространстве Дальнего Востока начинает действовать российское законодательство. И это означало, что коренные народы, которые ранее жили по собственным обычаям и родовому праву, отныне постепенно включались в российскую государственную систему [4, с. 244]. Некоторые базовые установки культуры, как например кровная месть или воровство женщин, оказались в прямом конфликте с данной системой. Фактически с данного момента можно говорить о начале коренных перемен в культуре аборигенных народов Дальнего Востока. В качестве основных факторов изменений мы выделим несколько направлений. Прежде всего, это прямое влияние государства, с его законами, экономикой, внутренней политикой и т.д. Вторая группа причин – это влияние в области непосредственно духовных ценностей. И, как мы увидим, зачастую эта группа тесно связана с первой. К третьей группе можно отнести собственно культурное влияние пришлого населения, главным образом восточных славян, с их иной социальной моделью, религиозными и моральными нормами, численностью и экономическим базисом.

Надо отметить, что воздействие на традиционную культуру аборигенного населения дальневосточного региона зачастую осуществлялась по каналам, которые в принципе отсутствовали до вышеозначенного периода. Речь идёт о таких понятиях как: развитые торгово-экономические отношения – в противовес меновой торговле, образование – в противовес этнопедагогике, создание крупных поселений – в противовес компактным родовым селениям, религия – в противовес анимистическим представлениям [15, с. 183].

Изначально на территории Дальнего Востока действовал первый базовый документ Российской Империи, разработанный для регулирования отношений государства и коренных народов – «Устав об управлении инородцев» 1822 г. Он на долгие годы вперёд заложил определённую традицию управления КМНС, отражённую и в последующих законодательных актах. С одной стороны, документ предписывал политику без жёсткого вмешательства в жизнь аборигенов: право на самоуправление, запрет русским занимать их земли. Также в данном документе, фактически ещё до появления классической этнографии, все народы были разделены на разряды, с учётом хозяйственно-культурных типов, что позволило производить распределение земель. Во многом данные пункты «Устава» замедлили изменения в хозяйственной деятельности аборигенов, такой важной

для сохранения собственной идентичности. Фактически государство узаконило территории традиционного природопользования, и данное понятие, хотя и в сильно изменённом виде, существует и теперь. Гарантировалась свобода занятия традиционными промыслами и признавалась законность их распределения согласно принятым способам [13]. С другой стороны, отныне российским законодательством каралась кровная месть. Как мы знаем, кровная месть является безусловной составляющей любого общинно-родового общества, характерного и для коренных жителей Дальнего Востока. Также преступлением стало считаться и похищение женщин с целью женитьбы, весьма распространённое среди коренных народов и являвшееся одной из причин кровавых межродовых конфликтов. Это, вкупе с рядом других причин, о которых речь пойдёт ниже, явилось предвестником масштабных перемен в сфере социального устройства и семейных ценностей у КМНС.

С возникновением СССР и дальнейшим освоением территории Дальнего Востока ушло в прошлое и такое явление как групповой брак. И немаловажную роль здесь сыграло именно законодательство, ставившее вне закона наличие более одного супруга. В 20-х – 30-х гг. XX в. создание совхозов и колхозов привело к укрупнению хозяйств и, соответственно мест проживания, что, в конечном счёте, положило конец родовым поселениям. Часть населения, ведущего традиционно кочевой образ жизни, теперь вынуждена была жить оседло в посёлках. О том, насколько болезненно переживали этот процесс бывшие кочевники, говорит пример охотских эвенков. Лишившись оленей и самой возможности вести кочевой образ жизни, тем не менее, долгие годы они продолжали перемещать свои палатки на новое место, иногда буквально на несколько десятков метров, хотя эти действия не имели никакого практического смысла [11, с. 8]. Важно понимать контекст, при котором способ ведения хозяйства был одним из самых важных маркеров самоидентификации коренных народов Дальнего Востока, составляя не только уклад и мировоззрение, но массив, на котором основаны культурно-духовные ценности. Таким образом, государство, вначале Российская Империя, а затем СССР, используя собственные рычаги управления, в том числе законодательство, способствовало коренным преобразованиям в культуре дальневосточных аборигенов.

В начале 90-х годов, после развала Советского государства, коренные народы Дальнего Востока, как и всё остальное население, претерпевают масштабные общественные трансформации. На этом фоне, как среди высших представителей власти, так и среди представителей коренных народов, активно муссировались идеи о «возврате к корням». Однако попытка реконструировать традиционные соседские общины, как способ ведения хозяйства, характерного для начала XX века, не принесла положительного результата в новых экономических и общественных реалиях [12, с. 11]. С одной стороны реформы, проводимые государством, зачастую осуществлялись без обратной связи с широкой общественностью аборигенных народов. С другой стороны, понимание того, что следует делать в данной ситуации, отсутствовало и «внизу». Но главным было обоюдное непонимание невозможности возвращения к общинно-родовому способу ведения хозяйства, поскольку отсутствовала сама система рода и общины, не только как

экономической единицы, но и как формы социальной организации, которой были присущи свои особенности, ценности и принципы.

Период с начала 1990-х отмечен также новой парадигмой этнического самосознания. В Советском Союзе граждане идентифицировали себя, в первую очередь с понятием «советский человек», а личная этническая принадлежность была на втором плане. Но благодаря возвращению государственной политики в отношении малых народов в лоно традиционализма, а также популярным идеям поиска собственной уникальности – этническая принадлежность вышла на первый план. В начале XXI в., в связи с усилением роли государства, политика по отношению к коренным народам постепенно вновь возвращается к идее многонациональности, где каждый этнос – самостоятельная часть в составе большого народа России. В качестве законодательного закрепления данного вектора государственных инициатив в 2009 г. правительством России был выпущен документ "О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации". Хотелось бы обратить внимание на несколько пунктов. Для решения проблем КМНС предлагается обязательность участия представителей коренных малочисленных народов в принятии решений по проблемам, касающимся освоения природных ресурсов в местах традиционного проживания. Также предполагается совершенствование законодательной базы Российской Федерации для «защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов Севера». Кроме того, в документе оговаривается освещение в СМИ проблем и инициатив по коренным народам, исследование их текущего состояния и научные изыскания в данном направлении [7]. Как ни странно, но во многом данный нормативный акт перекликается со своим предшественником образца 1822 года – «Уставом об управлении инородцами». Это связано с общностью и декларативностью используемых в обоих документах понятий. Для реализации последней концепции необходимо как можно более конкретное и чёткое изложение механизмов осуществления запланированного.

Другой канал трансформаций, посредством которого происходили существенные изменения на уровне ценностных характеристик дальневосточных этносов – это семья, семейные отношения. Здесь также корни трансформаций лежат в разных плоскостях: от государственной национальной политики до сложных реалий взаимоотношений между аборигенными и пришлыми народами. Не всегда можно дать однозначную характеристику данным процессам.

Семья, как мы знаем, социальный институт, напрямую взаимосвязанный с развитием общества. Любые радикальные перемены в общественной жизни, неизбежно отражаются и на семье. С другой стороны, семья является неким объектом накопления и даже сохранения традиций [8, с. 307].

Христианизация также в значительной степени оказала влияние на изменения в области семейных отношений КМНС, причём процесс крещения происходил преимущественно мирно, особенно если рассматривать XIX в. [10, с. 480]. Несмотря на добровольность принятия православной веры и многочисленные послабления для новых верующих из числа коренных народов, по некоторым вопросам церковь занимала принципиальную позицию. В первую очередь это касалось

полигамии [1, с. 48]. Как мы знаем, групповой брак, был широко распространён среди коренных народов Дальнего Востока и объяснялся многими объективными причинами. Кроме того, напрямую связанный с браком обычай похищения женщин был не просто традицией, но диктовался и внешними условиями, такими как крайне низкая плотность населения, большие труднодоступные пространства. В свою очередь, именно данный обычай составлял значительную часть межродовых отношений, когда похищение, с одной стороны, могло послужить поводом к кровавой войне, а с другой, при последующем примирении образовывались новые родовые объединения. Позиция православной церкви была однозначна – она не признавала традиционные браки, совершённые вне крещения, и допускала лишь моногамный брак. Российское законодательство и администрация также выступали на стороне церкви. Мы имеем свидетельства, когда похищенных женщин, особенно крещённых, возвращали мужьям при помощи казаков [1, с. 49]. В итоге православие повлияло не только на собственно духовную составляющую, но и на распад классических больших родов КМНС и одновременно способствовало укреплению «малой» семьи.

Конечно, нельзя сказать, что на изменения в духовно-ценностной сфере оказала влияние только позиция православной церкви и восточнославянского населения в целом. Очевидно, что многочисленные перемены происходили в среде коренных народов в силу естественных исторических причин. Нам известно, что у коренных дальневосточных народов еще в XVII в. существовала частная собственность на некоторые виды имущества: оленей, собак, транспортный и промысловый инвентарь. Как следствие, в ряду основных причин межродовых столкновений стоит стремление к накоплению имущества [6, с. 230]. Так что процессы распада большого рода на малые семьи и общины, распространение частной собственности уже были присущи аборигенам. И такой внешний фактор, как освоение Дальнего Востока русскими, явился лишь катализатором, ускорившим этот процесс.

Если отойти от темы семейных ценностей и попытаться оценить влияние православия именно в духовной сфере, то можно заметить, что сам анимизм и шаманизм, которые являлись основной формой верований у КМНС, содержали в себе условия для проникновения другой религии, в данном случае православия. Дело в том, что сама суть таких верований допускает существование в разных регионах и у разных народов собственных богов или «хозяев местности». С данной точки зрения, Христос выступал в сознании представителей коренных этносов как «ещё один бог», от которого будет лишь польза. Таким образом, принимая крещение, аборигены не воспринимали этот акт как смену мировоззренческой и духовной парадигмы. Кроме того, православные миссионеры выступали ещё и в качестве лекарей, зачастую излечивая с помощью европейской медицины некоторые болезни, неподвластные местным шаманам. Это способствовало укреплению авторитета духовенства, и православие воспринималось как вера в более сильного бога. О своеобразности восприятия христианства местными народностями свидетельствуют факты того, что некоторые атрибуты православной веры были включены в шаманский культ. Мы можем судить об этом по деталям шаманского одеяния,

к которому амулеты с изображениями Христа и некоторых святых, а также кресты, пришивались наподобие оберегов [5, с. 276-279]. Кстати, буддийская символика также находила отражение в шаманских одеждах. Таким образом, образы Христа, Богородицы и некоторых святых, были весьма почитаемы представителями КМНС, хотя отношение к ним не было каноническим – их воспринимали, скорее, как очень сильных духов-покровителей [5, с. 272]. Данная ситуация очень типична именно для языческой психологии. Лишь по прошествии десятилетий некоторая часть представителей коренных народов не просто крестилась, но и восприняла определённый православный уклад.

После Октябрьской революции, в новых условиях, эта традиция резко обрывается, не успев до конца укорениться в сознании большинства аборигенов. Государство, взявшее курс на атеизм, по сути, создало собственный культ и иные идеалы. Сложилась ситуация, при которой исторически обусловленные анимистические представления утратили во многом свою духовную основу, хотя в виде примет и элементов промыслового культа продолжали сохраняться и в советское время. Вместе с тем, православие не успело стать общей духовной традицией для большинства представителей коренных народов. При том, что новая власть боролась с любыми проявлениями веры, как христианства, так шаманизма и анимизма. В некотором смысле, у коренных народов все эти трансформации выбивали духовную основу из-под ног. Однако, христианизация не прошла даром, так как способствовала интеграции «инородцев» в российское общество и приобщала к европейской культуре. Процесс этот также сложно оценить только с положительной точки зрения, так как одновременно с европеизацией коренных народов, утрачивались многие автохтонные элементы культуры, связанные с социальными институтами и верованиями. С другой стороны, непосредственно под влиянием православия, подкреплённого законодательством и поддержкой государственной администрации, произошло исчезновение левирата и многоженства [10, с. 481]. Благодаря вышеперечисленным факторам, ушли в прошлое обычаи кровной мести.

В ряде исследований упоминалось о важности предметной сферы для культур транспонирующего типа, к которым относится и аборигенное население Дальнего Востока. Например, сохранялись обряды «подкармливания» огня салом и спиртом, восходящие к анимизму. К ним же относились многочисленные запреты на убийство определённых животных и птиц: волка, орла, белого лебедя, кукушки, гагары и др. Причём для европейского сознания причины этих запретов выглядят как минимум необычно – опасались из-за боязни мести духа животного, а также из-за того, что они издавали звуки очень напоминавшие человеческий крик [9, с. 253]. Также известно, что до сих пор в отдалённых сельских районах изготавливается особая традиционная погребальная одежда и похоронный инвентарь [14, с. 90–91]. Таким образом, несмотря на столь значительные перемены, мы и в наши дни видим, что часть элементов традиционной духовной культуры коренных народов по-прежнему сохраняется, особенно в бытовой сфере.

Другой важной составляющей духовной культуры коренных народов Дальнего Востока являлся фольклор и язык. Для бесписьмен-

ных народов, коими являлись дальневосточные аборигены, значение фольклора вообще трудно переоценить. Фактически он содержал в себе большую часть той культуры, которую называем духовной. Ведь именно предания отражали реальную и героическую историю каждого народа, его традиции, мировоззрение, мораль, основы верований. И весь этот массив традиций передавался изустно. То есть он представлял собой некоторую кристаллизованную память народа. Не меньшее значение имел и язык, поскольку он, словно калька, отражал реальную жизнь его носителей: хозяйство, промысел, семейные отношения, веру и т.д. Российская администрация никогда не боролась с фольклором и языком. Наоборот, именно с приходом восточных славян связано создание письменности, написание книг и учебников на национальных языках, фиксация фольклорных произведений. Однако постепенно уровень владения собственным языком у коренных малочисленных народов Дальнего Востока стал неуклонно снижаться в силу низкой востребованности. Именно на русском языке осуществлялось делопроизводство, общение в государственных учреждениях и т.д. Постепенно ареал употребления родного языка у аборигенного населения сузился до семейно-бытового общения, а позже стал исчезать и из этой сферы. Нынешние дети и молодежь, как правило, не знают языка, фольклора. Вместе с этим они мало знакомы с этнической историей своего народа. В школах национальных сёл зачастую не хватает учебной, методической и художественной литературы на родных языках [2, с. 8]. Кроме того, обучение национальным языкам не составляет часть обязательной учебной программы для коренных народов. Учитывая, что родители, как правило, не говорят свободно на родном языке, у молодого поколения нет ни фактической возможности получить эти знания, ни должной мотивации.

Здесь мы подходим к проблеме сохранения традиционной культуры и духовных ценностей коренных народов. Но, как нередко бывает, не существует чёткого понимания того, что именно стоит сохранять. Часто речь идёт о попытках сохранить давно изжившие себя традиции. Ведь в нынешних реалиях совершенно невозможно внушить людям веру в духов или восстановить промысловый культ, несмотря на то, что он является одним из определяющих для идентичности коренных народов. Надо помнить, что даже процесс добычи животных охотником никогда не был полностью законсервированным традицией явлением. Например, рыбаки охотно пересели с вёсельных лодок на моторные. При этом, конечно, изменилась конструкция и форма лодки. А охотники легко отказались от традиционного лука и копья в пользу ружей, как только появилась подобная возможность, нимало не заботясь о сохранении традиций. И даже шаманы, как мы видим, не чурались использования изначально чуждой им религиозной символики и обычаев.

Возможно, следует принять динамичность исторического процесса и изменчивость самой культуры, в том числе и её духовно-ценностных элементов. С другой стороны, имеет смысл сохранение, пусть и не на бытовом уровне, языка, фольклора, народных промыслов, художественной и музыкальной культуры.

Да, сейчас мы можем утверждать, что значительная часть традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока утрачена. Столь сильное влияние на культуру целой группы народов региона

объясняется тем, что восточные славяне оказались носителями более развитых форм общественного и социального устройства, имели развитую религию и экономику. Использование этих доминирующих форм вовлекло коренные народы в новую для них форму экономики – капиталистические отношения, а затем социализм, сломав экономику, основанную на натуральном обмене. Отличное социальное устройство, вкупе с государственной политикой, развитой экономикой и религией смогло во многом разрушить родовую систему, а также традиционные верования. Фактически, речь идёт о постепенном сломе в рассматриваемый период традиционного мировоззрения аборигенного населения.

Сегодня мы можем наблюдать унификацию, универсализацию жизни в широком смысле этого слова. Однако одновременно мы можем видеть и обратный процесс возрастающего интереса к уникальным элементам в культуре, в том числе и коренных народов Дальнего Востока. Об этом можно судить по многочисленным попыткам реконструировать утраченные элементы материальной и духовной культуры. Такой опыт возможен лишь благодаря волевым усилиям определённой части представителей коренных народов, и равнодушных со стороны восточнославянского населения. Активно развивается такое направление как этнотуризм, как, к примеру, в Национальном парке «Бикин» в Приморье. На этом фоне возникает всё больший интерес со стороны широкой общественности и творческих кругов к культуре и искусству национальных меньшинств. Говоря о сохранении духовно-ценностного в культуре, в качестве финальной черты хотелось бы привести слова из репортажа в котором Мария Копылова-Коленчуга, студентка, участник Конгресса народов Приморского края, говорит: «Мама похожую футболку сделала, только с тигром. С таким национальным орнаментом. Я бы такую носила и популяризировала бы культуру, потому что мало кто знает о том, кто живет в Приморье» [3].

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Влияние русского православия на быт коренных народов Приамурья и Приморья // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 41–52.
2. Быкова Г.В. Язык – главное условие этнической самоидентификации // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: Сб. науч. трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 5–15.
3. Видеорепортаж Ольги Катренко: «Удэгейцы представят на Конгрессе народов Приморья свои разработки по трудоустройству молодежи». 30.10.2018. Вести Приморья (новостной информационный портал). URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/69699-udegeytsy-predstavayat-na-kongresse-narodov-primorya-svoirazrabotki-po-trudoustroystvu-molodezhi.html> (дата обращения 5.06.21).
4. Гвоздев Р.В. Особенности торговых отношений уйльта (ороков) Сахалина в XVII-XIX вв. // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 236–244.
5. На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея. Альбом). М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. 296 с.
6. Общественный строй у народов Северной Сибири. Отв. ред. Гурвич И.С., Долгих Б.О. М.: Наука, 1970. 454 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»// Левоневский: правовая библиотека. (правовой информационный портал). URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/>

text00063.htm (дата обращения 5.06.2021).

8. Семейный быт народов Сибири. Отв. ред. Жданко Т.А. М.: Наука. 1990. 310 с.

9. Туголуков В.А. Преобразования в хозяйстве и культуре у эвенков Амурской области // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. с. 226–256.

10. Тураев В.А. «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) // Тихоокеанская Россия в междоцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011). Владивосток: Дальнаука. 2013. С. 470–483.

11. Тураев В.А. Охотские эвенки в XX веке: от этнокультурной эволюции к социальной деградации // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука. 2004. С. 3–37.

12. Тураев В.А. Традиционная культура в системе координат современного политического процесса // Культура России и сопредельных стран: прошлое, настоящее,

будущее (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Культурология; т. 16). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2014. С. 5–22.

13. Устав об управлении инородцев 1822 г. // «Мудрый юрист» (информационный портал). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822>. (Дата обращения: 1.05.2021).

14. Хаховская Л.Н. Коряки села Топоровка: локальное этническое сообщество в контексте истории населенного пункта // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 85–93.

15. Хаховская Л.Н. Российская государственность, как фактор этнической истории коренных малочисленных народов Северо-Востока России // Россия в Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009 г). Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 183–190.

Roman V. GVOZDEV,

Ph. D. (in Historical), Researcher at the Center for Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).

E-mail: groma@inbox.ru

The Main Factors of Changes in the Sphere of Spiritual and Value Orientations in the Culture of the Indigenous Peoples of the Russian Far East In the XIX–XXI Centuries

UDC 390(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

The period of the XIX–XXI centuries for the indigenous peoples of the Far East is a time of fundamental changes in the field of their own culture and identity. These changes could not pass by the spiritual and value orientations of the aboriginal ethnic groups. During this period, they turned from completely independent ethnic groups into a part of a large multinational state, with a fundamentally different spiritual sphere and social structure. In addition, during this period, the state itself, which included the Far Eastern peoples, also underwent global, sometimes revolutionary transformations in all spheres. We tried to analyze the main aspects of this process and identify the role of the factors that influenced the transformations in the field of spiritual and value orientations in the culture of the

indigenous small-numbered peoples, Russian Far East, spiritual and value orientations, cultural transformations

indigenous peoples of the Far East. These factors include the role of the state, Christianization, and a different model of the social structure of the Eastern Slavs.

For citation: Gvozdev R. V. The main factors of changes in the sphere of spiritual and value orientations in the culture of the indigenous peoples of the Russian Far East in the XIX–XXI centuries // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 3. P. 17–26. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/17-26>

References

1. Argudyaeva YU.V. Vliyanie russkogo pravoslaviya na byt korennykh narodov Priamur'ya i Primor'ya // *Rossiya i ATR*. 2009. № 4. S. 41–52.
2. Bykova G.V. YAzyk – glavnoe uslovie ehntnicheskoy samoidentifikatsii // *Ehntnikskij ehntnos v nachale tret'ego tysyacheletiya*: Sb. nauch. trudov. Blagoveshensk: Izd-vo BGPU, 2006. C. 5–15.
3. Videoreportazh Ol'gi Katrenko: «Udehgejtsy predstavlyat na Kongresse narodov Primor'ya svoi razrabotki po trudoustrojstvu molodezhi». 30.10.2018. *Vesti Primor'ya* (novostnoj informatsionnyj portal). URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/69699-udegejtsy-predstavlyat-na-kongresse-narodov-primorya-svoirazrabotki-po-trudoustrojstvu-molodezhi.html> (data obrashheniya 5.06.21).
4. Gvozdev R.V. Osobennosti torgovykh otnoshenij ujl'ta (orokov) Sakhalina v XVII–XIX vv. // *Rossiya i ATR*. 2018. № 1. S. 236–244.
5. Na grani mirov. SHamanizm narodov Sibiri (iz sobraniya Rossijskogo ehntnograficheskogo muzeya. Al'bom). M.: IPTS «KHudozhnik i kniga», 2006. 296 s.
6. Obshhestvennyj stroj u narodov Severnoj Sibiri. *Otv. red. Gurvich I.S., Dolgikh B.O.* M.: Nauka, 1970. 454 s.
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 04.02.2009 № 132-r «O Kontseptsii ustojchivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federatsii» // *Levonevskij: pravovaya biblioteka*. (pravovoj informatsionnyj portal). URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/text00063.htm> (data obrashheniya 5.06.2021).
8. Semejnij byt narodov Sibiri. *Otv. red. Zhdanko T.A.* M.: Nauka. 1990. 310 s.
9. Tugolukov V.A. Preobrazovaniya v khozyajstve i kul'ture u ehntnikov Amurskoj oblasti // *Preobrazovaniya v khozyajstve i kul'ture i ehntnicheskie protsessy u narodov Severa*. M.: Nauka, 1970. s. 226–256.
10. Turaev V.A. «Inorodcheskij vopros» v politike Rossijskogo gosudarstva (XVII–XIX vv.) // *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsilivatsionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashhee, budushhee* (Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011). Vladivostok: Dal'nauka. 2013. S. 470–483.
11. Turaev V.A. Okhotskie ehvenki v XX veke: ot ehntnokul'turnoj ehvolyutsii k sotsial'noj degradatsii // *Ehntnos i kul'tura v usloviyakh obshhestvennykh transformatsij*. Vladivostok: Dal'nauka. 2004. S. 3–37.
12. Turaev V.A. Traditsionnaya kul'tura v sisteme koordinat sovremennogo politicheskogo protsessa // *Kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran: proshloe, nastoyashhee, budushhee* (Tr. In-ta istorii, arkheologii i ehntografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. Ser. Kul'turologiya; t. 16). Vladivostok: IIAEH DVO RAN. 2014. S. 5–22.
13. Ustav ob upravlenii inorodtsev 1822 g. // «Mudryj yurist» (informatsionnyj portal). URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822>. (Data obrashheniya: 1.05.2021).
14. KHakhovskaya L.N. Koryaki sela Toporovka: lokal'noe ehntnicheskoe soobshhestvo v kontekste istorii naselennogo punkta // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 2011. № 1. S. 85–93.
15. KHakhovskaya L.N. Rossijskaya gosudarstvennost', kak faktor ehntnicheskoy istorii korennykh malochislennykh narodov Severo-Vostoka Rossii // *Rossiya v Tikhom okeane: rol' lichnosti v stanovlenii rossijskoj gosudarstvennosti i problemy bezopasnosti* (SHestyje Krushanovskie chteniya, 2009 g.). Vladivostok: Dal'nauka. 2011. S. 183–190.

АНДРИЕЦ Галина Алексеевна,

канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: andriets2005@list.ru

Русские праздники Харбина начала XX века в системе духовных ценностей Дальнего Востока (на материале журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке»)

УДК 947.05(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/27-35>

В статье на материале журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» рассматриваются основные русские праздники г. Харбина дореволюционного периода как духовные ценности дальневосточного региона. Отмечено, что поселенцы из России в условиях иной культуры создали значительное культурное наследие, дошедшее до нас в виде печати. Определено, что большое внимание издание уделяло освещению массовых праздников и гуляний. Выявлены описания новогодних торжеств, общероссийских памятных дат, профессиональных юбилеев, детских праздников, народных гуляний. Автор приходит к выводу, что досуговая и просветительская деятельность журнала обеспечивала сохранение культурных традиций, норм, ценностей, что способствовало формированию культурного пространства русской диаспоры на китайской территории.

*Харбин,
культура,
праздник,
духовные ценности,
традиции,
обычаи,
культурное
пространство*

В последние годы в отечественной и зарубежной науке интерес к истории культуры русского зарубежья продиктован необходимостью возрождения духовных ценностей России. Особая роль в этом принадлежит Харбину как одному из главных центров русской эмиграции на Дальнем Востоке, где задолго до революции существовала русская диаспора, привлечённая строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Исторические документы хранят следы духовной жизни людей, сумевших создать уникальный островок русской культуры на китайской территории со своим бытом, традициями, обычаями.

Российские поселенцы смогли не только сохранить на китайской земле свою национальную культуру, духовные ценности, языковую и ментальную среду, но в условиях иной культуры создали значительное культурное наследие, дошедшее до нас в виде печати [2, с. 1]. Одним из таких источников является еженедельный общественно-железнодорожный журнал г. Харбина «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» (1908–1917 гг., ред. Н.А. Усов) [12, с. 82]. На страницах периодического издания запечатлены события политической, социально-экономической, общественно-культурной жизни русской диаспоры на территории КВЖД. Среди множества фактов наибольший интерес представляют описания массовых праздников и гуляний, позволяющих современникам обратиться к историческому опыту, переосмыслить потерянные в веках духовные ориентиры, идеалы и ценности.

Для цитирования:
Андриец Г. А. Русские праздники Харбина начала XX века в системе духовных ценностей Дальнего Востока (на материале журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке») // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 27–35. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/27-35>

Несмотря на значительное число публикаций по истории русской культуры дальневосточного зарубежья [1; 2; 8; 9; 13] и по истории праздничной культуры как таковой [1; 3; 5; 6; 7; 10; 11; 14] проблеме праздников в освещении периодической печати г. Харбина должного внимания не уделялось. А между тем пресса отражает и одновременно формирует общественное мнение, систему представлений о нормах поведения. При этом отдельные, наиболее значимые трактовки традиций редакторов и обозревателей анализируются не как случайные явления, а как характерные проявления господствующих в рассматриваемый период тенденций общественно-культурной жизни [11, с. 15–16]. Журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» содержит богатейший фактический материал о праздничных событиях (информацию о публичных культурных мероприятиях и торжествах, о ходе, месте и времени их проведения, оценки очевидцев и т.д.), что позволяет наиболее достоверно представить содержание и динамику общественно-культурных процессов, реконструировать более общие тенденции в истории праздничной культуры.

Цель статьи – рассмотреть основные русские праздники Харбина начала XX века как духовные ценности дальневосточного региона в освещении журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке». Основное внимание уделим сохранившимся в печати описаниям новогодних торжеств, общероссийских памятных дат, профессиональных юбилеев, детских праздников, народных гуляний. Остановимся на культурном содержании и качестве проведения массовых мероприятий, определяющих уровень духовной жизни русских поселенцев в Китае.

В работе над статьёй нами использован богатый фактический материал, опубликованный на страницах порядка 50 номеров журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке», печатные экземпляры которого хранятся в фонде периодических изданий Российской государственной библиотеки (г. Москва).

По мнению прессы, обращение к русским традициям объективно обусловлено тоской по Родине. Деятельность по сохранению национальной культуры, системы определённых культурных ценностей, убеждений, обычаев, выразилась в нормах поведения и деятельности людей, что нашло своё отражение в праздничной культуре Харбина. Для праздника – основной составляющей праздничной культуры – характерны основные элементы (обряд, еда, тосты, праздничные пожелания и т.д.), раскрывающие взаимосвязь традиций и обычаев с праздничной культурой. Выполняя просветительскую, нравственную, эстетическую и др. функции, праздник определял потребности, побуждающие людей устраивать торжества (потребность в отдыхе, в удовольствии, в творческом самовыражении и т.д.) [14, с. 13].

Большое желание развлечься, как сообщает журнал, возникало у жителей накануне Нового года, когда в городе устраивались повсеместные новогодние празднества и увеселения. В культурных учреждениях проводились рождественские ёлки, балы, маскарады, вечера отдыха, все поздравляли друг друга с праздником. Например, в 1914 г. «новогодние поздравления в Железнодорожном и Коммерческом собраниях прошли при очень большом стечении публики. Особенно большой съезд наблюдался, по сравнению с прошлым годом, в Коммерческом собрании... В иллюзиях «Декаданс» Б.М. Тер-

Аракелова и «Гранд-Иллюзион» Дон-Оттело демонстрировалась грандиозная картина «Покорение Кавказа» [4, 1914, № 1-2, с. 17].

С большим воодушевлением проходили детские новогодние ёлки. Так, 4 января 1917 г. ёлка в «Детском маяке» Е.Н. Соколовой доставила много удовольствия обилием развлечений – сценки, живые картины, хоры, дуэты и соло, «микроскопический» по возрасту исполнителей балет, трогательная сценка «Солдат и старушка», жизнерадостные «Кузнецы» и страшный «Стёпка-растрёпка». На празднике дети в возрасте 4–9 лет настолько сдружились, «отлично спелись и сыгрались», что сами себя развлекали, не доставляя забот взрослым [4, 1917, № 2-3, с. 14].

Деятельность журнала стабилизировала пространство повседневности как культуuroобразующее, наполненное ценностями, символами, создавая условия для появления новых образов и интерпретации каждодневных практик, что способствовало адаптации русского населения к непривычным условиям. В 1911 г. «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке», как и вся периодическая печать России, освещала важный государственный праздник – 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.). На страницах издания сообщалось, что к массовым общероссийским торжествам присоединились Коммерческие училища Харбина. В знаменательный день зал учебного заведения был украшен портретами царя и его окружения, декорирован зеленью из сосновых ветвей, щитами с датами исторических событий, флагами. После народного гимна в исполнении смешанного хора и симфонического оркестра директором училища Н.В. Борзовым был прочитан доклад на тему «Акт 19 февраля и обязанности, налагаемые актом на общество», преподавателем истории М.К. Дунаевским – сообщение «Крестьянский вопрос в первой половине XIX столетия», а также ученические рефераты о 19 февраля. Были исполнены музыкально-вокальные произведения и декламации учеников Аршона (стихотворение собственного сочинения «На 19-е февраля»), Туманова («Кузнец» Некрасова), Батракова («Поля» Майкова) и др. Ученик 6-го класса Столяров представил ряд народных песен на балалайке. Публика отметила хор балалаечников под управлением ученика 7-го класса Гуляева и хор учащихся под управлением П.Н. Машина, в исполнении которых прозвучали «Многие лета», «Сеятель», «Воля», «Славься». Праздник посетили Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти и высшие чины управления КВЖД. В память о событии 19 февраля было решено учредить две стипендии на средства членов педагогического комитета для детей крестьянского происхождения, открыть особое отделение при фундаментальной библиотеке, где были бы собраны произведения научной и художественной литературы по крестьянскому вопросу в России [4, 1911, № 9, с. 17]. Подобные торжества сглаживали отдалённость территорий и формировали дух единения.

Использование основных форм трансляции русской культуры – образования, традиций, творчества русских писателей – позволило харбинскому изданию с достоверностью передать подробности праздничных мероприятий, посвящённых знаменитым российским деятелям культуры. Так, к празднованию 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя были привлечены воспитанники местных учебных заведений Харбина, педагоги и в качестве руководителей – служащие

городской управы. 20 марта 1909 г. Коммерческое училище чествовало юбилей писателя литературным утром, где преподавателем М.К. Дунаевским была прочитана лекция о значении Н.В. Гоголя в русской литературе и заслушаны рефераты учащихся. В концертной программе выступил соединённый хор мужского и женского училищ под управлением П.Н. Машина, на экране демонстрировались «туманные картины» на темы сочинений о Гоголе, прочитана биография писателя. На украшенной цветами сцене был установлен портрет Гоголя, учениками училища удачно разыгран «Ревизор» и сцены из «Майской ночи». Была отмечена хорошая игра ученика Голяновского (Осип) и учениц Вебер и Витте (Мария Андреевна и Мария Антоновна). Детям были розданы брошюры, мелкие сочинения Н.В. Гоголя и угощения [4, 1909, № 11, с. 496]. А 3 мая в театре Арнольдова состоялось торжественное чествование памяти Н.В. Гоголя, устроенное учебным отделом КВЖД для всех учащихся Харбина. На первое по своим масштабам грандиозное гуляние города были приглашены все ученики городских, железнодорожных школ и коммерческих училищ – более 3000 детей. В исполнении соединённого хора учащихся прозвучал народный гимн, кантата, несколько песен. Были разыграны «мелкие сцены из Гоголя, «Ревизор», ставили живые картины» [4, 1909, № 14, с. 617]. В саду играли два оркестра, один из которых был оркестр 2-го Заамурского железнодорожного батальона под управлением Г.М. Зунделя. В качестве почётных гостей на празднике присутствовали генералы Д.Л. Хорват и М.Е. Афанасьев, распорядителями были начальник учебного отделения Н.В. Борзов, учителя М.П. Баранов, В.Е. Первов и М.Н. Рубин [4, 1909, № 14, с. 617].

Благодаря деятельности периодической печати, решающей задачи реализации культурно-образовательных потребностей, русскому населению в зоне КВЖД удалось сберечь родной язык, сохранить свою культуру. Так, большое внимание «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» уделяла местным профессиональным праздникам и юбилеям. В 1913 г. на страницах периодической печати широко освещалось празднование 5-летия библиотеки-читальни служащих КВЖД, состоявшееся 24 ноября. Журнал опубликовал краткий очерк деятельности культурного учреждения, отметив, что библиотека образовалась в результате объединения Общества библиотеки-читальни с библиотекой служащих депо Харбин под председательством А.И. Сабинина. В 1911 г. Общество открыло начальную школу на 80 человек. В 1912 г. школа была преобразована в прогимназию, а в 1913 г. – в «Прогимназию имени генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата» (заведующий А.М. Дорофеев). Число учащихся выросло до 156 чел. Преподавательский состав в количестве 10 чел. вёл обучение в трёх подготовительных и четырёх основных классах. «В настоящее время библиотека-читальня насчитывает 6000 томов сочинений на русском, польском и малороссийском языках». На празднике присутствовали Управляющий дорогой генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, его помощник по гражданской части М.Е. Афанасьев, председатель Городского Совета М.С. Уманский и др. [4, 1913, № 45, с. 13].

Обозреватели журнала своим трудом создавали благоприятные условия культурной жизни на далёкой маньчжурской земле, вместе со всеми праздновали успехи других изданий Харбина. Например, 10 июня 1913 г. общественность города отмечала 10-летний юбилей

газеты «Харбинский Вестник». В честь знаменательного события издание получило поздравительные телеграммы от редактора газеты «Новая Жизнь» С.Р. Чернявского, от редактора газеты «Приамурье» Н.В. Слюнина, приветствия от редактора «Востока» С.В. Полетика, от председателя педагогического общества Н.В. Борзова и др. В ознаменовании торжественного события был сделан сбор «с целью произвести уплату за право учения малоимущих учащихся» (собрано 128 руб.) [4, 1913, № 23, с. 11-12].

Социально-культурная активность населения во многом зависела от состояния системы культурно-просветительных учреждений и информационных средств. Являясь одной из традиционных форм массовой коммуникации, пресса выполняла досуговую и просветительскую функцию. Читателям журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» запомнилось описание торжественного обеда 26 декабря 1913 г. в честь 10-летия со дня основания одного из первых культурных учреждений города – Харбинского Коммерческого собрания. На празднике присутствовало около 150 человек. Зал был «декорирован и украшен живыми цветами, национальными флагами, гирляндами зелени, между которыми светились разноцветные электрические лампочки. Сцена утопала в экзотических растениях и уютно была убрана коврами и мебелью» [4, 1913, № 3, с. 1]. Тосты и поздравительные речи произносили управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, председатель комитета старшин М.Э. Гильчер, председатель Городского совета М.С. Уманский и другие. В честь юбилея собрание ассигновало 1000 руб. на общественную гимназию и 1500 руб. на просветительные и благотворительные учреждения Харбина. Отмечено, что традиционно на Новый год и в день Святой Пасхи в Коммерческом собрании собирается всё местное общество, включая представителей администрации Харбина, «для взаимных поздравлений» [4, 1913, № 3, с. 1-3].

Праздничная культура опиралась на богатейшие культурно-просветительские традиции и была призвана обеспечить превращение культурных достижений, норм, ценностей в воздействующее на каждого человека культурное пространство, которое обеспечивало бы ему наиболее полную адаптацию в современных условиях. Издатели журнала охотно публиковали статьи о праздновании юбилеев отдельных людей, чья деятельность внесла существенный вклад в развитие региона. Например, 20 сентября 1915 г. в Железнодорожном собрании Харбина состоялось торжественное заседание обществ русских ориенталистов, педагогического, сельскохозяйственного и общества народных университетов, посвящённое 80-летию юбилею известного путешественника и исследователя Г.Н. Потанина по следующей программе: 1) «Г.Н. Потанин, как путешественник и исследователь» – член Общества русских ориенталистов И.И. Петелин; 2) «Г.Н. Потанин в истории просвещения Сибири» – член педагогического общества Н.П. Автономов; 3) «Г.Н. Потанин, как общественный деятель» – член Общества народных университетов М.А. Шейнкман; 4) «Из личных встреч с Г.Н. Потаниным» – член сельскохозяйственного общества В.В. Солдатов [4, 1915, № 35-36, с. 14]. А 19 февраля 1917 г. в Харбине состоялось большое представление по случаю 30-летнего юбилея директора цирка Ф.Я. Изако, который, как отмечалось, вырос в цирковой семье и унаследовал семейные традиции на арене цирка [4,

1917, № 8, с. 15]. Опубликованные материалы празднований круглых дат и юбилеев отдельных лиц и общественно-культурных учреждений вносили оживление в однообразную жизнь горожан, наполняли духовным содержанием благодарных читателей журнала.

Массовый интерес к праздничной культуре распространялся на детское творчество. Часто торжества с участием детей становились главным культурным событием города. Немаловажно, что пресса не только отражала качественный рост праздника (иногда преувеличенный или надуманный), но и сама его стимулировала публикациями, оценивая значение духовного опыта того времени. Так, с 1909 г. журнал публиковал материал о проведении 9 мая ежегодного гимнастического «Сокольского праздника» в Харбинских коммерческих училищах. Обычно около 300 воспитанников собиралось на ипподроме; под музыку спортсмены показывали гимнастические упражнения на кольцах, брёвнах, параллельных брусьях и турнике. Из лёгкой атлетики вызывали интерес бег на 80 ярдов с 6 препятствиями, бросание диска и прыжки с шестом. Как отмечал наблюдатель, дело физического воспитания детей с каждым годом совершенствуется. Особая заслуга в этом принадлежала директору училища Н.В. Борзову и преподавателю гимнастики Ф.Ф. Брабец [4, 1912, № 19, с. 20; 1913, № 19, с. 13]. По мнению обозревателя, активное вовлечение детей и подростков в общественную жизнь вызвано стремлением оказать на молодёжь воспитательное воздействие, объединить духовные интересы разных поколений.

Излюбленным сюжетом праздничных публикаций становились различные статьи, рассказы, заметки о культурных событиях за рубежом. Многие из них не относились к праздникам, но имели большой резонанс в обществе. Например, в 1914 г. широко обсуждался случай, произошедший с американским учителем танцев. Некий г-н Андерсон (Кливеленд) был привлечен «к суду за соращение малолетних, выразившееся в обучении их модному танцу “танго”». В свою защиту обвиняемый продемонстрировал элементы танцевального искусства, сплывав прямо на суде. Выступление очень понравилось присутствующим, танец был признан вполне нравственным, а предстателя обвинения привлекли к ответственности за недобросовестное обвинение [4, 1914, № 1-2, с. 20].

Среди многообразия общественных развлечений первое место занимали народные гуляния в скверах, на центральных улицах или в городском саду. Пресса охотно освещала уличные выступления военных оркестров, хоров, фокусников, акробатов, организованных для народа. Так, 19 мая 1912 г. состоялось торжественное открытие сада при Железнодорожном собрании г. Харбина, не оставшееся без внимания. «Пустопорожняя площадь, прилегающая к стенам собрания, превратилась в роскошный сад – клумбы, цветники, деревья, постройки, всё лёгкое, изящное, милое, выросло из под земли. Сад обильно освещён электричеством. Имеется павильон с прохладительными напитками, фруктами и чаем» [4, 1912, № 21, с. 19-20]. По мнению обозревателя, вечер удался на славу. Публики было свыше 1000 чел., играл симфонический оркестр 2-го Заамурского железнодорожного батальона под управлением Г.М. Зунделя. Также 9 июня 1912 г. при большом стечении публики состоялось торжественное открытие сада и новой веранды для скетинг-ринга при Коммерческом собрании

[4, 1912, № 23, с. 21]. А 10 мая 1915 г. в городском саду на Пристань местный комитет Союза городов устроил грандиозное народное гуляние с благотворительной целью. Были установлены призовые столбы для лазания, качели и пр. развлечения, прошла лотерея-аллегри, играли два оркестра. Вечером сад был иллюминирован, устроен фейерверк [4, 1915, № 17, с. 17]. Подобные примеры свидетельствуют о том, что при всём многообразии и пестроте народные праздники Харбина воспринимались как нечто цельное.

Революционные события начала XX в., всколыхнувшие всю Россию, затронули русское общество Харбина. Отодвинув все праздники на второй план, устраиваемые демонстрации стали носить идеологический характер. В прессе звучали оптимистические настроения счастья и возрождения к новой жизни. Вот как «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» описывает праздник свободы. 15 марта 1917 г. на городской площади Харбина собрались 65 организаций. «Тысячи знамён и флагов, переливаясь цветами радуги, развевались над толпой. Блестели штыки народной армии, украшенные цветами и флажками ряды учащихся. Красивый выезд пожарных дружин убран красными флагами». В полдень в соборе прошла заупокойная литургия, прозвучал похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой». «Над толпой развёртывается красное знамя с горевшими на солнце золотыми словами «Свобода, равенство и братство». Оркестры грянули марсельезу... по площади пронеслось восторженное «ура». Процессия торжественно прошла по городу, знамёна были внесены в здание читальни... Вечером город был иллюминирован» [4, 1917, № 12, с. 11-12].

Таким образом, многочисленные русские праздники дореволюционного Харбина, описанные в журнале «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке», составляют основное содержание духовной жизни русских людей на китайской территории. Посредством праздничной культуры как таковой и её основного элемента – праздника – периодическое издание выполняло досуговую и просветительскую функцию, обеспечивало сохранение культурных традиций, норм, ценностей. Реализуя культурно-образовательные потребности русского населения Харбина, журнал способствовал сохранению национальной культуры и родного языка.

Литература

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
2. Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культурологии. Чита, 2013. 24 с.
3. Дацышен В.Г. Порт-Артур. История одного русского города // Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вып. 1. Русские города на Дальнем Востоке. Хабаровск: Хаб. гос. техн. ун-т, 2002. С. 143–166.
4. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Харбин. 1909, 1911–1915, 1917.
5. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерального ун-та, 2011. 204 с.: ил.
6. Капран И.К. Православная музыкальная культура русского Харбина. Владивосток. URL: <https://pandia.ru/text/77/272/58057.php> (дата обращения:

16.10.2021).

7. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978. 391 с.

8. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с., ил.

9. Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.

10. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.: ил. + вклейки 16 с.

11. Рогожина Н.Д. Пасхальный праздник в повседневной жизни Петербурга

и Москвы в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.

12. Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861–1917 гг.). Аннотированный библиографический указатель. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. 121 с.

13. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.

14. Шматова Н.И. Праздничная культура московского дворянства в последней трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 19 с.

Galina A. ANDRIETS,

Ph. D. (in History), Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).

E-mail: andriets2005@list.ru

Russian Holidays in Harbin at the Beginning of the Twentieth Century as Spiritual Values of the Far East (Based on the Material of the Journal "Railway Life in the Far East")

UDC 947.05(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/27-35>

*Harbin,
culture,
holiday,
spiritual values,
traditions,
customs,
cultural space*

The article, based on the material of the journal "Railway Life in the Far East", examines the main Russian holidays in Harbin of the pre-revolutionary period as spiritual values of the Far Eastern region. It is noted that settlers from Russia in a different culture had created a significant cultural heritage that has come down to us in the form of print. It was determined that the publication paid much attention to the coverage of mass holidays and festivities. The article revealed descriptions of New Year's celebrations, all-Russian memorable dates, professional anniversaries, children's holidays, and folk festivals. The author comes to the conclusion that the magazine's leisure and educational activities ensured the preservation of cultural traditions, norms, and values, which contributed to the formation of the cultural space of the Russian diaspora on the Chinese territory.

For citation: Andriets G. A. Russian holidays in Harbin at the beginning of the twentieth century as spiritual values of the Far East (based on the material of the journal "Railway life in the Far East") // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 27–35. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/27-35>

References

1. Ablova N.E. KVZHD i rossijskaya eh migratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.). M.: NP ID «Russkaya panorama», 2004. 432 s.
2. Van Kehvehn'. Russkaya kul'tura KHarbina: istoriko-kul'turologicheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. CHita, 2013. 24 s.
3. Datsyshen V.G. Port-Artur. Istoriya odnogo russkogo goroda // Arkhitektura Vostochnoj Sibiri i Dal'nego Vostoka. Vyp. 1. Russkie goroda na Dal'nem Vostoke. KHarbarovsk: KHab. gos. tekhn. un-t, 2002. S. 143–166.
4. ZHeleznodorozhnaya zhizn' na Dal'nem Vostoke. KHarbin. 1909, 1911–1915, 1917.
5. Kapran I.K. Povsednevnaya zhizn' russkogo naseleniya KHarbina (konets XIX – 50-e gg. XX v.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal'nogo un-ta, 2011. 204 s.: il.
6. Kapran I.K. Pravoslavnaya muzykal'naya kul'tura russkogo KHarbina. Vladivostok. URL: <https://pandia.ru/text/77/272/58057.php> (data obrashheniya: 16.10.2021).
7. Mazaev A.I. Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie. M.: Nauka, 1978. 391 s.
8. Melikhov G.V. Belyj KHarbin: Seredina 20-kh. M.: Russkij put', 2003. 440 s., il.
9. Melikhov G.V. Man'chzhuriya dalyokaya i blizkaya. M.: Nauka, 1991. 319 s.
10. Nekrylova A.F. Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishha. Konets XVIII – nachalo XX veka. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 256 s.: il. + vklejki 16 s.
11. Rogozhina N.D. Paskhal'nyj prazdnik v povsednevnoj zhizni Peterburga i Moskvy v kontse XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009. 26 s.
12. Stryuchenko I.G. Periodicheskaya pechat' Dal'nego Vostoka i Zabajkal'ya eh pokhi kapitalizma (1861–1917 gg.). Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel'. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1983. 121 s.
13. Taskina E.P. Neizvestnyj KHarbin. M.: Prometej, 1994. 192 s.
14. SHmatova N.I. Prazdnichnaya kul'tura moskovskogo dvoryanstva v poslednej treti XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1999. 19 s.

Материальные ценности в пожеланиях Владивостокского новогоднего дерева желаний-2020 на русском языке: к вопросу об обществе потребления

УДК 394.262.5:159.9(571.63) DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/36-48>

*ценности,
материальные
ценности,
современные ценности,
естественная
письменная речь,
новогодние пожелания,
психология россиян,
общество потребления*

В статье на основе текстов Владивостокского новогоднего дерева желаний-2020 на русском языке исследуются материальные ценности. Вычленяется их перечень: деньги, жильё, автомобиль, техника и другие предметы вещного мира, путешествия, торжественные мероприятия. Делаются выводы о тенденции владеть необходимыми или престижными вещами, о значительной соотнесённости материальных ценностей со сферой индивидуального. Автор приходит к заключению, что не стоит современников категорично именовать обществом потребления, поскольку материальные ценности не являются доминирующими.

Исследование национальных ценностей является одним из приоритетных направлений гуманитарной науки. На уровне государства остро стоит вопрос о формировании перечня базовых национальных ценностей. Поэтому в науке назрела необходимость в изучении такого значимого аспекта на современном материале. Этим определяется актуальность данной статьи. Показательно, что работы исследователей, посвящённые духовным ценностям, количественно преобладают над работами, где затрагивается проблема ценностей материальных. Возможно, это связано с некоторой эмоциональной табуированностью темы.

Среди существующих определений ценности оптимальным представляется следующее: «Ценность всегда есть нечто положительное с позиции удовлетворения материальных, социальных или духовных потребностей человека <...>. <...> ценность <...> – это отношение человека к действительности, причём релевантное удовлетворению его положительных потребностей <...>» [11, с. 370].

Существует ряд классификаций ценностей. Ценности подразделяют на духовные, материальные и социальные [11, с. 370]; духовные, материальные и социально-политические (или общественно-политические, куда относятся *свобода, братство, справедливость, равенство* [1, с. 109]); материальные, духовные, социальные, личностные и организационные [5, с. 16], альтруизм, трансцендентные ценности, деятельностную активность, гедонистические ценности, самоактуализацию, межличностные отношения, материальные ценности, семью, ценности переживания, личностное благополучие [4, с. 11]. К синтетическим ценностям причисляют *патриотизм, труд, общение с людьми* [1, с. 109].

Для цитирования:
Краюшкина Т. В. Материальные ценности в пожеланиях Владивостокского новогоднего дерева желаний-2020 на русском языке: к вопросу об обществе потребления // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 36–48. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/36-48>

А.М. Карп определяет материальные ценности следующим образом: «Материальные ценности призваны удовлетворять материальные потребности человека <...>. Поэтому к материальным ценностям можно отнести <...>: природные ресурсы и явления, жилище, одежду, орудия труда, материалы, технику, мебель, посуду, деньги и т.д. – то, что можно потрогать и можно приобрести за деньги» [5, с. 16].

И.В. Козов обнаруживает функциональную связь материальных ценностей с потребностями человека: они «необходимы для удовлетворения не только физиологических потребностей, но и потребностей в защищённости, удовольствии, доминировании, аффилиации, в обмене чувствами, познании, в социальном признании и самореализации» [6, с. 161].

К исследованию материальных ценностей обращались представители ряда гуманитарных наук: лингвистики, истории литературы, истории религии, народной культуры. Материалом служили и диалектные фразеологизмы как трансляторы жизненных ценностей (Е.В. Брысина рассматривает *богатство*, *пищу* как материальные ценности казачества [2, с. 129]), и художественная литература (например, Р.Р. Шарипова изучала роль денег в жизни героев современного башкирского писателя Хайдара Тапакова [12]). Этнофестивали как явление современной народной культуры оценивались в качестве информационного пространства для «трансляции материальных и духовных ценностей народа» [9, с. 45].

В.М. Вивчар и М. М. Пеньков, сравнив системы духовных и материальных ценностей православия и атеизма, приходят к выводу об их кардинальном отличии [3]. А.Д. Космынина и А.В. Антончик, исследуя влияние буддизма на отношение к материальным ценностям, резюмируют: «В зависимости от существующих конфессии имеют место различные реакции на материальные блага: отрицание, смущение, стеснение, принятие в качестве дара свыше <...>» [7, с. 155].

Материалом для данной статьи послужили тексты естественной письменной речи – пожеланий с Владивостокского новогоднего дерева желаний-2020. Пожелания представляют богатый материал для выявления комплекса ценностей современных россиян. Если анкета подразумевает некоторый процент недостоверных сведений из-за опасения огласки, то содержание новогодних пожеланий близко к абсолютной достоверности, поскольку они практически защищены от обнаружения чувств и мыслей автора послания, идентификации с автором.

Всего среди 746 пожеланий на русском языке было обнаружено 233 текста с упоминанием материальных ценностей (это 31,23% от общего числа). При этом некоторые из посланий содержат упоминание о нескольких материальных ценностях, поэтому речь будет идти не о 233, а о 276 упоминаниях материальных ценностей (при цитировании пожеланий орфография и пунктуация авторов сохранены).

Проанализированный материал лишь отчасти позволяет охарактеризовать адресатов и адресантов. Так, невозможным оказалось вычленивать хотя бы минимальные данные адресатов в 118 пожеланиях, а в 122 – адресантов. Большая часть характеристик у авторов пожеланий и тех, кому они предназначены, совпадает, поскольку адресант и адресат зачастую являются одним и тем же лицом. Но есть и отличия. Суммарные данные по адресату и адресанту разнятся, поскольку в послании адресатом выступает не только сам адресант, но и другие люди.

Итак, одной из характеристик адресантов является подпись, адресатов – упоминание их имени в пожеланиях. Было выявлено в пожеланиях 24 подписи адресантов и 29 упоминаний имени, имени и инициала фамилии, фамилии и инициалов имени и отчества. Это соответственно 10,76% и 13% от общего числа текстов. Только 2 подписи содержат указание на возраст, причём эти карточки заполнены взрослыми от лица маленьких детей (*Ксю, 4 года; 4 года. Валерочка*).

Большая часть имён позволяет обозначить пол адресантов. Среди адресантов, оставивших подписи, 9 лиц мужского пола (*Попов Г.Г., Ваня, Вова Солодков*), 11 – женского (*чирЯ ялО, Бэлла, Даша П.*). Была выявлена пара, состоящая из мужчины и женщины (*Антон и Ульяна*). Форма двух имён не дала возможности идентифицировать их гендерную принадлежность (*Саша*). Среди адресатов к 11 женским именам добавились ещё 3 имени, к 9 мужским – ещё 2, причём в одном пожелании именам сопутствует семейный статус (*дочь Юля и сын Олег*).

Большая часть характеристик адресантов и адресатов связана с семейным статусом. Среди адресантов и адресатов оказалось 9 незамужних женщин, 3 – замужних, 2 – не замужних и бездетных, 1 – замужем, без детей, у 4 – есть любимый мужчина. Три женщины идентифицированы через детей: 2 – матери дочери, не состоящие в отношениях, 1 – мать сына, не замужем, 2 – являются мужчинами, 1 пара, состоящая из мужчины и женщины. Но у большей части адресантов и адресатов, охарактеризованных через семью, невозможно вычленил пол. У 3 из них есть дети, у 1 – есть дочь, у 1 – есть сыновья, у 3 – есть сын, у 1 – есть сын (или внук), у 1 – есть ребёнок, 3 – не имеют детей. У 6 есть мать, у 1 – отец, у 1 – родители. У 28 круг родных неконкретен: 6 имеют родных, 14 – семью, 7 – близких, 1 – любимых.

12 адресантов не имеют удовлетворяющей их запросам работы, из этого числа только у одного адресанта был вычленен пол (женский). 2 мечтают о работе логопедом, 1 – мастером (речь идёт о сфере обслуживания), 1 – вести группу йоги, 1 – уйти в море. 1 является военнослужащей, 1 – портнихой, 1 – фотографом (мужчина), 1 – автовладельцем (или автовладелицей). Школьником (или школьницей) – 2, 1 – студентом (студенткой).

При этом наблюдаются и различия в составе адресантов и адресатов, обозначенных через семейный статус. К числу адресантов относятся 1 бабушка внучки, 1 – не состоящая в браке мать дочери и сына, 1 – женщина, имеющая мужа, сына, родителей, брата. У двух адресантов пол остался неясен, 1 из них имеет родителей и детей, а другой – дочь.

Список адресатов пополнился ещё 2-мя парами мужчины и женщины, 1 внучкой бабушки, 1 женщиной, имеющим жену, дочь, сын, зятя, внука, 1 женщиной, имеющей мужа, дочь, сына, зятя, внука, 1 замужней матерью, у которой есть родители и брат, 1 женатым отцом, имеющим тещу, тестя, шурина, 1 женщиной, у которого есть родители, бабушка и дедушка, дядя. У трех адресатов пол определить невозможно, но у них есть отец или мать, мать и сестра, мать и брат.

Специфика пожелания с выражением потребности иметь что-либо, существующего недостатка или страха перед появлением недостатка. Итак, о каких же материальных ценностях заявляется в проанализированных текстах?

Самым популярным пожеланием, связанным с материальными ценностями, оказалась потребность в деньгах (всего 72 единицы). Идентифицировать авторов пожеланий этой группы удалось хотя бы отчасти в 16 текстах (22,22%). Среди них преобладают женщины (9), в их числе 6 – не замужем, 1 – не имеет ребёнка, 1 – замужем и имеет детей, 1 – замужем, у нее есть ребёнок, родители и брат. Два адресанта подписались мужскими именами (*Рома, Толя*). 3 находятся в статусе детей, причём из контекста неясно, это несовершеннолетние или взрослые люди, имеющие родителей. Два автора находятся в статусе родителя (в пожеланиях упоминаются дети), но неочевиден пол адресантов. В двух пожеланиях были обнаружены подписи адресантов, не дающие какой-либо информации об авторах.

В ещё меньшем количестве пожеланий удалось хотя бы отчасти определить адресата (9 единиц, 12,5%). Среди них 4 – *муж / мужчина мечты*, 3 – *все*, 1 – *папа*, 1 – *моя семья*. Очевидна традиционная для российского сознания привязка денег внутри семьи / отношений к мужчине: мужу, любовнику, отцу как главному добытчику.

Стоит обратить внимание на описание денег (оно встречается в 48 текстах). В большинстве случаев это упоминание денег (23), причём 18 – денег вообще, по одному пожеланию – *денег в достатке* и *много денег*, дважды – адресанты хотят *бабла*, единожды – финансов. Кроме того, упоминаются *богатство* (3), *достаток* (1), *зарплата* (3). Одно из пожеланий оформлено в виде рисунков, где изображены 2 купюры – в 100 и в 1000 единиц.

Встречаются в пожеланиях и упоминания конкретных сумм, как с указанием валюты, так и без. Чаще всего валюта не называется. Адресанты мечтают о *10 миллиардах* (1), *1000000000* (1), *миллиарде* (2), *миллионе* (1), *1 миллионе* (2), *доходе в 1 млн в месяц* (1), *зарплате в 100 000 в месяц* (2). Упоминаются только три вида валюты. Это доллары, рубли и некие *деньги*. Так Владивосток оправдывает свою удаленность от Европы: евро в пожеланиях не встретились. Адресанты хотят *10 000 000 \$* (1), *5 миллионов долларов* (1), *1 миллион долларов* (1). Ещё в двух случаях упоминается *миллиард рублей* и *миллиард денег*.

Значимой характеристикой денег является источник их получения. О нем заявляется в 28 текстах (38,88%). Показательна противоположная цифра – в 44 текстах (61,12%) источник дохода не озвучивается, видимо, причинами этого могут быть как особенность жанра пожелания кратко излагать мысли, так и инфантильность адресантов. Инфантильность проявляется и в том, что в значительном количестве пожеланий заявляется о потребности выиграть в лотерею (8) или просто выиграть (4). Среди лотерей упоминаются дважды «Столото» и единожды – «Русское лото» (*Я хочу купить ios. И выиграть в столото*). К источникам дохода можно отнести других людей: мужа (5 единиц) или отца (1 единица). Если о материальном благополучии отца пишет ребёнок, то в случаях с пожеланием богатого мужа связана характерная для российского менталитета черта – перенос финансовой ответственности на мужа (*Выйти замуж за хорошего состоятельного человека, здоровья родным, машину*).

В 7 пожеланиях говорится о работе и заработке как источнике и средстве получения дохода, причём указывается желаемая зарплата (*Хочу в 2020 год отличную работу с хорошей (100.000 рублей) зарплатой*). Существует и восприятие финансов, разделяющее доход и рабо-

ту, нашло оно отражение и в проанализированных текстах (*Здоровье, удача счастье, богатство! Замечательная работа логопедом*).

О доходе в месяц заявляется в 1-м пожелании, туда относится, видимо, не только зарплата, но и другие источники дохода. Предположительно, речь идёт о финансово образованном адресанте (*Здоровья маме, папе, сыну, мужу, брату. Мне успешного бизнеса, 15 клиентов каждый месяц. Доход 1 млн руб в месяц, путешествия (2 страны посетить). Построить дом. Купить новую машину. Доход в месяц 1000000 руб. Счастья в личной жизни, любви*).

Показательны ещё два текста. Один из них по форме написания напоминает разговор с традиционным заминиеванием, но для нас любопытно, что это практически единственный текст, где упоминается несколько источников дохода (*Неиссякаемое богатство из различных источников АМИНЬ*). Второе пожелание связано с возвращением собственных денег (*Получить все мои деньги назад (долги)*).

В текстах была вычленена цель получения денег. Сразу оговоримся, что желание купить те или иные предметы (о них будет идти речь ниже), не учитывалось; цель в данном случае связывается с закрытием разнообразных долгов и финансовой стабильностью. Цель получения денег прослеживается в 11 пожеланиях (3,98%). Причём лишь в двух из них она напрямую связывается с получением денег. В первом случае это приобретение жилья (*хочу чтоб нам в этом году, желательнее до лета выплатили деньги на квартиру*). А во втором – сугубо альтруистическая – деньги для всех (*В этом году моя семья выиграла 1000000000 на благо мира!*). Во-первых, цель связана с закрытием долгов (4; *Чтобы мы закрыли все кредиты и улетели на Кубу и в Японию с (нечитаемо)*), выплатить ипотеку (1), кредит (1), решить финансовые проблемы (1). Во-вторых, с получением финансовой стабильности (1), благополучия (1).

Опосредованно о получении денежных средств упоминается в ещё одном аспекте. Он связан с работой. Было выявлено 30 текстов, в которых работа называется как одна из значимых ценностей. Причём в 29 случаях говорится о потребности иметь работу и лишь в 1 – о желании работать. Чаще всего адресант говорит о собственной потребности в работе (28 текстов). Лишь в двух пожеланиях адресант сосредоточен на работе другого человека. В обоих случаях это близкая родственница – дочь или внучка. Значимо, что работа желается не в принципе, а оцениваемая высоко. (Ограниченный размер статьи не позволяет подробнее рассмотреть этот аспект.)

Ещё одна материальная ценность, обозначенная в пожеланиях, – жильё (53 единицы). В 33 пожеланиях говорится о квартире, в 9 – о доме, в 3 – о жильё, в 1 – о хате. При этом были выявлены пожелания, в которых вид жилья конкретно не обозначен. О том, что речь идёт о жильё, было ясно из контекста (3). А в ещё одном пожелании присутствует вариативность выбора: в нём говорится о покупке дома или квартиры.

Показательны характеристики жилья (11). В пяти пожеланиях адресант заявляет о желании *новой квартиры*. В двух случаях мечтают о трехкомнатной квартире. Один из адресантов имеет чёткое представление о жильё, где упоминается не только количество комнат, этажность, но и другие важные характеристики (*Хочу квартиру 2хкомн на 5 этаже в г. Владивостоке получить или купить в 2020*

году с лоджией в хорошем доме и районе). В одном из описаний жилья заявляется не только его качество, но и форма собственности (*А я страстно желаю собственную благоустроенную приватизированную квартиру или дом! Здоровья своим родным и близким! Собственную полноценную семью с мужем и детьми! Отсутствие проблем! Да пусть это случится наконец-то!!! 06.01.2020*). В двух пожеланиях используются сокращения, поэтому автор статьи интерпретирует их следующим образом: заявлено о желании иметь улучшенную (*Я хочу Ул квартиру* ♥) или большую квартиру (*Ребёнок, бол квартира*).

Вычлняется в пожеланиях и такой аспект, как принадлежность жилья (14). Очевидно, что это жильё самого адресанта. В 7 текстах заявляется о *своей квартире / своём доме*, дважды – о *собственном* жильё и о *жилье для себя*. В трех других пожеланиях принадлежность жилья меняется. Она может как расширяться, включая адресанта и членов его семьи (*Я хочу в 2020 году чтоб у нас с семьёй была квартира*), так и сосредотачиваться на другом человеке (*квартира у мамы, у Егора*).

В шести текстах обозначены населённые пункты, где адресант мечтает иметь жильё. Это Владивосток (3), Москва (2), Ялта (1). Из 51 текста, упоминающего о жильё, лишь в одном говорится о желании продать его. И в этом случае указан населенный пункт – один из городов Приморского края (*В 2020 году продать квартиру от «Осталона» в Спасске*).

Показателен и способ появления жилья. В 14 случаях заявляется о желании *иметь* квартиру (13 – *хочу*, 1 – *желаю*), при этом способ приобретения неважен. В 9-ти случаях говорится о *приобретении* жилья, причём 8-мь раз адресант заявляет о необходимости купить жильё (*Купить новую квартиру (рисунок домика)*), 1 раз – приобрести. В 2-х пожелания смещается акцент с актора: жильё должно *появиться*, каким образом – неважно.

В 11 текстах использованы односоставные конструкции (номинативные предложения). Им близки конструкции аффирмации, формулирующие желаемое как уже свершившееся. Таких текстов было выявлено 3, в них заявляется, что адресант и члены его семьи уже живут в доме или в своей квартире, упоминается и конкретная дата (*В 2020 будет дом (рисунок двухэтажного дома с балконом) Вася*). Это пожелание вызвало отклик у одной из читательниц пожеланий. Среди текстов мы нашли вот такой, который выглядит реакцией на предыдущее пожелание: *Вася, позвони 2XXX-XXX* ♥.

Упоминаются и другие действия, связанные с жильём: в него планируют *переехать* (4), *улучшить* (1), *получить или купить* (1), *продать* (1), *отремонтировать* (2), *достроить* (1), *построить* (1). Ожидают, что на его покупку *выплатят деньги* (1).

Ещё одним популярным воплощением материальной ценности стало средство передвижения (в 18 пожеланиях). Несмотря на то, что Владивосток – город у моря, самым востребованным оказалось наземное транспортное средство (17 пожеланий) – автомобиль. (В 18-м пожелании адресант мечтает о вертолете (*Миллион долларов вертолет и ПК*)). При этом о покупке машины задумываются 2 мужчин, 6 женщин, а у 9 адресантов определить пол невозможно. Чаще всего его именуют *машиной* (11 пожеланий), в 4-х случаях называется конкрет-

но разновидность автомобиля или его марка (*джип; Ламборджини; Левин; chasen tourer V*). Один раз автомобиль именуется *тачкой*, ещё один раз о нем говорится иносказательно (*на больших колесах в лето*). Упоминаются и характеристики автомобиля. Преобладает потребность в приобретении *новой машины* (4 единицы, причём 1 – о ней заявляет женщина, 3 – не удалось определить пол). О *красивой машине* мечтает одна адресантка, другая, видимо, уже заказавшая машину, переживает за её доставку (*Получить свой Левин в целости и сохранности!!*).

Любопытны формулировки пожеланий. В одной группе общается о машине на уровне констатации (5 единиц) (*Машина Ламборджини. Вадик*). Во второй группе заявляется желание иметь автомобиль, используя глагол *хочу* (4 единицы) (*Хочу машину Ваня ♡*). В третьей группе упоминается покупка машины (6 единиц) (*Купить новую а/машину*). Ещё один текст сообщает о желании получить уже купленную машину целой. Размытыми оказались сроки приобретения автомобиля. Лишь в одном пожелании называется год покупки (*В 2020 купить chasen tourer V*).

В ряде текстов заявляется о желании обладать некими более мелкими предметами (техникой, одеждой, украшениями, игрушками; 51 текст) или животными (всего 7). Незначительная доля отведена пожеланиям, связанным с одеждой или аксессуарами (6). В одном случае речь идёт о потребности в красивой одежде вообще (*Хочу жить во Владике. Хочу жильё. Хочу отпуск с мужем. Хочу красиво одеваться*), а в двух других – о конкретном предмете одежды: *костюме человека-паука* или домашнем костюме в виде зверька – *кигуруми*. В текстах упоминается такой аксессуар, как *рюкзак с четырьмя карманами*.

В 2 текстах говорится об украшениях из драгоценного металла – золота или белого золота. В первом случае адресантка изъявляет желание купить его сама, а во втором – получить предложение руки и сердца, при этом кольцо описано довольно точно (*Хочу внимания, подарков, много совместно проведенного времени с любимым, хочу получить предложение с кольцом из белого золота с бриллиантом ♡♡*).

В 26 текстах упоминается техника. Преобладает потребность получить те или иные предметы в собственное пользование. Только в 1 тексте говорится об оборудовании, связанном с медицинской сферой, для общего пользования (*Анализатор иммунохимополициентный mindraya2000 в поликлинику №1*).

О какой же технике мечтают адресанты? Чаще всего – о смартфонах и телефонах. Преобладают тексты с конкретным описанием марок. Среди них известные всему миру iPhone Apple, xiaomi (11: *айфон 11 про; айфон 11 про макс; айфон 11 про max; Appl Wanch 5 csr; XIAMI A5; телефон Q2S* и пр.). Упомянуты виды переговорных устройств (смартфоны, телефоны), операционные системы (*Я хочу купить ios. И выиграть в столото ♡*). Но встречаются и тексты с упоминанием телефонов (5; *Я хочу ☺ себе телефон!; Новый телефон. Оля Стафеева*).

В текстах обнаружены пожелания иметь компьютер (2), консоль для игры (2; PS4 Pro и PS4). По одному разу упоминаются *планшет, планшет для рисования, наушники, квадрокоптер с крутой камерой, фотоаппарат, 3Дручка, штатив для телефона*.

Игрушки, развивающие предметы, предметы быта, еда и напитки и прочее называются в 20 текстах. Стоит оговориться, что краткость

формулировок не позволяет отделить игрушки от предметов, которыми пользуются взрослые (*Барабан; нож кирамбит красный*).

Среди детских материальных ценностей упоминаются куклы (*Много L.O.L.; LOL; ночная и дневная Фурии; феечка Оливия; пупси слайм с домиком; черепашки ниндзя с трансформерами*), машинки (*машинка на пульти; мусоровоз; машинка*), конструкторы (*LEGO; легио ниндзя 204*), настольные игры (*арена бакуганов*), печатные издания (*книжка; манга*), игрушечное оружие (*бластер нёрф*), мультипликационный фильм (*Том и Джерри старый*), волчки (*много волчков*), инструменты для рисования (*большой набор маркеров chamellion*). Дети всегда знают, чего хотят, чётко называют желаемый предмет. Только в одном тексте было выявлено неконкретное пожелание *игрушек*. Из сладкого упоминаются *кока-кола* (1) и *конфеты*(2), причём конфет обязательно должно быть *много*. Выявлена и такая особенность детского менталитета: если упоминается количество, то это обязательно много: *много конфет, много игрушек, много LOL*. Как показывает анализ, желание материальных ценностей находится в рамках современного вещного мира. Но встретился 1 текст, выводящий за рамки предметных реалий нашего мира. Адресант высказывает желание иметь *волшебную палочку*.

В 8 текстах сообщается о потребности иметь животное, следует оговориться, что речь может идти и об игрушках. Чаще изъясляется желание иметь одно животное (6), реже – много (1) или двух (1). Предположительно, это всё детские желания, поскольку они сопровождаются детскими рисунками собаки, будки, кота, переноски для кота, мордочкой хомяка. Чаще всего адресант желает собаку (4), при этом только в одном тексте конкретизируется порода (*Я хочу Померанского шица!!! Эля Алуреева*). Ещё адресанты изъявляют желание иметь кота, хомяка, кролика, панду и дельфинов. Все тексты выстроены по модели я хочу + название животного. Только в одном тексте заявляется сила желания (*Очень хочу собаку!!! ♡*), а в другом содержится обещание (*Я хочу хомячка. Я буду за ним ухаживать (мордочка хомячка)*).

Показатель современных ценностей – включение в список материальных ценностей временных или окончательных передвижений: путешествий, поездок, переездов. Потребность путешествовать преобладает над остальными видами передвижений. Самым популярным видом передвижения оказалось путешествие. О нём говорится в 28 текстах. Вырисовывается следующая классификация путешествий. В текстах может заявляться как об однократной поездке (21), так и о многократных (6), причём во втором случае конкретные места называются лишь в двух текстах (это Япония и Вьетнам; Куба и Япония), а преобладает неконкретное название: адресант мечтает о *путешествиях* вообще. В текстах с однократными путешествиями речь идёт о странах (Япония (2), Таиланд (1), Вьетнам (1)). Среди городов упоминаются по 1 разу *Сеул, Токио, Прага, Рим, Венеция, Москва* (*Я хочу себе поездку в Токио! От Евы С Новым годом!*). Называется и остров – *Бали* (1) или район американского города (*Голливуд*). В одном из текстов не удалось расшифровать населенный пункт.

Значимо, как сами адресанты оценивают передвижение по миру. В этих текстах говорится о *поездке* (7), *путешествии* (7), *желании в / на* (5; *Настоящих друзей рядом и в Тайланд*), *об отпуске* (2; *Хочу в отпуск*

заграницу всей семьей), о желании побывать (2), поехать отдыхать (1). И только в 3 случаях говорится о способе передвижения, это полет (*Слетать туда куда хочешь*).

В 26 текстах сообщается о собственном желании адресанта отправиться в путешествие, в 1 – оно связано с поездкой других людей (*На работе чтоб любили. Хочу счастья здоровья себе, родителям детям. Никите и Алине счастья удачной поездки любви*). Если в пожеланиях упоминается совместная поездка с другими людьми, то это самые близкие: семья (3), мама (1), муж (1). Встретилось и пожелание за подписью пары о совместном путешествии (*Дорогой Дедушка Мороз! Мы очень хорошо вели себя в этом году. Подари нам, пожалуйста, билеты на Бали в январе 2020 ♡ Антон и Ульяна*). Среди пожеланий был выявлен только 1 текст, связанный с поездкой. В ней речь идёт о поездке ребёнка в детский лагерь (*2K20 А Саныч в лагере!*).

В 11 текстах заявляется желание поменять место жительства. Причём наблюдается следующая специфика: если речь идёт о территории России, то чаще упоминаются конкретные города: Иркутск, Москва, Санкт-Петербург, Сочи, хотя один раз сообщается о российском регионе (*Хочу жить на юге России с любимым 31.12.2019 (Подпись)*). В 5-ти случаях речь идёт о собственном желании адресанта. Любопытно, что одно из пожеланий вызвало ответный отклик у прочитавшего его человека. Первый текст гласит: *Хочу переехать в Питер!!!* Ответ на него выглядит так: *Мы с тобой. Поехали!* В текстах называются два действия – переезд и жительство как его результат (*Хочу жить в Сочи НГ 2022 в Сочи!!! Оля*). Лишь в одном тексте осознаётся трудоемкость этого мероприятия (*хочу чтобы у меня получилось приложить все усилия для переезда с Димой в Москву*). В одном тексте город не называется, его единственная характеристика – *другой (Финансовой стабильности. Переезд в другой город ♡)*.

Переезд за границу не имеет такой четкой локализации, как переезд в другие города России, он неконкретен. В текстах говорится о переезде в другую страну, за границу (*В 2020 желаю счастья и здоровья моим близким, а себе уехать за границу. Хочу счастья своим детям!; Хочу переехать в другую страну. Пусть мечты сбываются ☺*). Хотя называются и страны – Франция и Корея (*Желаю, чтобы А и И жили вместе во Франции ну или ещё где (подпись)*). Из одного текста очевидно, что адресант живет какое-то время за границей (*Хочу остаться в Корее с мужем. (подпись)*). Если в трех случаях говорится о собственном переезде адресанта за границу, то в четвертом тексте переехать должны близкие адресанту люди.

К материальным ценностям могут быть отнесены и мероприятия, связанные с финансовыми затратами. В числе пожеланий нами были обнаружены три упоминания о свадьбах. (Для сравнения, о замужестве говорится в 29 текстах, т.е. результат для адресантов важнее торжественного мероприятия.) В первом тексте сообщается о собственной свадьбе с любимым человеком, адресантом выступает женщина (*Свадьба с любимым Лёней Б.*). Во втором тексте тоже, видимо, подразумевается собственный праздник (*Свадьба 2020. ☺*). В третьем тексте адресантом выступает мать или отец, речь идёт о свадьбе ребёнка (*Хочу свадьбу дочери*). Среди пожеланий оказалось и упоминание такого мероприятия, как концерт известного южнокорейского бойз-бэнда «ATEEZ» (*Хочу на концерт ATEEZ Г.П.*).

Подходя к завершению статьи, считаем необходимым обозначить ещё один значимый аспект: место материальных ценностей среди других типов ценностей. Последнее время в научной среде активно используется термин «общество потребления», которым называют наших современников. Е.Е. Самойличенко, А.В. Бунина, Е.Ю. Левчук отмечают: «Общество потребления характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок. Таким образом, ключевой идеей данного общества выступает максимальное удовлетворение материальных потребностей» [10, с. 14].

«<...> потребительское общество сильно изменило нашу систему ценностей, которая является важнейшей характеристикой духовного мира человека, его мотивационной сферы и его индивидуальности. Очевидно, что личностная система ценностей всегда формируется, основываясь на ценностях, которые являются доминирующими в конкретном обществе, а они, в свою очередь, влияют на выбор индивидуальной цели каждого отдельного человека и на определение способов её достижения», – утверждает Н.В. Маслодудова [8 с. 10–108].

Ещё раз обратимся к анализу пожеланий, в которых упоминаются материальные ценности, и сосредоточим внимание на двух аспектах: очередности упоминания материальных ценностей в ряду других типов ценностей (тексты, в которых сообщается только о материальных ценностях, учтены не будут) и соседство – среди каких других типов ценностей упоминаются вынесенные в заголовок статьи.

Были выявлены перечни ценностей от двух до семи позиций. При анализе применялся упрощённый подсчет: учитывались первые места, последние места, середина, ближе к началу и ближе к концу. Итак, на 1-е место материальные ценности поставлены в 39 текстах, ближе к началу – в 20, посередине – в 15, ближе к концу – в 24, на последнее место – в 49. Таким образом, в совокупности в начале и близко к началу стоят 59 упоминаний о материальных ценностях, а в конце и ближе к концу – в 73. Материальные ценности упоминаются в совокупности с другими типами в 93 текстах. Причём складываются как пары (например, материальная ценность и здоровье как ценность), так и большие по численности компоненты группы (куда относятся как ценности физиология (и здоровье в том числе), душевное состояние, социальная сфера, благополучие, достижение целей, стабильность и проявление жизненной позиции; новогодние пожелания показывают особый перечень ценностей).

В современной науке прослеживается тенденция делить ценности на черное и белое, где духовные ценности получают исключительно положительную оценку, а материальные – исключительно отрицательную. Духовное прошлое противопоставляется бездуховному, материальному настоящему. Столь безапелляционная оценка, кстати, являющаяся характерной чертой психологии человека на протяжении многих веков, никогда не шла на пользу истинному знанию. Подобные выводы в научном исследовании – результат поверхностного анализа.

При углублённом изучении этой темы становятся очевидны как негативные стороны некоторых духовных ценностей, так и позитивные – ряда материальных. Значимо, что в проанализированных текстах только 18,7% от общего числа пожеланий связаны лишь с материальными ценностями, ещё 12,46% – с материальными и другими,

при этом почти 69% пожеланий вообще не касаются материальных ценностей. Это и есть реальное отражение ситуации: нет оснований безапелляционно называть наших современников обществом потребления. Материальные ценности для россиян важны, но не доминируют в их сознании.

Итак, проанализированный материал позволил выявить очевидную тенденцию владеть престижными вещами, обладать большим количеством денег, чтобы никогда не нуждаться и приобретать всё желаемое. Но очевидно и другое – потребность иметь необходимое, в том числе жильё (причём речи об элитном жилье практически не идёт), интересную работу с достойным заработком. Формулировки ряда пожеланий позволили обнаружить и понимание соотношения запросов и возможностей.

Сравнивая исследованные нами ранее другие виды ценностей в данном материале, резюмируем о большей соотнесенности материальных ценностей со сферой индивидуального, с личными потребностями адресанта: чаще выражается его собственная потребность иметь те или иные предметы (существенно реже – его близких родственников). Мизерно (только два текста) количество пожеланий материальных ценностей для общего блага группы / всех людей. При исследовании пожеланий стала очевидна некая камерность материальных ценностей в восприятии современников: если духовные ценности значимы для всего человечества, то материальные – прежде всего для самого адресанта. С чем именно это связано – с жадностью, желанием престижа, дающего возможность доминировать над другими, пониманием несущественности материальных ценностей в рамках человечества или же с чем-либо ещё – предстоит выяснить в будущем. Но однозначного ответа в этом сложном вопросе не будет.

Литература

1. Белановская О.В. Жизненные планы и жизненные ценности у женщин возраста ранней и средней зрелости // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 10–3 (30). С. 108–113.
2. Брысина Е.В. Диалектный фразеологизм как отражение материальных и духовных ценностей казачества // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: мат-лы X Междунар. науч. конф. / науч. ред. А. Д. Черенкова. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 126–131.
3. Вивчар В. М., Пеньков М. М. Православие и атеизм: системы духовных и материальных ценностей (на материалах Каневского благочиния Ейской епархии) // Культура и время перемен. 2021. № 1 (32). URL: timekguki.esrae.ru/48-652 (дата обращения: 15.06.2021).
4. Волченков В.С. Ценности мужчин и женщин с разным уровнем и типом личностной зрелости в ранней зрелости // Горизонты зрелости: сб. тез-ов уч-ков Пятой всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития / под ред. Л.Ф. Обуховой, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцовой. М.: МГППУ, 2015. С. 10–13.
5. Карп А. М. Роль материальных и духовных ценностей во влиянии молодого лидера в коллективе // Проблемы социальной зрелости современной молодежи: мат-лы междунар. сем-ра мол. уч. и асп. / отв. ред. Н.А. Коваль. Тамбов: Тамбовская регион. общ. орг-ия «Общество содействия образованию и просвещению» «Бизнес – Наука – Общество», 2013. С. 16–20.
6. Козов И.В. Развитие материальных ценностей молодежи как психологического образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4 (60). С. 159–162.
7. Космынина А.Д., Антончик А.В.

Влияние буддизма на отношение к материальным ценностям // Экономика и маркетинг в промышленности: мат-лы студ. науч.-техн. конф. / редкол.: А.В. Данильченко и др. Минск: БНТУ 2019. С. 154–155.

8. Маслодудова Н.В. Материальные блага в контексте смысловых ценностей современного потребительского общества // Научный компонент. 2019. № 3 (3). С. 104–109.

9. Пономарева В.Н. Событийное мероприятие как средство трансляции материальных и духовных ценностей народной культуры // Вестник науки и образования. 2019. № 6–2 (60). С. 45–48.

10. Самойличенко Е.Е., Бунина А.В., Левчук Е.Ю. Материальные и духовные

ценности российской молодежи в условиях общественной нестабильности // Управление территориями и хозяйствующими субъектами в условиях экономической нестабильности: глобальные вызовы и механизмы развития: мат-лы науч.-практ. конф. Вологда: СЗИ, 2016. С. 12–19.

11. Сухина И.Г. Ценность как универсальный антропологический феномен: основы философского анализа // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 5. С. 368–380.

12. Шарипова Р.Р. Тема материальных и духовных ценностей в творчестве Хайдара Тапакова // Интеграция наук. 2016. № 2 (2). С. 19–20.

Tatiana V. KRAYUSHKINA,

Doctor of Philology, Chief Researcher of the Center for the History of Culture and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).
E-mail: kvtpb@yandex.ru

Material Values in the WISHES of the Vladivostok New Year's Tree of Wishes-2020 in Russian: on the Question of the Consumersociety

UDC 394.262.5:159.9(571.63) DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/36-48>

The article explores material values based on the texts of the Vladivostok New Year's Wish Tree-2020 in Russian. In part, it is possible to find the data of the author and the addressee, namely, gender, age, marital status, and field of activity. The following list of material values is singled out: money, housing, car, equipment and other objects of the material world, travel, and festive events. A linguistic analysis of the description of material values is carried out, popular and unpopular positions are identified. Conclusions are made on the tendency to own necessary or prestigious things, about the significant correlation of material values with the sphere of personal consumption of the addressee himself, less often of his close relatives, scanty of a group of people. The author comes to the conclusion that there is no basis to categorically call contemporaries a consumer society, since material values are not dominant.

*values,
material values,
modern values,
natural written speech,
New Year's wishes,
psychology of Russians,
consumer society*

For citation: Krayushkina T. V. Material values in the wishes of the Vladivostok New Year's tree of wishes-2020 in Russian: on the question of the consumer society // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 36–48. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/36-48>

References

1. Belanovskaya O.V. ZHiznennye plany i zhiznennye tsennosti u zhenshhin vozrasta rannej i srednej vzroslosti // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2017. № 10–3 (30). S. 108–113.
2. Brysina E.V. Dialektnyj frazeologizm kak otrazhenie material'nykh i dukhovnykh tsennostej kazachestva // Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletij: mat-ly X Mezhdunar. nauch. konf. / nauch. red. A. D. CHERenkova. Voronezh: VGPU, 2019. S. 126–131.
3. Vivchar V. M., Pen'kov M. M. Pravoslavie i ateizm: sistemy dukhovnykh i material'nykh tsennostej (na materialakh Kanevskogo blagochiniya Ejskoj eparkhii) // Kul'tura i vremya peremen. 2021. № 1 (32). URL: timekguki.esrae.ru/48-652 (data obrashheniya: 15.06.2021).
4. Volchenkov V.S. TSennosti muzhchin i zhenshhin s raznym urovnem i tipom lichnostnoj zrelosti v rannej vzroslosti // Gorizonty zrelosti: sb. tez-ov uch-kov Pyatoy vseros. nauch.-prakt. konf. po psikhologii razvitiya / pod red. L.F. Obukhovej, I.V. SHapovalenko, M.A. Odintsovoj. M.: MGPPU, 2015. S. 10–13.
5. Karp A. M. Rol' material'nykh i dukhovnykh tsennostej vo vlianii mladogo lidera v kollektive // Problemy sotsial'noj zrelosti sovremennoj molodezhi: mat-ly mezhdunar. sem-ra mol. uch. i asp. / otv. red. N.A. Koval'. Tambov: Tambovskaya region. obshh. org-iya «Obshhestvo sodejstviya obrazovaniyu i prosveshheniyu «Biznes – Nauka – Obshhestvo», 2013. S. 16–20.
6. Kozov I.V. Razvitie material'nykh tsennostej molodezhi kak psikhologicheskogo obrazovaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. № 4 (60). S. 159–162.
7. Kosmynina A.D., Antonchik A.V. Vliyanie buddizma na otnoshenie k material'nym tsennostyam // EHkonomika i marketing v promyshlennosti: mat-ly stud. nauch.-tekhn. konf. / redkol.: A.V. Danil'chenko i dr. Minsk: BNTU 2019. S. 154–155.
8. Maslodudova N.V. Material'nye blaga v kontekste smyslozhiznennykh tsennostej sovremenogo potrebitel'skogo obshhestva // Nauchnyj komponent. 2019. № 3 (3). S. 104–109.
9. Ponomareva V.N. Sobytijsnoe meropriyatie kak sredstvo translyatsii material'nykh i dukhovnykh tsennostej narodnoj kul'tury // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2019. № 6–2 (60). S. 45–48.
10. Samojlichenko E.E., Bunina A.V., Levchuk E.YU. Material'nye i dukhovnye tsennosti rossijskoj molodezhi v usloviyakh obshhestvennoj nestabil'nosti // Upravlenie territoriyami i khozyajstvuyushhimi sub"ektami v usloviyakh ehkonomicheskoy nestabil'nosti: global'nye vyzovy i mekhanizmy razvitiya: mat-ly nauch.-prakt. konf. Vologda: SZI, 2016. S. 12–19.
11. Sukhina I.G. TSennost' kak universal'nyj antropologicheskij fenomen: osnovy filosofskogo analiza // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. T. 4. № 5. S. 368–380.
12. SHaripova R.R. Tema material'nykh i dukhovnykh tsennostej v tvorchestve KHajdara Tapakova // Integratsiya nauk. 2016. № 2 (2). S. 19–20.

ИСТОРИЯ

БАГРИН Егор Андреевич,

канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина (г. Санкт-Петербург).
Электронная почта: egor-bagrin@yandex.ru

Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г.

УДК 94(47).048

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/49-60>

В статье, на основе документальных источников, рассматривается военное противостояние русских и маньчжуров в Нерчинске в 1689 г. во время ведения переговоров об установлении русско-китайской границы. В исследовании приведены подробные данные о военной «игре» обеих сторон, призванной оказать давление на оппонента, не доводя до открытого военного конфликта. Сделан вывод о том, что посол Ф.А. Головин эффективно реализовал потенциал своих сил, нивелировав численное преимущество войск империи Цин.

русско-китайские отношения, Нерчинский договор, Ф.А. Головин, история, граница, Забайкалье, Дальний Восток

Введение

В 1689 г. в Нерчинске был заключен первый русско-китайский договор о границе. В историографии изучение различных аспектов, связанных с его появлением, наиболее ярко представлено монографиями и статьями, опубликованными в советское время. Работы П.Т. Яковлевой, В.С. Мясникова, Г.В. Мелихова, Е.Л. Беспрозванных и др. обстоятельно описали внутри- и внешнеполитические обстоятельства заключения договора, дипломатическую игру России и Китая, процесс переговоров, их результаты и значение [1; 2; 7; 9; 10; 11; 12]. В.С. Мясников отметил, что ни одна из сторон не хотела разрастания конфликта, возникшего в Приамурье, в полномасштабную войну. Маньчжуры не могли расплыть силы, т.к. готовились к войне с правителем Джунгарии Галданом, а Россия противостояла Крымскому ханству. Кроме того, она не имела в Восточной Сибири достаточно сил для отражения агрессии Цинской империи. Маньчжуры не знали, сколько войск может выставить Русское государство. Однако осада Албазина показала, что помощь крепости не приходила в течение долгого времени. Это означало, что империя Цин имеет подавляющее военное превосходство в силах не только в Приамурье, но и, возможно, в Забайкалье. Обеим сторонам нужно было компромиссное решение. Однако военный фактор должен был сыграть решающую роль во время ведения переговоров [10, с. 278-279, 297, 302, 312, 332, 351, 353].

Условия мирного договора определялись военной «игрой», в которой каждая из сторон должна была продемонстрировать свои наиболее сильные стороны. В указанных нами работах эта «игра мускулами» отражена только в общих чертах. Нам представляется интересным проследить подробности этого процесса, которые и представлены в данной статье. Таким

Для цитирования:
Багрин Е. А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 49–60. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/49-60>

образом, предметом нашего исследования являются военные аспекты русско-китайского диалога в Нерчинске в 1689 г., а его целью – оценка возможностей вооруженных сил России, задействованных в переговорном процессе, а также детальное отражение событийного ряда, связанного с военным противостоянием. Последнее позволит нам сделать выводы относительно эффективности предпринимаемых обеими сторонами действий и их влияние на ситуацию, складывающуюся вокруг переговоров. Источниковой базой исследования являются документы, опубликованные в сборнике «Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691» с привлечением неопубликованных материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов.

Мы считаем, что предложенная в статье информация может быть актуальна в современное время, так как в отношениях между Россией и Китаем пограничный вопрос традиционно имеет большое значение, а его исторические и политические аспекты тесно переплетены. Поэтому результаты исследования могут быть применены при обосновании позиции России в рамках дискуссии, связанной с обсуждением характера договоров о границе с Китаем.

Результаты работы

Россия смогла привести в Забайкалье под руководством посла Ф.А. Головина не менее 1845 чел. В том числе 509 чел. московских стрельцов и военных специалистов, руководимых подполковником С. Богатыревым и полковником Ф. Скрипицыным (Московский полк), 1136 чел. из Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Илимска, Верхолеска, Нарыма, Кецка и Иркутска. Плюс около 200 вооруженных посольских людей, включая дворян, подъячих и их челядь, которых обычно не учитывают, рассматривая войско Ф.А. Головина. В войске было 20 пушек и мортира, более 1374 пудов пороха (вместе с тарой) и 490 пудов свинца. В сибирскую часть «посольского» войска, объединенного в два полка П. Грабова и А. Смаленберга, вошло более 10 % всех сил, находящихся за Уралом. Однако качество этого военного контингента было неоднозначно, т.к. он более чем на 50 % состоял из людей малоопытных в военном отношении: родственников служилых людей («дети, братья и племянники»), драгунов (по сути, крестьян, поселенных на границе) и новоприборных добровольцев из числа промышленных людей. Ударной силой были московские ратники и «окладные» служилые люди из сибирских крепостей. К моменту «посольского съезда» в Нерчинске несколько десятков участников похода (не более 100 чел.) были убиты в столкновениях с монголами под Удинском и Селенгинском и умерли от болезней. В гарнизонах Селенгинска, Удинска и Нерчинска было не менее 366 «коренных» служилых людей, плюс в Нерчинск из уезда собрались около 400 чел. промышленных людей и крестьян, взявших в руки оружие. В походе на табунутов вместе с русскими войсками сражались 300 конных воинов прибайкальских бурятов и тунгусов. Около 300 чел. могли выставить и нерчинские тунгусы. Таким образом, Ф.А. Головин располагал в Забайкалье более чем 3000 ратниками [4; 5; 6; 8] (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 157–158, 160, 274–278, 281–282, 290, 301–327).

Однако посол не мог собрать все эти силы к Нерчинску. Нужны были люди для обороны Удинска и Селенгинска, небольшое число

войск пополнило Албазинский гарнизон, численность которого к лету 1689 г. составила около 200 ратников [3]. Воины прибайкальских бурятов и тунгусов не отходили далеко от своих кочевий, где они оберегали свои семьи, поэтому Ф.А. Головин мог рассчитывать только на тунгусов Нерчинского уезда. Помощи ждать было не откуда. «Посольское» войско добиралась до Забайкалья 1 год и 4 месяца, имея в пути проблемы с транспортировкой и продовольствием. Государственный ресурс по обеспечению продвижения войск с запада на восток в значительной мере был исчерпан. В тоже время у Ф.А. Головина были сведения о приближении к Нерчинску значительных сил маньчжуров [5; 6].

29 апреля 1689 г. посол разослал приказы по полкам немедленно готовиться к походу в Нерчинск. Из Иркутска в конце мая прибыли необходимые хлебные запасы. Кроме того, служилые люди полка А. Смаленберга отправились на заимки, чтобы взять хлеб у местных жителей «по переписке». Буряты, живущие у Байкала, обязывались прислать 240 лошадей. «Новые выходцы» табунугы должны были прислать 90 подвод, а монголы – 60. Полученный гужевой транспорт был распределен по полкам для перевозки пушек и боевых припасов. 24 июня 1689 г. войско вышло из Удинска в Нерчинск. В крепости остался капитан московских стрельцов Сава Володимеров и 120–150 чел. «московских и сибирских розных полков стрельцов». 10 июля 1689 г. полки дошли до Еравнинского острога, где задержались на 3 дня из-за «худобы» лошадей. Дорога была трудная, т. к. шли «превеликими грязьми и болотами», местами телеги с хлебом служилые переносили сами. Первым шел посол с московскими стрельцами, за ним, отставая на 2 дня, полки П. Грабова и А. Смаленберга. 4 августа 1689 г. силы Ф.А. Головина собрались на плотбище и стали сплавляться на плотах по 12 и больше человек на каждом плоту. Пушки, боеприпасы и хлеб перемещались таким же способом, т. к. лошади не могли перевезти грузы горами («каменем»). Федор Стахорский, капитан полка П. Грабова, и капитан Московского полка Богдан Булгаков вместе с 80 ратниками погнали конные табуны по суше [11, с. 441-442, 451, 456, 465, 468, 471, 609-610].

В это время к Нерчинску подошли маньчжурские войска для «посольских договоров и успокоения ссор и разграничения земель и вечнаго мира». Они стояли в дневном переходе от крепости на р. Макарьеве. 18 июля 1689 г. нерчинский воевода И. Власов послал к ним Л. Нейтера, прапорщика полка П. Грабова, и 20 чел. служилых людей. Вернувшись, они сообщили, что у китайцев около 5000 чел. и 10 небольших пушек вокруг посольского стана. Позже нерчинские казаки доложили, что в китайском войске 45 полковых пушек, привезенных на кораблях, 10 небольших орудий, доставленных по суше, 1 пудовая мортира и небольшое число ратников с ручным огнестрельным оружием. В Нерчинске к этому моменту было около 600 чел., включая промышленных людей и пашенных крестьян. Получив об этом сведения, Ф.А. Головин послал в Нерчинск пятидесятника московских стрельцов Степана Терентьева и 16 новоприборных иркутских стрельцов. Терентьев должен был передать приказ, отправить к нерчинским ясачным людям «язычного» человека, чтобы они шли в «легких людях» к посольскому войску, спрятав свои семьи, табуны и скот в «крепких местах». К послу приехало 30 нерчинских ясачных

¹ Надолбы – защитное сооружение, представляющее собой заостренные бревна, вкопанные в землю прямо или под углом (острием в сторону возможного нападения противника). Дополнительно могли соединяться между собой бревнами перемычками. Надолбы препятствовали подходу к стенам крепости вражеской кавалерии и осадных машин.

тунгусов, 20 из которых отправились помочь передвижению конных табунов [11, с. 466-467, 473, 558].

Таким образом, «первый раунд» переговоров остался за Китаем. Для Ф.А. Головина стало очевидно, что маньчжуры могут быстрее и эффективней подвести войска в восточное Забайкалье. Солдат и артиллерии у них было больше чем в 2 раза, а возможность получить подкрепление на кораблях из Айгуня не шла ни в какое сравнение с тяжелым путем «посольского войска». Кроме того, резерва у посла просто не было.

Китайские представители вышли на нескольких кораблях на встречу Ф.А. Головину и встретили его на месте, где от слияния рек Онон и Ингода образуется р. Шилка. Посол пытался договориться о паритете вооруженных людей с обеих сторон во время переговоров. В это время «на стойке» стояли 200 московских стрельцов, а остальные войска находились у плотов, так что за лесом их не было видно. 7 августа 1689 г. в урочище Верблюжье Горло в 20 верстах от Нерчинска к войску пришел конный табун. Пушки и боеприпасы погрузили на телеги и отправили в Нерчинск вместе с основными силами. Навстречу послу пришел сын нерчинского воеводы Ивана Власова Петр с 200 ратниками и 300 ясачными тунгусами. Онкоты и буряты своих людей не дали. Хлебные припасы временно оставили на месте под охраной майора Якова Петерсона, 2 капитанов и 300 чел. служилых людей. Войска пришли в Нерчинск 9 августа 1689 г. Затем 200 чел. московских стрельцов отправились к плотам с хлебом. Полковники с остальными ратниками подошли к устью р. Нерчи для приема грузов [11, с. С. 492, 494].

При осмотре Нерчинского острога Ф.А. Головин отметил, что он «зело плох», «гораздо мал и худ, и многие бревна подгнили, и к воинскому промыслу был безнадежен». Для встречи китайских послов на площади перед крепостью были «разбиты 2 намета». У них поставили по 120 чел. ратников и 12 пушек. При осмотре китайского лагеря численность прибывших китайцев выяснить не удалось. Основной лагерь стоял 9-ю «городками», часть воинов стояла на горах. Рядом были бусы с пушками, которые были прикрыты, так что пересчитать их было нельзя. Ф.А. Головин предложил встретиться для переговоров в 100 сажнях от надолбов¹ нерчинской крепости вниз по р. Шилке. С обеих сторон иметь по 300 чел. без огнестрельного оружия только с саблями, сулемами, бердышами и копьями. Китайские корабли 30 бус, перевозящие свою делегацию на «съезжее место», должны были встать от него в 300 сажнях, а люди на них – 500 чел. не должны были сходить на берег. Китайцы хотели знать, сколько войска находится в Нерчинске, чтобы расположить такое же число воинов, на равном расстоянии от места переговоров. Кроме того, на высоких местах вокруг места встречи должны были встать по 10 чел. караульчиков [11, с. 494-495, 497-498, 500-501, 537].

Дворянин В. Лутовинов и селенгинский сын боярский Д. Многогрешный, капитан и 40 стрельцов выбрали место для посольского съезда в 200 сажнях от Нерчинска у р. Нерчи. Здесь невозможно было заметить "прикрытых людей" с китайской стороны, т.к. "близ по Шилки тальники и водомойны великие", однако «иного съезжего места выбрать было близ Нерчинска на поле негде». Поручик полка А. Смаленберга Микита Касимов и 15 нерчинских казаков размести-

лись на сопках, чтобы предупредить выстрелами, если к китайцам во время переговоров придут «прибавочные люди». Д. Многогрешный вместе с отрядом ратников осмотрел место высадки китайцев и донес, что на берег вышли и встали в тальнике больше 700 чел. Поручик полка П. Грабова Василий Волошенин съездил в китайский лагерь и привез в Нерчинск иезуитов, бывших в цинском посольстве. Через них китайскую сторону попросили придерживаться договоренностей. Прапорщик Л. Нейтер руководил караулом, смотревшим за местом перевоза китайских делегатов через реку, а поручик В. Волошенин за «посольскими наметами» ночью [11, с. 500-502, 504, 514, 519, 532].

Можно считать, что второй «раунд» военной «игры» у Нерчинска остался за русской стороной. Ф.А. Головин смог умело скрыть от маньчжуров численность своего войска, оставив их в неведении относительно того, действительно ли они имеют какое-то военное преимущество. Это важный момент, который влиял на позиции «партии войны» в маньчжурском посольстве, усиливая сторонников решения проблемы мирным путем, в том числе посредством уступок. В то же время посол продемонстрировал выучку московских стрельцов и полковую артиллерию – «грозную силу», пришедшую от русского царя, с которой «богдойским» генералам еще не приходилось сталкиваться, и это также лишало их уверенности. Кроме того, Головин выстроил действенную систему обеспечения безопасности посольской встречи.

Во время переговоров с представителями империи Цин с Ф.А. Головиным были 200 чел. дворян, подъячих и другие «посольские люди» и их сопровождение. Охраняли посольство полковник Ф. Скрипицын, подполковник С. Богатырев и московские стрельцы 300 чел. с саблями, бердышами, копьями и «гранатными ручными ядрами», взятыми для «опасности». Полки П. Грабова, А. Смаленберга и часть московских стрельцов стояли в Нерчинске, приготовившись в случае опасности к атаке под руководством полковника А. Смаленберга, майора Якова Петерсона и капитана московских стрельцов В. Ресина. Стенные караулы вокруг слобод были усилены 300 стрельцами с начальными людьми [11, с. 500-502, 504, 521].

В ходе многодневных переговоров Ф.А. Головин получил сведения о том, что брацкие и онкотские люди, связавшись с китайцами, «изменили» и, приготовив около 2000 воинов, вынашивают планы нападения на Нерчинск. Китайцы предлагали им свои корабли, чтобы перейти р. Шилку, а также просили их отогнать от острога скот и конные табуны нерчинских жителей. Посол написал в отчете, что к этому моменту он располагал только 1450 ратниками, включая нерчинских служилых людей, промышленных людей и пашенных крестьян, собравшихся в крепость со всех заимок Нерчинского уезда. Однако, вероятно, Ф.А. Головин преуменьшил или не учел часть своих сил, оправдывая перед правительством отсутствие активных действий по отношению к изменникам. По нашим данным, с учетом потерь и людей, оставленных в Селенгинске и Удинске и отправленных в Албазин, его силы в Нерчинске должны были быть около 2000 ратников. Чтобы получить больше информации, посол приказал выяснить места перехода р. Шилки посыльными изменников и захватить их. Одно из таких мест было обнаружено отъезжей станицей, и на этом месте была устроена засада из 30 казаков под началом Д. Многогрешного. Однако они не смогли никого захватить. Ясачные тунгусы, верные русским

(300-400 юрт), стояли в дневном переходе от острога в «крепких местах». Они так же ждали нападения бурятов и онкоотов [11, с. 524, 529, 531-532, 534].

20 августа 1689 г. Л. Нейтер и его караул заметили скопление китайского войска в одном месте. Подьячий И. Логинов и Д. Многогрешный отправились к перевозу для «проведывания», и подтвердили эту информацию. Сверху и снизу р. Шилки в китайский лагерь прибыли около 500 конников. На бусах работники с топорами начали что-то делать, возможно, станки для пушек. Для того, чтобы выяснить всё в точности, нерчинскому казаку Семену Молодому приказали как бы случайно проплыть рядом с кораблями. В это же время нерчинский казак Карпушка Уской из отводного караула на сопке доложил, что к цинскому табору подходят многие воинские люди с табунами [11, с. 532-533].

21 августа 1689 г. китайцы свернули лагерь и, перейдя реку, 3000 чел. в кюяхах со знаменами встали вокруг Нерчинска на горах, поставив палатки всего в полуверсте от крепости. Табор цинских послов теперь находился недалеко от Нерчинска под охраной 1000 чел. Также в поле рядом с острогом на дорогах разместились китайские караулы по 100 чел. К ним присоединились брацкие и онкоцкие изменники в кюяхах. Китайцы объяснили свои действия тем, что перешли Шилку для «конских кормов», а караулы призваны удерживать «изменников» от нападения на русских. В ответ Ф.А. Головин приказал сделать вокруг Нерчинска тройные надолбы и окоп и вышел за них со стрелцкими полками «в готовности». После возведения надолбов, в этот же день срочно стали строить «малый город» из бревен плотов, на которых войско прибыло в Нерчинск. Ясачным тунгусам было приказано откочевать к Теленбинскому острогу [11, с. 536-538, 558].

Эта фаза противостояния, являвшаяся следствием неуступчивости обеих сторон во время переговоров, очень интересна. Соперники «раскрыли карты» и по инициативе китайской стороны продемонстрировали друг другу свои возможности. На наш взгляд, выбранная Ф.А. Головиным тактика, нивелировала численное преимущество китайского войска. Посол не бросил все силы на укрепление Нерчинска, чтобы отражать нападения за его стенами. В этом случае он, наверняка, повторил бы печальную участь Албазинской крепости, разгромленной в 1685 году маньчжурской осадной артиллерией за несколько часов. Русские войска, развернувшиеся перед городом, поставили противников в затруднительное положение. Атаки маньчжурской и бурятской конниц на правильные построения, тем более усиленные пушками и полевыми укреплениями, были обречены на поражение. Это показал победный опыт боев у Удинска и Селенгинска в 1688 г., где «посольским» полкам противостояли лучшие всадники монгольского Батур-контаяши. Отметим также фактор того, что войско Ф.А. Головина было поголовно вооружено ручным огнестрельным оружием, противостоять которому в открытом полевом бою не могла многочисленная китайская пехота, имевшая только холодное оружие и луки со стрелами. «Богдойская» артиллерия находилась на кораблях, а русская была уже изготовлена к бою. Таким образом, Ф.А. Головин не только показал, что он готов начать сражение, он реально поставил соперников в ситуацию, когда они, начав агрессивные действия в момент эскалации конфликта, могли потерпеть поражение.

22 августа 1689 г.² китайцы устроили переправу бурятов и онкоотов через р. Нерчу. Ф.А. Головин отметил, что таким образом цинские войска, заполучив скот «изменников», решили продовольственную проблему. До этого им из-за недостатка припасов, приходилось покупать скот у нерчинских жителей «дорогой ценой». Из-за малочисленности конницы, число которой с учетом сибирских и нерчинских ратников «конного списка», а также посольской челяди не превышало 400-500 чел., русские войска не могли препятствовать переходу «изменников». В это же время последними был захвачен и иссечен на части один из нерчинских казаков, искавший верблюда. Посол решил и выслал к перевозу на р. Нерчу 100 чел. под началом поручика Василия Волошенина и Д. Многогрешного. Они должны были уговорить перебежчиков вернуться или «учинить над ними воинский промысел». Буряты и онкоты, застигнутые в урочище Сажиковый Яр, не стали «перекликаться» и начали стрелять из луков. Произошла стычка, в которой русскими были захвачены 3 языка. В этот же день больше 2000 «изменников» в куйках встали в 1,5 версте от Нерчинска вместе с китайскими караулами, число которых увеличилось. Ф.А. Головин снова вывел из крепости стрелецкие полки, а сам вышел с конницей, но до боя дело не дошло. 25 августа 1688 г. стало известно, что нерчинские ясачные тунгусы князя Гантимура атаковали бурятов и онкоотов при переправе и не дали им перейти Нерчу. На следующий день остановить перебежчиков на р. Шилке, отправились 400 служилых людей под командованием капитана полка П. Грабова Федора Стахорского и поручика полка А. Смаленберга Никиты Касимова. В 7 верстах от Нерчинска на р. Шилке произошел большой бой и «напуски великие». В схватке русские потеряли 26 чел. убитыми среди служилых и промышленных людей, многие ратники были ранены, в том числе капитан и поручик. При осмотре поля боя были найдены больше 100 чел. убитых бурятов и онкоотов, при этом многие тела «побитых по лесам развели мунгальские люди». 30 августа 1689 г. уже после подписания Нерчинского договора отряд вернулся в крепость [11, с. 539-541, 558, 573, 600].

Учитывая эти обстоятельства, мы можем считать, что Ф.А. Головин, после того как показал маньчжурам, что готов померяться с ними силами, почувствовал уязвимость их положения в данный конкретный момент. Следствием уверенности в том, что китайская сторона не решится вмешаться, стали атаки на перебежчиков. Таким образом, инициатива в военной «игре» перешла на сторону России, но посол прекрасно понимал всю сиюминутность этого положения. К «богдойцам» подходило подкрепление, а к русским нет. Нужно было завершать переговоры пока превосходство противника в живой силе не станет критическим.

Ф.А. Головин нуждался в информации о численности неприятеля. Разведчики 20 чел. и сын боярский Логин Матвеев, выйдя из острога, наткнулись у перевоза на китайские караулы и возвратились назад. Позднее два промышленных человека сумели осмотреть китайское войско с «каменных гор из дальних мест». Они сообщили, что главный китайский лагерь стоит на другой стороне р. Шилки и в нем больше 10 000 чел. Подьячий Панкрат Бабаев, ездивший для прояснения ситуации в посольский стан китайцев, нашел его в урочище Ключи в 3 верстах от Нерчинска. Он сообщил, что по его прикидке, в цинском

² В это время 21 августа 1689 г. под Албазином подошли китайские корабли и конница, которая сожгла и вытоптала «сжатый и несжатый» хлеб под крепостью. В августе же 1689 г. из-под Селенгинска ушел тайша Ирдени Цохта и 50 чел., принявшие до этого русское подданство. Беглецы были достигнуты лучшими людьми тайши Ирдени-Контазия, сохранившего верность. Между ними был бой на р. Чикой, после чего Ирдени Цохта сумел с несколькими людьми уйти в «крепкие места» [11, с. 608].

войске по обе стороны реки около 12 000 чел. Основная часть из них стояла в палатках 9-ю городками, 300 чел. было с пищалями. Пушек, о которых до этого доносили нерчинские казаки, он не видел. Даже при всей приблизительности этих данных было понятно, что цинские войска имеют существенный перевес сил. Кроме того, нерчинские казаки донесли о наличии в них монгольской конницы. 500 чел. монголов охраняли место переправы. От бескормицы в Нерчинске начался падеж скота и лошадей, согнанных русскими для безопасности в слободы. Караулы в Нерчинске увеличились до 500 чел. Все эти сведения естественно подталкивали Ф.А. Головина к быстрейшему окончанию «посольского съезда» и уступке того, что было разрешено правительством. Переговоры завершились 29 августа 1689 г. Договор о границах между Китаем и Россией был подписан в «великих наметах» в 50 сажнях от надолбов. Со стороны русских послов у места соглашения стояли строем 400 московских стрельцов, а со стороны китайцев на горе в версте от Нерчинска около 5000 конных воинов. После подписания документов произошел обмен договорными письмами. За Ф.А. Головиным были 100 чел. дворян и других посольских людей, 200 конных нерчинских казаков, полковники П. Грабов и А. Смаленберг и 50 пеших ратников из их полков. У места стоял Московский полк с некоторым количеством сибирских служилых людей «в поддачу». За китайскими послами были около 5000 чел. «в кюаках и в саадаках» и «12 знамен больших, на иных писано и на иных шито золотом змеи великие, а кругом тех знамен обшиты мохры шелковые и пришиты кисти большие красные. Да малых еловчиков при тех же знаменах было со 100 или больше». Поручик полка П. Грабова В. Волошенин проводил китайских послов до бус с фонарем. 31 августа 1689 г. китайское посольство на кораблях и степью ушло от Нерчинска. Прапорщик Л. Нейтер, сын боярский М. Сенотрусов и 10 служилых людей были отправлены Ф.А. Головиным для помощи продвижению китайской делегации до урочища Уручки в 12 верстах от Нерчинска, где находились последние заимки Нерчинского уезда [11, с. 539-542, 558, 582, 599, 604, 607].

В этот же день в поход на бурятов и онкотов был послан отряд 600 чел. под руководством селенгинского сына боярского Д. Многогрешного. «Изменники» не пошли на переговоры и стали стрелять, после чего произошел бой, завершившийся удачей для русских. Многие из перебежчиков были «побиты», их жены и дети, «конные и скотные табуны» захвачены. Часть кочевников ушла в степь и затем на землю, контролируемую китайцами на р. Кулюрюн у озера Далай, а 200 юрт стали кочевать у Нерчинска, отказавшись от ухода из русского подданства [11, с. 604, 607, 613].

Таким образом, военная «игра» завершилась удовлетворением обеих сторон. Маньчжурские чиновники и генералы отвели от себя риск потерпеть неудачу в столкновении с русскими и впасть в немилость императора, а Ф.А. Головин не начал конфликт, в котором даже в случае первоначального локального успеха, он был бы обречен на поражение вследствие отсутствия возможности получить подкрепление. Маньчжуры понимали этот момент. В ходе переговоров иезуиты, представлявшие китайскую сторону, отметили, что они «наслышались от изменников русских людей ... каково споможение даурским острогом чинить трудно руским людям за дальностию пути». На это

Ф.А. Головин ответил что из «Тобольска скорым ходом мочно ранее 4 месяцев поспеть ратным людем в Даурскую землю». Он добавлял, что если случится вести войну с Китаем, то «безо всякой трудности не то, что с Москвы, и из сибирских городов ратных людей множество привести мочно в Даурскую землю» [11, с. 602]. Оба утверждения посла объективно были далеки от правды. Его переход в Забайкалье из Тобольска занял 1 год и 4 месяца. Гарнизоны сибирских крепостей, имели минимальное число ратников, и их дальнейшее ослабление могло негативно сказаться на безопасности всех сибирских владений России.

По результатам договора А. Бейтон «разорил» Албазинскую крепость – раскопал при китайских представителях вал и сжег все деревянные постройки, после чего пришел в Нерчинск со всеми ратниками, мирными жителями, оружием и боеприпасами. Аргунский острог должен был быть перенесен на другую сторону реки, но так как в нём было только 20 чел., то эту работу перенесли на следующий год [11, с. 608, 612-613].

Руководствуясь царским приказом, посол усилил гарнизон Нерчинска 200 конными служилыми из «сибирских» полков и усилил крепостные сооружения. На старом острожном месте полковые стрельцы возвели новую деревянную крепость: «одна стена длиною 90 сажен, 2 стены по 70 по 6 сажен, а вышиною стены по 3 сажени; да 2 проезжие башни вышиною до облатов по 3 сажени, шириною по 4 сажени, 3 наугольных». 15 октября 1689 г., достроив город, Ф.А. Головин с войском вышел из Нерчинска в Удинск. 28 октября они пришли в Телембинской острог, а 5 ноября в Еравинский острог. Лошади и верблюды «за худобой» и усталостью были оставлены под присмотром в степи на хребтах и дороге, так что часть пути до Еравинска служилые люди шли пешком, перенося на себе полковые и хлебные припасы. В Удинский острог полки пришли 14 ноября 1689 г.³ Буквально на следующий день, 15 ноября 1689 г., 100 конных стрельцов вышли в Селенгинск на соединение с 200 ратниками, которые должны были атаковать Катаг-Батур тайшу, угнавшего лошадей и скот у «нового выходца» монгольского тайши Ирки-Контазия. В конце декабря 1689 г. и сам Ирки-Контазия тайша откочевал от русского подданства в Монголию к «немирным тайшам». Ф.А. Головин приказал ясачным бурятам и «табулицким выходцам» быть готовыми к походу. В связи с постоянным напряжением на границе с монгольскими землями посол увеличил гарнизоны приграничных крепостей, в т.ч. введя в их штаты казаков «конной службы». Однако следует отметить, что эти изменения, имея важность для борьбы с набегами кочевников, не играли бы почти никакой положительной роли в случае вероятной войны с Китаем. Для этого людей в Забайкалье было слишком мало. 18 февраля 1690 г. Ф.А. Головин перешел в Иркутск, откуда 18 мая 1690 г. вместе с Московским полком отправился по направлению Москвы. Вместе с ним поехали полковники П. Грабов и А. Смаленберг и их офицеры. «Сибирские» служилые люди остались до государственного указа в Удинске и Селенгинске. 19 июня 1690 г. посол и остальные люди пришли в Енисейск, 27 июля 1690 г. в Нарым, 9 августа 1690 г. в Сургут и 6 сентября 1690 г. в Тобольск, а затем оттуда вернулись в Москву [11, с. 616-619].

¹ В другом месте 16-го ноября 1689 г. Московский полк, посольская свита и 835 чел. из сибирских полков

Выводы

Подводя общий итог, отметим:

В период проведения переговоров вооруженные силы России не были готовы к ведению конфликта с Цинской империей в Забайкалье и Приамурье. Численность войск, расположенных в Даурии, была слишком мала для войны с сильным государством. Они были оторваны огромным расстоянием от основных сил и баз снабжения, расположенных в Европейской части России и Сибири. В то же время несовершенные транспортные коммуникации и система обеспечения продовольствием не позволяли быстро перемещать большое число ратников с западных областей страны на Дальний Восток. Кроме того, укрепленные пункты, расположенные в Забайкалье, не были готовы противостоять осадной артиллерии, бывшей на вооружении маньчжурской армии. Китай, напротив, имел возможность обеспечить своим войскам численное преимущество и быстро пополнять силы своего военного контингента, направленного к Нерчинску. Не менее важным обстоятельством было то, что маньчжуры имели сведения о проблемах российской стороны. Пользуясь этим обстоятельством, они старались навязать выгодные для себя условия установления границы с Россией, не считаясь с ее предложениями и требованиями.

Ф.А. Головин, учитывая описанные обстоятельства, принял исключительно смелое решение. Он не стал делать ставку на возможность отсидеться за стенами Нерчинского острога, что неминуемо в случае боевых действий привело бы русскую сторону к поражению. Посол долгое время умело скрывал общее число и качество своих войск, что лишало уверенность «партию войны» в китайской делегации. В критический же момент Ф.А. Головин продемонстрировал «богдойской» стороне то, что в случае эскалации конфликта его войска готовы к открытому полевому сражению. Московские и сибирские стрельцы, вооруженные огнестрельным оружием и опиравшиеся на полковую артиллерию, реально имели значительные шансы победить атакующую их маньчжурскую конницу и пехоту. Более того, в критический момент противостояния китайская артиллерия оставалась на кораблях, а русская находилась в полной готовности в эпицентре разворачивавшихся действий. Таким образом, Ф.А. Головин сумел поставить своих оппонентов в такое положение, в котором им было крайне не выгодно инициировать военное столкновение. Вероятность потерпеть локальное поражение в сражении под Нерчинском привела к тому, что «богдойские» чиновники, боявшиеся «потерять лицо» перед императором Поднебесной, настояли в своем лагере на варианте компромиссного договора с учетом интересов России. Между тем и посол, осознававший бесперспективность затяжного конфликта с «богдойцами», с учетом того, что к ним постоянно прибывали свежие силы, был вынужден согласиться на вывод русских с территории Приамурья. Кроме того, отметим, что Ф.А. Головин, пользуясь достигнутой в переговорах инициативой, не упустил возможности атаковать племена онкотов и бурятов, договорившихся с китайской стороной о переходе их под ее покровительство. Этот удар застал кочевников врасплох. Часть из них под воздействием победы русских вернулась к Нерчинску.

Таким образом, подводя итоги военных «игр» у Нерчинска, заметим, что Ф.А. Головин, находясь в крайне невыгодных условиях, сумел полностью реализовать потенциал вверенного ему военного контингента, перехватив инициативу у более сильного противника. В заключение отметим, что конфликт с Китаем на восточных рубежах стал отправной точкой для формирования концепции оборонной политики России на Дальнем Востоке. Дальнейшее изучение деталей этого процесса может быть полезным для понимания дальнейших государственных мер по защите русских границ в этом регионе.

Литература

1. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
2. Артемьев А.Р. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии Наук. 2002. № 1 (101). С. 7–22.
3. Багрин Е.А. Гарнизон Албазинской крепости в 1687–1689 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3(53). С. 93–105.
4. Багрин Е.А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 90–119.
5. Багрин Е.А. Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию. 1 часть: переход Тобольск-Удинск (1686–1687 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 162–174.
6. Багрин Е.А. Сибирские полки во время похода Ф.А. Головина в Даурию. 2 часть: Военные действия в Забайкалье (1687–1688 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 129–144.
7. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.
8. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 321 с.
9. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в.). Москва: Наука, 1974. 246 с.
10. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 512 с.
11. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.
12. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 213 с.

Egor A. BAGRIN,

Ph.D (in History), Researcher of the Scientific and Methodological Department, Boris Yeltsin Presidential Library (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: Egor-bagrין@yandex.ru

Military Aspects of Nerchinsk Treaty Conclusion in 1689

UDC 94(47).048

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/49-60>

Russian-Chinese relations, Treaty of Nerchinsk, F.A. Golovin, XVII century, history, border, Transbaikalie

The article, based on documentary sources, examines the military confrontation between the Russians and the Manchus in Nerchinsk during the negotiations concerning Russian-Chinese border establishment in 1689. The study provides detailed data on “war game” of both sides, aimed to put pressure on the opponent, without leading to an open military conflict. China had an advantage in transport communications and in number of military forces that were transferred to the place of negotiations. However, during the aggravation between the negotiators Fyodor Golovin, Russian ambassador, withdrew his troops for a field battle, in which he could use the hand-held firearms and artillery advantage of his troops instead of fortress defense tactics. Thus he realized effectively the potential of his forces, leveling the numerical advantage of the Manchus. This moment influenced the course of negotiations, persuading Chinese diplomats to abandon several unacceptable demands for Russia.

For citation: Bagrin E. A. Military aspects of Nerchinsk Treaty conclusion in 1689 // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 3. P. 49–60. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/49-60>

References

1. Aleksandrov V.A. Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 272 s.
2. Artem'ev A.R. O nekotorykh spornykh voprosakh pogranichnogo razmezhevaniya mezhdu Rossiej i Kitaem po Nerchinskomu dogovoru 1689 g. // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj Akademii Nauk*. 2002. № 1 (101). S. 7–22.
3. Bagrin E.A. Garnizon Albazinskoj kreposti v 1687–1689 gg. // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2020. № 3(53). С. 93–105.
4. Bagrin E.A. Sibirskie «vybornye» sluzhilye lyudi v polku F. Golovina v 1686–1690 gg.: chislennost' i sostav (s poimennym spiskom) // *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologij*. 2020. T. 16. № 2. S. 90–119.
5. Bagrin E.A. Sibirskie polki vo vremya pokhoda F.A. Golovina v Dauriyu. 1 chast': perekhod Tobol'sk-Udinsk (1686-1687 gg.) // *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologij*. 2020. T. 16. № 3. S. 162–174.
6. Bagrin E.A. Sibirskie polki vo vremya pokhoda F.A. Golovina v Dauriyu. 2 chast': Voennye dejstviya v Zabajkal'e (1687-1688 gg.) // *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologij*. 2020. T. 16. № 4. S. 129–144.
7. Besprozvannykh E.L. Priamur'e v sisteme russko-kitajskikh otnoshenij, XVII – seredina XIX v. M.: Nauka, 1983. 206 s.
8. Leont'eva G.A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XVII – pervoj chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov). M., 2012. 321 s.
9. Melikhov G.V. Man'chzhury na severo-vostoke Kitaya (XVII v.). Moskva: Nauka, 1974. 246 c.
10. Myasnikov V.S. Imperiya TSin i Russkoe gosudarstvo v XVII v. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 512 s.
11. Russko-kitajskie otnosheniya v XVII veke: materialy i dokumenty. 1686–1691 / sost. N.F. Demidova, V.S. Myasnikov. M.: Nauka, 1972. T. 2. 835 s.
12. Yakovleva P.T. Pervyj russko-kitajskij dogovor 1689 goda. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 213 s.

НЕЛЮБИН Павел Геннадьевич,

аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Электронная почта: new-wirgil@yandex.ru

Западное образование в традиционной Японии: уроки иезуитов

УДК 272/273 DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/61-73>

В статье делается краткий обзор системы образования в Японии, действующей на момент прибытия туда первых христианских миссионеров-иезуитов. Выясняется, как местные учебные заведения повлияли на уровень грамотности японцев, а также на развитие науки и искусства. Анализируются мотивы, побудившие иезуитов основывать свои учебные заведения в Японии. Сравняются две системы образования: действующая в Японии на момент прибытия туда иезуитов и альтернативная, созданная миссионерами-иезуитами. Кроме того, рассматриваются особенности образовательной и воспитательной деятельности иезуитов в условиях японской культуры.

христианство в Японии, иезуиты, Общество Иисуса, педагогика иезуитов, миссионеры в Японии, образование в традиционной Японии

Введение

С момента своего основания в 1540 г., Общество Иисуса под руководством Игнасио де Лойолы (1491–1556 гг.), проявляло большой интерес к воспитанию молодежи. В IV части «*Constitutiones*» (1553 г.) И. Лайола подробно описал систему образования и основы, которые будут развиваться в различных типах учебных заведений, созданных иезуитами. Эти основы начали воплощаться в жизнь примерно полвека спустя, после окончательного одобрения официального плана по образованию иезуитов – «*Ratio atque Institutio Studiorum Societatis Iesu*» или сокр. «*Ratio Studiorum*» (1599 г.), в первую очередь предназначавшегося для Европы, но все же подходящего и для других регионов, в которых действовали миссионеры. С культурами, языками и религиями неевропейских народов, иезуиты, только приступившие к своему служению, были знакомы слабо. Тем не менее для успешного распространения христианства, в том числе посредством образования, необходимо было адаптироваться к существующим условиям. При этом важно было сохранить приверженность принципам св. Игнасио, отраженным в «*Ratio Studiorum*».

Христианская миссия в Японии была основана братьями-иезуитами из Общества Иисуса в середине XVI в. Данное событие примечательно тем, что с момента создания ордена иезуитов прошло всего лишь десять лет. Разумно предположить, что иезуиты с самого начала своей миссионерской деятельности в Японии проявляли большой интерес к изучению существующей в ней системы образования, к преподаваемым предметам и, соответственно, к созданию христианских учебных заведений в качестве важнейших помощников в христианизации.

Для цитирования:
Нелюбин П. Г. Западное образование в традиционной Японии: уроки иезуитов // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 61–73. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/61-73>

Предметом нашего исследования являются особенности образовательной деятельности иезуитов в условиях японской культуры во времена «Христианского века» (1549–1650 гг.). Целью является выявление особенностей образовательной деятельности иезуитов в условиях японской культуры, а также сравнение двух систем образования: действующей в Японии на момент прибытия туда иезуитов и альтернативной, созданной миссионерами-иезуитами. Источниками для написания данной работы послужили письма и книги, написанные иезуитами и посвященные образованию в Японии рассматриваемого периода [4; 17]. Кроме того, были использованы исследования японских и западных ученых, на которых мы остановимся более подробно.

Отечественные исследователи при изучении системы образования в традиционной Японии касались влияния Запада, но специальных работ по системе образования иезуитов в Японии, организации учебных заведений и их особенностей, а также устройстве обучения и воспитательной системы на сегодняшний день нет.

Среди современных отечественных исследователей некоторые аспекты системы образования иезуитов в Японии были затронуты в работе О.В. Новаковой, Е.К. Симоновой–Гудзенко и М.Ю. Ульянова [1, с. 11]. Тут мы можем найти сведения о первых контактах европейцев со странами Восточной Азии в начальный период Новой истории, их роль в распространении европейских знаний о новых научных открытиях и новой для региона религии – христианстве. В части работы, посвященной Японии, мы можем проследить историю развития обмена научными знаниями между японцами и иезуитами (особенно в области географии и картографии).

Изучению образовательной системы иезуитов в традиционной Японии немало внимания уделили западные исследователи. Д. Моррис [8, р. 312] показывает трудности, с которыми столкнулись иезуиты при обучении местных жителей основам христианской веры и латыни. Следует обратить внимание на работу С. Огава [10], в которой достаточно подробно описывается история христианской живописи в Японии, а также особенности художественного образования в учебных заведениях иезуитов. В своем исследовании Д. Ранери [11, р. 201] приводит некоторые сведения о Художественной семинарии Джованни Никколо и перечисляет вероучительные тексты, включенные в учебные программы иезуитов.

Важную работу по изучению западного образования в традиционной Японии играют исследования японских ученых. В своей работе Т. Итиро [13, pp. 566–586] рассматривает историю европейского языкового образования в Японии, делая особый акцент на опыте иезуитов в обучении японцев латыни. С. Обара [9, р. 53] показывает вклад Франциска Ксавье (1506–1552 гг.) в развитие гуманитарного образования во время «Христианского века», попутно затрагивая историю основания учебных заведений иезуитов и их структуру.

Образование в традиционной Японии

Говоря об образовании, которое создавали и развивали иезуиты в традиционной Японии, в первую очередь необходимо остановиться на местной системе обучения. Когда первые христианские миссионеры прибыли в Японию, там уже существовали разнообразные учебные заведения, которые обеспечивали как базовое, так и профессио-

нальное образование.

Самими распространенными и доступными были школы *тэракоя* 寺子屋, которые обычно создавались при буддийском храме. Монах-наставник, ответственный за храм, набирал мальчиков и учил их читать и писать. Как правило, обучение велось в отдельной комнате или корпусе (если таковой имелся). Возрастной контингент учеников был от шести до четырнадцати лет, за редкими исключениями. Чаще всего, монах лично обучал только самых продвинутых учеников, которые в свою очередь обучали других. Тэракоя является ярким примером функционирования системы *сэмпай-кохай* 先輩 後輩, когда более продвинутые и опытные ученики *сэмпай*, обучают младших *кохай*, на протяжении долгих лет поддерживая друг друга. Такой подход способствовал развитию сплоченности японского общества. Основы буддизма преподавались посредством обучения чтению и письму, так как тексты, при помощи которых дети учились читать, изначально носили религиозный характер или были пронизаны буддийскими и конфуцианскими идеями. К примеру, одним из популярных текстов в обучении был «Тэйкинорай» 庭訓 往来 (≈1320 г.) [16, с. 17]. Точное время появления *тэракоя* неизвестно, однако, по общему мнению, первые школы такого типа появились еще в Период Хэйан (784–1185 гг.). К середине XVI в. *тэракоя* находились в большом упадке, впрочем, как и вся страна в Период Сэнгоку (вторая половина XV – начало XVII вв.). В первые годы правления сёгуната Токугава ситуация заметно улучшилась, *тэракоя* процветали как никогда прежде. Так, к середине XVI в. около 20% населения могли читать и писать в том числе благодаря этим учебным заведениям. Эти показатели даже выше тех, которые были в большинстве европейских стран того же периода [14, р. 50].

Несмотря на то, что в японской литературе XV и XVI вв. часто встречаются произведения, высмеивающие глупость и неграмотность буддийских монахов, нет сомнений, что именно благодаря им на тот момент в стране был высокий уровень грамотности, впечатливший христианских миссионеров.

После окончания *тэракоя*, выпускники, научившиеся читать и писать, но не желавшие становиться монахами, часто поступали в учебные заведения более высокого уровня – *universidades*¹. Образовательный процесс в них базировался на двух предметах: 1) *кункогаку* 訓詁学 (экзегетика классических китайских текстов), 2) *бунсо*: 文藻 (литература). Во времена большей интеллектуальной активности студенты могли изучать китайские философские трактаты (особенно конфуцианские) и буддийские сутры. Однако, в худшие времена образование могло ограничиться изучением зачатков классической японской поэзии и китайской истории. Наибольшую известность получила *Асикага Гакко* (足利学校) – старейшее академическое учебное заведение в Японии. Там, помимо традиционных дисциплин, преподавалась китайская медицина.

Обратим внимание на основные отличия японских *universidades* от европейских университетов. Первое отличие заключается в том, что в японских «университетах» воспитание характера и развитие положительных черт личности учеников ценилось гораздо выше, чем интеллектуальное образование, в то время как в Европе нравственным образованием занимались школы, но не университеты (за исключением

¹ Такое название им дали миссионеры-иезуиты. В японском языке достаточно сложно подобрать термин, объединяющий эти учебные заведения и подчеркивающий их статус. Важно заметить, что японские *universidades* не имели практически ничего общего с европейскими университетами.

духовных). Вторым отличием можно считать особенность передачи знаний от преподавателя к учащимся. В европейских университетах, обсуждение новой информации в рамках дискуссии между преподавателем и учащимися считалось нормальной практикой, тогда как в Японии слова преподавателя не должны были обсуждаться и подвергаться сомнению. Отсюда вытекает еще одно отличие – центральное место текста в японских *universidades*. В Европе же куда больше ценилась устная лекция. Кроме того, в европейских университетах стремились к тому, чтобы дать как можно больше различной информации. В Японии намеренно ограничивали количество предметов, чтобы дать более глубокие знания в определенных областях.

Важнейшей частью японской системы образования были «семейные школы» *измото* 家元 (досл. «основа семьи»). Человек, желавший стать каллиграфом, врачом, художником, мастером чайной церемонии, актером и т.д., должен был закончить такую школу. Важной чертой этих школ являлось то, что должность главы школы – мастера (учителя), являлась наследственной. Причем знания, передаваемые наследнику, были секретными и считались более глубокими. Но все же были редкие исключения, когда наиболее талантливый ученик, не имевший кровного родства с мастером, при условии усыновления избирался преемником.

Практически в обязательном порядке учениками становились дети главы школы. Кроме того, в *измото* принимали не только членов семьи, но и других людей – по рекомендации. Традиционно, в большинстве случаев, ученики в *измото* относились к мастеру как к отцу, отдавая ему почести, приписываемые родителям. Крайне редко в *измото* велись лекции, обычно все знания приобретались на практике. Когда навыки ученика признавались мастером, он получал свидетельство и имел право покинуть школу, чтобы самостоятельно заниматься своим ремеслом от имени школы, становясь мастером определенной семейной традиции. Система наследственности «от отца к сыну» обеспечивала сохранение монополии на совокупность определенных знаний внутри семьи.

Домашний вид обучения так же был весьма распространен в традиционной Японии, в первую очередь среди детей знати. Хотя некоторые дети самураев посещали *тэракоя*, большинство из них обучалось чтению и письму, а также классическим и боевым искусствам дома. Для девочек же нанимали наставников, которые обучали их главным образом «женской азбуке» и правилам этикета.

Образование иезуитов

Учитывая вышеперечисленные факты о «местном» образовании в традиционной Японии, стоит заметить, что они не могли не повлиять на образовательную деятельность иезуитов. Хотя в первое время под руководством Франциска Кабрала (1529–1609 гг.), который не верил в способность японцев думать и обучаться, иезуиты практически не развивали образование в Японии. Ф. Кабрал был убежден, что у японских новообращенных не было достаточной образованности, чтобы быть допущенным к Обществу Иисуса, и что эти «надменные, жадные, ненадежные и неискренние» лица могут находиться максимум в статусе помощников в домашнем хозяйстве [13, р. 570]. Политика миссии изменилось с назначением на должность визитора Алессан-

дро Валиньяно (1539–1606 гг.), который считал, что европейские миссионеры должны изучать японский язык, чтобы завоевать сердца и умы местных жителей, и должны изменить свои привычки, чтобы погрузиться в японские обычаи. Политика А. Валиньяно по адаптации к японской культуре в то время была довольно новаторской и даже революционной. Так, непримиримая позиция Ф. Кабрала и явное нежелание идти на компромисс, представляли собой норму среди европейских миссионеров в Азии в XVI в. А. Валиньяно видел необходимость в том, чтобы священнослужители–японцы вовлекались в миссионерскую службу, так как полагал, что в долгосрочной перспективе будет эффективнее, если сами японцы будут распространять христианство в своей стране. Именно по его инициативе иезуиты начали обучать мальчиков из высоких сословий, многие из которых в последствии присоединились к Обществу Иисуса.

Но не только А. Валиньяно продвигал подобные идеи. В одном из своих писем Ф. Ксавье описывает некоторые достоинства японцев:

«На острове Иапо, который находится за пределами Китая, на расстоянии двенадцать сотен лиг или более, живут люди, которые испытывают огромное любопытство в вопросах, связанных с Богом и науками и очень радуются, когда узнают что–то новое...» [4, с. 791];

«...и мне кажется, что среди неверующих людей, нет таких, которые могут превзойти японцев. Они очень грамотно общаются, и вообще добрые, без злых намерений» [4, с. 791];

«Многие люди умеют читать и писать, что создает хорошую среду для изучения молитв и дел Божьих» [4, с. 791].

Что примечательно, иезуиты, хоть и немногословно, но признавали заслуги японских учителей: «в этих монастырях монахи держат много кошек, а еще там есть дети идальго, которых они учат читать и писать» [4, с. 791].

Хотя можно найти свидетельства миссионеров, в которых личные качества японцев описываются не с самой лучшей стороны (им приписывались горделивость, скрытность и слабый интеллект), всё же в большинстве писем мы видим противоположную точку зрения. Японцев хвалят за честность, бережливость, трудолюбие, здоровое любопытство и хорошие манеры в общении. Вполне справедливо, что Ф. Ксавье, как и его братья по вере, говорили о том, что японцы готовы к принятию христианства, что они нуждаются в нем. По мнению Ф. Ксавье, христианское учение в Японии, необходимо было распространять опираясь на твердые философские и богословские знания. Он хорошо понимал, что предстоят горячие споры с местным духовенством. Так, в своем письме он дает наставления будущим миссионерам:

«Те, кто прибудет сюда, должны иметь знания, чтобы отвечать на вопросы, порой очень сложные и делать это с утра до ночи... Каков Бог и где он находится, почему его не видят, почему у душ есть начало и нет конца, и другие очень сложные вопросы» [4, с. 791].

Безусловно, для того, чтобы отвечать на подобные вопросы (или задавать их) необходимо было владеть японским языком на достаточно хорошем уровне. Кроме того, язык был необходим для уверенной аргументации своей позиции в спорах с буддийскими монахами и конфуцианскими учеными. Так появилась необходимость в создании учебных заведений, где иезуиты могли изучать японский язык и мест-

ную культуру. Если опираться на письмо Ф. Ксавье от 1549 г., можно утверждать, что планы о создании учебных заведений для миссионеров на территории Японии были уже тогда. Однако ввиду ряда факторов, в числе которых нехватка материальных и людских ресурсов, а также военные действия в разных уголках страны, этот план притворился в жизнь лишь спустя 30 лет. Тем не менее базовое (начальное) образование иезуиты начали развивать гораздо раньше.

Распространение христианства происходило весьма интенсивно, обращенные в новую веру японцы приводили в церковь своих детей. У иезуитов возникла естественная конкуренция с местным буддийским духовенством, за которым традиционно сохранялась сфера начального образования. Миссионеры скоро нашли «христианскую» альтернативу *тэракоя – escola* (порт. школа). Упоминания о первой *escola* относятся еще к 1561 г., и, по некоторым данным, в 1581 г. их количество возросло до 200 с наибольшей концентрацией на о. Кюсю [19, с. 30]. Обычно такие школы существовали при церквях. Если в населенном пункте не было церкви, но была крупная христианская община, жители так же организовывали *escola*. Как правило, учителями были новообращенные японские христиане, которые учили детей нормам этикета, чтению и письму на японском языке, арифметике, а также католическому катехизису. В крупных городах, помимо вышеперечисленного, могли преподавать португальский язык, латынь, музыку и изобразительное искусство.

Прибыв в Японию, А. Валиньяно среди прочих проблем отмечал отсутствие учреждений среднего и высшего образования, подчиненных миссионерам. Он созвал Консультацию в 1580 – 1581 гг., на которой среди прочих были подняты два вопроса, касающиеся образования: 1. Следует ли создавать *seminario* для японцев? 2. Есть ли необходимость в создании учебных заведений, в которых мы будем жить вместе, по типу *colegio*?

По итогам данной Консультации, было решено создать три типа учебных заведений.

В первую очередь выделим *seminario*. На территории Японии было две *seminario* и их местоположение часто менялось. Первая была основана весной 1580 г. в Арима, а вторая в мае того же года в Миако.

Фактически они являлись средними школами (интернат), главным образом предназначенными для обучения сыновей христиан-самураев и европейцев. Помимо христианского богословия, мальчиков обучали чтению и письму на японском языке и латыни, а также основам «европейских» наук (в первую очередь гуманитарных). Латыни здесь уделялось особое внимание, так как кроме статуса официального языка Католической церкви она была главным академическим языком, принятым в Европе. Миссионеры быстро поняли, что латынь, как и прочие европейские языки, сильно отличается от японского и поэтому отмечали важность изучения латыни японскими христианами с самого детства. Латынь изучалась в течении пяти с половиной часов каждый будний день, а также по утрам в субботу. При этом на пути освоения латыни существовал ряд сложностей. Во-первых, существовала серьезная нехватка преподавателей, в достаточной мере знающих как латынь, так и японский язык. Во-вторых, ощущалась острая нехватка учебной литературы и учащиеся были вынуждены переписывать учебники своих преподавателей [13, p. 570].

В качестве учебных материалов использовались отобранные тексты из классических произведений японской и европейской литературы. Иезуиты стремились достичь условий, при которых ученики смогут понять культурные особенности как европейской, так и японской культур. Важное место в программе обучения было отведено изучению местных религий. Буддийские монахи не могли не обращать внимание на христиан и пытались помешать их миссионерской работе, прежде чем она могла пустить корни в Японии. Христианские миссионеры и буддийские монахи часто вели открытые споры друг с другом. В *seminario* существовала необходимость в изучении японских религий и буддизма, чтобы учащиеся и выпускники чувствовали себя уверенно в теологических диспутах с монахами [17, с. 192]. Кроме того, студенты изучали музыкальное искусство, учились играть на органе. Орган, впервые доставленный в Японию в 1579 г. [15, с. 116], произвел большое впечатление на японцев, которые сочли его звучание привлекательным. Так, орган стал важным помощником иезуитов в обучении и миссионерской службе.

Несмотря на все сложности, *seminario* продолжали функционировать вплоть до 1614 г., пока не вышел «Указ о депортации священников» (伴天連追放之文).

Отдельно следует выделить *Seminario dei Pittori* (яп. セミナリヨの画学舎). Её основал А. Валиньяно в 1583 г., а итальянец Джованни Никколо (1560–1626 гг.) стал её первым директором. Она была важным учебным заведением, а также производственным цехом, и впоследствии стала крупнейшей из созданных в Азии школой миссионерского искусства. Дж. Никколо познакомил японских художников не только с масляной живописью, но и с другими техниками и стилями, значительно отличающихся от японских.

Её создание мотивированно уникальной философией иезуитов, согласно которой рисование может способствовать духовному обогащению местных жителей. Считалось, что, если человек будет рисовать собственными руками, это сильно укрепит его внутреннюю веру. Так, миссионеры полагали, что местные (японские) художники, рисующие религиозные образы, будут способны создавать изображения, подходящие для духовных потребностей японцев. Кроме того, обучение созданию религиозных образов считалось эффективным методом, облегчающим катехизацию [6, p. 131].

Преподавателям и учащимся *Seminario dei Pittori* под гнетом гонений пришлось несколько раз переезжать в разные населенные пункты Японии, и в конечном итоге правительство распорядилось закрыть школу в 1614 г. Нескольким учащимся удалось сбежать в Макао, где они внесли свой вклад в создание церкви Святого Павла, а другие были отправлены в Китай.

Затем идут *noviciado*. Это религиозное учебное заведение, предназначенное для обучения правилам и принципам Общества Иисуса будущим иезуитов. Единственным учебным заведением подобного рода был *Новициат Усуки*, созданный в декабре 1580 г. А. Валиньяно настолько высоко ценил роль *noviciado*, что в первые два месяца существования *Новициата Усуки* лично давал уроки будущим иезуитам [18, с. 32].

Третьим типом учебных заведений были *collegios*, дающие высшее образование. Как и в *seminario*, молодые люди не только учились, но

и жили там. Иезуиты стремились воспитать будущих религиозных и светских лидеров, способных управлять церквями и общинами, а также распространять христианство на всей территории Японии, и *collegios* предназначались для обучения таких людей. Содержание учебных программ, в соответствии с «*Ratio Studiorum*», было схожим с другими иезуитскими коллегиумами в Европе, но были и оригинальные курсы, учитывающие японскую специфику миссии (японский язык, религиозная культура Японии и т.д.). Единственное учебное заведение такого рода – *Колледж Святого Павла*, было основано в октябре 1580 г. в Фунаи (совр. Оита).

Особенности педагогики иезуитов в Японии

Итак, переходя к рассмотрению особенностей педагогики иезуитов, покажем систему образовательных учреждений миссионеров в традиционной Японии на таблице (табл. 1).

Хотя Миссия испытывала острую нехватку в педагогах и учебной литературе, иезуиты старались найти выход из этой ситуации. К примеру, *seminario* могла вместить примерно сто студентов, а поэтому очевидно, что для достижения большего прогресса были необходимы печатные учебники [10, р. 74]. Настоящим прорывом стал импорт европейского печатного станка в 1590 г. Если раньше иезуитам приходилось переписывать учебники, религиозную и классическую литературу вручную, теперь в этом не было необходимости. Кроме того, печатный станок использовали в Художественной семинарии для производства медных гравюр с изображением христианских святых.

Следует заметить, что для иезуитов, служащих в Азии, печать религиозных и педагогических текстов на месте была стандартной практикой. К примеру, в 1577 г. иезуит Энрике Энрикес (1520–1600 гг.), использовал ручной печатный станок для распечатки и последующего распространения католического катехизиса на тамильском языке в Гоа. Однако, в отличие от латинского алфавита, который состоит из относительно небольшого для европейцев набора букв, японский язык казался непостижимым из-за большого количества новых незнакомых символов. Разумно предположить, что иезуиты пребывали в ожидании столкновения с некоторыми трудностями, которые могли возникнуть при печати текстов на японском языке. Первым миссионером, попытавшимся преодолеть эту проблему был А. Валиньяно. Первоначально А. Валиньяно планировал использовать в обучении только тексты, напечатанные на латинице. Он отправил японскую делегацию в Европу (Посольство Тэнсё, 1582–1590 гг.) и попросил послов изучить методы печати, актуальные для того времени, а так-

Табл. 1. Виды образовательных организаций иезуитов в традиционной Японии. Источник: составлено автором

Виды учебных заведений	Уровни образования
Collegio コレジオ	Высшее
Noviciado ノビチアート	Новициат
Seminario dei Pittori セミナリオの画学舎	Среднее (+дополнительное)
Seminario セミナリオ	Среднее
Escola 教会学校	Начальное

же приобрести печатный станок [7, р. 312]. Успехи посолов были настолько впечатляющими, что превзошли предварительные ожидания А. Валиньяно – в дополнение к печатному станку, им удалось приобрести металлические штампы для печати иероглифов, а также символов японской слоговой азбуки *кана*. Посольство вернулось в Японию в 1590 г. Иезуиты разместили печатный станок в Кадзуса, на полуострове Симабара, и в том же году началась активная печать религиозной и образовательной литературы миссионеров.

Важной особенностью иезуитской педагогики, применявшейся во всех учебных заведениях (в том числе и в Японии), были: классно-урочная система обучения, регулярные повторения пройденного материала и периодические конкурсы среди учащихся. Иезуитами была отработана методика лекций, построенная на устной последовательности изложения материала в несколько приёмов: 1) полное изложение; 2) анализ содержания лекций по частям; 3) дополнение историческими и др. справками; 4) стилистический анализ первоисточников.

Такой подход привел к впечатляющему результату. Так, Луиш Фройш отмечал, что удивлен скоростью, с которой японские студенты усваивают латынь, сказав, что его ученики всего за три–четыре месяца выучили то, на что европейский студент тратит три года [17. с. 192]. А. Валиньяно писал о том, что японские дети очень хорошо восприняли западное образование и учатся читать и писать на европейских языках даже быстрее, чем дети из Европы [17. с. 192]. Хотя такие сообщения звучат как преувеличение, можно предположить, что детям, изучающим японский язык, изобилующий иероглифами с множеством значений, было легче запоминать латинский или португальский алфавит, а затем целые слова.

Учитывая серьёзную нехватку литературы и педагогов, а также особую общественно–политическую ситуацию в Японии, иезуиты корректировали учебные планы, фактически сокращая срок обучения. В качестве примера, приведем особенности учебного плана в *collegio*.

План разрабатывался с учетом потребностей Католической церкви в Японии. К примеру, изучение греческого языка для неапонских студентов было заменено изучением японского языка и религиозной культуры Японии с опорой на классическую японскую литературу и буддийские религиозные тексты [3, с. 138].

Спустя 2–3 года изучения языков и европейских наук в *collegio*, студенты переходили к изучению философии и теологии. Содержание этих курсов хорошо показано в «*Compendium catholicae veritatis*» (講義要綱) (или просто «*Compendium*»), представленного как в латинском, так и в японском варианте. Этот труд иезуита Педро Гомеса (1533–1600 гг.), составленный на основе трех работ – «*De Sphaera*», «*De Anima*», «*De Fide*», использовался не только для обучения в Колледже Святого Павла, но и в Колледже Святого Павла в Макао, куда в 1614 г. были вынужденно перенаправлены студенты из Японии [14, р. 50].

«*De Sphaera*» содержала важные знания о космологии, метеорологии и теории материи, которые были достигнуты в конце XVI в. в Европе. Благодаря этой работе, мы можем увидеть, как иезуиты, стремящиеся избегать острых вопросов во время обучения для совершенствования межкультурных коммуникаций, в некоторых случаях твердо стояли на своем.

К примеру, японцев шокировала теория о том, что Земля шарообразна, ведь они были уверены, что она плоская. Иезуиты не стали приспособливаться к этой прочно–закрепившейся теории, принятой в Японии и продолжали настаивать на своем.

Трактат «*De anima*» опирается на одноименную работу Аристотеля. В нем содержатся представления о индивидуальности человеческой души, разуме и свободной воле. Он пытался прояснить, что, в отличие от животных, каждый человек наделен душой, и, благодаря этому, превосходит других существ. Эта точка зрения вступает в противоречие с традиционными японскими пантеистическими представлениями, не выделяющим людей среди прочих живых существ.

Работа «*De Fide*», во многом повторяющая «*Catechismus Romanus*» (1566 г.), состоит из трех частей и, по сути, представляет собой катехизис, предназначенный для католического духовенства.

Следует заметить, что несмотря на то, что «*Compendium catholicae veritatis*» был предназначен в первую очередь для японских учащихся, его сложно отнести к категории полностью адаптированных для японского читателя христианских вероучительных текстов. Безусловно, это связано не только с тем, что текст был написан европейцем, но и с тем, что он распространялся и использовался только в социальных структурах, полностью контролируемых европейцами (в данном случае – учебных заведениях иезуитов). Тем не менее, «*Compendium*» оказал большое влияние на мировоззрение японских христиан, и, как следствие, на работы, написанные в период официального запрета христианства.

Все учебные заведения иезуитов окончательно прекратили свою деятельность в Японии в связи с принятием «*Указа о депортации священников*» в 1614 г. Многие преподаватели и учащиеся переехали в Макао, где не было антихристианских гонений. Другие, под риском наказания, рассеялись по Японии и скрывались. Немногие школы всё же продолжали свою образовательную деятельность, но исчезли достаточно быстро. Значительное число выпускников и учащихся учебных заведений иезуитов было убито под пытками за отказ от отречения. Некоторые стали отступниками или даже гонителями христианской веры.

Заключение

Таким образом, развитие иезуитского образования в Японии стало возможным благодаря множественной поддержке: миссионеров с Запада, которые принесли новую педагогику; *даймё*, которые приняли иезуитских миссионеров и поддержали их идеи; и, наконец, людей, которые хотели и могли учиться. Учебные заведения Общества Иисуса сумели адаптироваться к незнакомым для европейцев японским культурным условиям. Важнейшим, основополагающим принципом всех учебных заведений иезуитов являлось желание воспитать человека так, чтобы он смог постичь христианскую истину. Многие из тех учащихся, которые смогли довести до конца этот долгий процесс становления, стали священниками или братьями-иезуитами. В большинстве своём они были широко образованными людьми, владеющими несколькими языками и умеющими жить в условиях двух религиозных культур.

В современной Японии существует множество католических учебных заведений. Большинство из них позиционирует себя как светские образовательные организации, но не скрывает исторической связи с первыми миссионерами и их учебными заведениями. К примеру, официальный сайт одного из самых престижных ВУЗов Японии – Университета Софии (上智大学) содержит информацию о том, что в 1549 г., в своих письмах, Ф. Ксавье выражал надежду построить университет в Японии и его надежды оправдались с основанием Университета Софии. Можно сказать, что благодаря популярности католических учебных заведений в современной Японии, Католическая церковь некоторым образом оказывает влияние на членов японского общества. Однако, в отличие от учебных заведений, созданных иезуитами в XVI и XVII вв., это влияние, очевидно, в большей степени имеет светское значение, а его религиозный характер не всегда очевиден.

Так, иезуитам удалось создать новую для традиционной Японии, альтернативную систему образования. Эти христианские школы сыграли важную роль в распространении новых идей для японской культуры, идей, которые пережили эти образовательные учреждения.

Литература

1. Новакова О.В., Симонова–Гудзенко Е.К., Ульянов М.Ю. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго–Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. С. 5–20.
2. Bailey G.A. Art on the Jesuit Mission in Asia and Latin America, 1542–1773. Toronto: University of Toronto Press, 1999. 408 p.
3. Cieslik H. Small Encyclopedia of Japanese Christians. Tokyo: Tokyodo Shuppan, 1999. 403 p.
4. Juan Ruiz-de-Medina S.J. Documentos del Japon 1547–1557. Roma: Institutum Historicum, Italia, 862 p.
5. Levy E. Propaganda and the Jesuit Baroque. Berkeley: University of California Press, 2004. 353 p.
6. Moell C. J. The constitutions of the Society of Jesus and their complementary norms: a complete English translation of the official Latin texts. St. Louis: The Institute of Jesuit Sources, 1996. 502 p.
7. Moran J.F. The Japanese and the Jesuits: Alessandro Valignano in Sixteenth–Century Japan. London and New York: Routledge, 1993. 252 p.
8. Morris J. H. Rethinking the History of Conversion to Christianity in Japan: 1549–1644. St Andrews: University of St Andrews, 2018. 427 p.
9. Obara S. Jesuit Education in the Kirishitan Period: Francis Xavier’s Longing for a College in the Capital. Tokyo: Kirishitan Bunko, 1989. 54 p.
10. Ogawa S. Surrender or Subversion? Contextual and Theoretical Analysis of the Paintings by Japan’s Hidden Christians, 1640–1873. Cincinnati: University of Cincinnati, 2010. 96 p.
11. Raneri G. Folding Screens, Cartography, and the Jesuit Mission in Japan, 1580–1614. Manchester: The University of Manchester, 1980. 287 p.
12. Schütte J.F. S.J. Valignano’s Mission Principles for Japan. St. Louis: Institute of Jesuit Sources, 1980. 380 p.
13. Taida I. The earliest history of European language education in Japan: Focusing on Latin education by Jesuit missionaries. Classical Receptions Journal, 2014, No. 9, P. 566–586.
14. White M. The Japanese Educational Challenge: A Commitment to Children. Tokyo: Kodansha International, 1987. 210 p.
15. 五野井隆史. キリシタンの文化. 東京: 吉川 弘文館, 2012. 309頁 = Гонои Т. Христианская культура. Токио: Ёсикава Кобункан, 2012. 309 с.

16. 川原一馬. 庭訓往来. 横浜: 坂本龍馬文庫, 1984. 375頁 = Кадзума К. «Тэйкинорай». Иокогама: Сакамото Рёма Бунко, 1984. 375 с.

17. 村上直次郎, 柳谷武夫. イエズス会士日本通信. 東京: 遊勝堂, 1969. 426頁 = Мураками Н., Янагия Т. Общество Иисуса (Японские Отчеты). Токио: Юсёдо, 1969. 426 с.

18. 海老沢有道. エヴォラ屏風文書の研究. 東京: ナツメ社, 1963, 205頁 = Эбисава А. Исследования документов Эворы. Токио: Натсумэя, 1963. 205 с.

19. 海老沢有道. 南蛮学統の研究: 近代日本文化の系譜. 東京: 創文社, 1968. 512頁 = Эбисава А. Изучение школы южных варваров – генеалогия современной японской культуры. Токио: Сёбунся, 1958. 512 с.

Pavel G. NELYUBIN,

Postgraduate student of the Department of World History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russia).

E-mail: new-wirgil@yandex.ru

Western Education in Traditional Japan: Lessons of Jesuits

UDC 272/273

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/61-73>

*Christianity in Japan,
Jesuits,
Society of Jesus,
Jesuit pedagogy,
missionaries in Japan,
education in traditional
Japan*

The article provides a brief overview of the education system in Japan, which was in force at the time of the arrival of the first Christian missionaries. A description is given of how local educational institutions have influenced the Japanese literacy rate, as well as the development of science and art. The motives that prompted the Jesuits to establish their educational institutions in Japan are analyzed. The history of the development of Christian education in Japan from the second half of the 16th to the beginning of the 17th centuries is traced, and the characteristics of the Jesuit pedagogy in the context of Japanese culture are also considered. In addition, the article discusses the Japanese peculiarity of the adoption and adaptation of aspects of foreign culture, especially in those matters relating to education. In particular, the article tells about the history of Western education in traditional Japan. In addition, through the analysis of educational literature and correspondence, educational essays of the Jesuits, the features of the educational activities of the Society of Jesus in traditional Japan are clarified, and an approximate social portrait of students and teachers at educational institutions of the Jesuit Mission is created.

For citation: Nelyubin P. G. Western Education in Traditional Japan: Lessons of Jesuits // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 61–73. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/61-73>

References

1. Novakova O.V., Simonova-Gudzenko E.K., Ul'yanov M.YU. Rol' pervykh evropejskikh uchenykh i khristianskikh missionerov v razvitií sovremennykh znaniy v stranakh Vostochnoj i YUgo-Vostochnoj Azii na primere Indonezii, Yaponii i V'etnama (XVI–XVII vv.) // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. № 3. S. 5–20.
2. Bailey G.A. Art on the Jesuit Mission in Asia and Latin America, 1542–1773. Toronto: University of Toronto Press, 1999. 408 p.
3. Cieslik H. Small Encyclopedia of Japanese Christians. Tokyo: Tokyodo Shuppan, 1999. 403 p.
4. Juan Ruiz-de-Medina S.J. Documentos del Japon 1547–1557. Roma: Institutum Historicum, Italia, 862 p.
5. Levy E. Propaganda and the Jesuit Baroque. Berkeley: University of California Press, 2004. 353 p.
6. Moell C. J. The constitutions of the Society of Jesus and their complementary norms: a complete English translation of the official Latin texts. St. Louis: The Institute of Jesuit Sources, 1996. 502 p.
7. Moran J.F. The Japanese and the Jesuits: Alessandro Valignano in Sixteenth-Century Japan. London and New York: Routledge, 1993. 252 p.
8. Morris J. H. Rethinking the History of Conversion to Christianity in Japan: 1549–1644. St Andrews: University of St Andrews, 2018. 427 p.
9. Obara S. Jesuit Education in the Kirishitan Period: Francis Xavier's Longing for a College in the Capital. Tokyo: Kirishitan Bunko, 1989. 54 p.
10. Ogawa S. Surrender or Subversion? Contextual and Theoretical Analysis of the Paintings by Japan's Hidden Christians, 1640–1873. Cincinnati: University of Cincinnati, 2010. 96 p.
11. Raneri G. Folding Screens, Cartography, and the Jesuit Mission in Japan, 1580–1614. Manchester: The University of Manchester, 1980. 287 p.
12. Schütte J.F. S.J. Valignano's Mission Principles for Japan. St. Louis: Institute of Jesuit Sources, 1980. 380 p.
13. Taida I. The earliest history of European language education in Japan: Focusing on Latin education by Jesuit missionaries. Classical Receptions Journal, 2014, No. 9, P. 566–586.
14. White M. The Japanese Educational Challenge: A Commitment to Children. Tokyo: Kodansha International, 1987. 210 p.
15. 五野井隆史. キリシタンの文化. 東京: 吉川 弘文館, 2012. 309頁 = Gonoï T. KHristianskaya kul'tura. Tokio: YOsikava Kobunkan, 2012. 309 s.
16. 川原一馬. 庭訓往来. 横浜: 坂本龍馬文庫, 1984. 375頁 = Kadzuma K. «Tehjkinoraj». Iokogama: Sakamoto Ryo:ma Bunko, 1984. 375 s.
17. 村上直次郎, 柳谷武夫. イエズス会士日本通信. 東京: 遊勝堂, 1969. 426頁 = Murakami N., YAnagiya T. Obshestvo Iisusa (YAponskie Otcheti). Tokio: YUyodo, 1969. 426 s.
18. 海老沢有道. エヴォラ屏風文書の研究. 東京: ナツメ社, 1963, 205頁 = EHbisava A. Issledovaniya dokumentov EHvory. Tokio: Natsumehsya, 1963. 205 s.
19. 海老沢有道. 南蛮学統の研究: 近代日本文化の系譜. 東京: 創文社, 1968. 512頁 = EHbisava A. Izuchenie shkoly yuzhnykh varvarov – genealogiya sovremennoj yaponskoj kul'tury. Tokio: Syobunsya, 1958. 512 s.

СМИРНОВ Сергей Викторович,

д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

Электронная почта: s.v.smirnov@urfu.ru

Русские курорты в Корее в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на примере деятельности семьи Янковских)

УДК 325.2+929.52

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/74-84>

*русская эмиграция,
Янковские,
Корея,
Новина,
Лукоморье,
курортное хозяйство,
фронтир,
самодеятельный театр*

В статье рассматривается уникальный пример успешного развития крупного русского курортного хозяйства в Корее в условиях эмиграции. Главными причинами успешности Янковских, как показывают источники личного происхождения, являлись семейно-клановый характер организации хозяйства, фронтирное сознание представителей семьи, облегчавшее процесс социальной адаптации, и достаточно устойчивый социально-экономический контекст, обеспеченный политикой японских властей Кореи. В 1930-е гг. курорты Янковских являлись важным явлением культурной жизни дальневосточной русской эмиграции.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-59-51004 «Роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах сообществ русских эмигрантов в Корее и корейской общины Урала)».

¹ Только при изучении военной и политической деятельности русской эмиграции в Китае в 1920–1945 гг. нами было выявлено около двухсот публикаций отечественных авторов.

Богатейшая историография русской эмиграции 1920-х – 1940-х гг. в странах Дальнего Востока (особенно в Китае)¹ отнюдь не изобилует работами, посвященными повседневной жизни эмигрантов [7; 9]. Но даже в трудах, так или иначе касающихся эмигрантской повседневности, проблема санаторно-курортного отдыха эмигрантов остается практически неизученной [10; 11]. Между тем существовали яркие примеры организации и успешного развития курортного дела представителями эмиграции. В частности, это касается деятельности семьи Янковских в Корее.

Среди фамилий немногочисленных русских эмигрантов, нашедших себе пристанище в Корее, фамилия Янковских как в эмигрантский период, так и сегодня является самой известной. Деятельность членов семьи неоднократно становилась объектом исследовательского интереса, в том числе и ведение ими обширного хозяйства в Новине, однако предпринимательская активность Янковских в курортной сфере не получила самостоятельного освещения [5; 8; 14; 16]. Цель настоящей статьи – показать на примере деятельности семьи Янковских в Корее участие русских эмигрантов в развитии курортного бизнеса Восточной Азии в контексте формирования новых структур повседневности в условиях чужого социально-культурного контекста. Данная проблема связана с более широкой и крайне актуальной сегодня, в эпоху массового миграционного движения, проблемой социальной адаптации эмигрантов к условиям новой среды проживания. Изучение структур повседневности обусловило обращение к источникам личного происхождения, в которых, следуя за авторами теории социального конструирования реальности П. Бергером и Т. Лукманом, и отражается та «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве целого жизненного мира» [2, с. 38]. В данном случае

Для цитирования:
Смирнов С. В. Русские курорты в Корее в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на примере деятельности семьи Янковских) // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 74–84. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/74-84>

мы привлекли в качестве источников воспоминания, дневники, биографические повествования, вышедшие из-под пера как самих представителей семьи Янковских, так и людей, которые их хорошо знали [1; 4; 6; 12; 13].

Янковские – основатели русского курортного бизнеса в Корее

В дореволюционный период слава семьи Янковских, основоположником которой являлся ссыльный польский шляхтич, участник восстания 1863 г. Михаил Иванович Янковский, гремела по всему Дальнему Востоку. Янковские имели крупное хозяйство в бухте Сидеми (современный полуостров Яновского в Амурском заливе), специализируясь на коневодстве, пантовом оленеводстве, лесоводстве, промышленном выращивании женьшеня и промысловой охоте. Кроме того, глава семьи сделал серьезный вклад в развитие географии, энтомологии, орнитологии и археологии края. Возглавивший семейный бизнес в Сидеми в 1906 г. второй сын Михаила Ивановича – Юрий не принял власти большевиков и в сентябре 1922 г. перевёз большую часть членов семейства, близких родственников и своих служащих (всего около 70 человек), а также часть движимого имущества в Корею. Первоначально Янковские поселились в недавно возникшем портовом городе Сейсин (современный Чхонджин) на восточном побережье северной части Кореи. В первые годы эмиграции семья предприняла ряд не очень удачных попыток организовать собственное дело. Удерживаться на плаву позволяла промысловая охота и организация охотничьего сафари для богатых иностранцев.

В 1925 г. Юрий Михайлович обнаружил в пятидесяти километрах к югу от Сейсина в долине небольшой горной реки Омпо (Онпхо) место для основания нового хозяйства. Долина реки Омпо была богата термальными источниками (их вода имела большое содержание серных компонентов), позволившими японцам создать здесь целую сеть гостиниц, предоставлявших водолечебные процедуры [13, с. 361]. Девственный, преимущественно сосновый лес, покрывавший местные очень живописные горы, изобилуя промысловой дичью, в том числе здесь обитали нагонявшие страх на местных жителей тигры. Межгорные распадки давали достаточно корма для разведения крупного скота. Немаловажным было и то, что богатейшая природа этих мест открывала хорошие возможности для научных изысканий, прежде всего в области энтомологии. Итак, почти всё, чем занималась семья Янковских в Сидеми, могло быть воспроизведено в Омпо.

Загоревшись новыми перспективами, Юрий Михайлович сначала арендовал, а вскоре выкупил обширный земельный участок в двенадцати километрах от железнодорожной станции Шюоцу (кор. Чуль). Японские власти Кореи давали иностранцам, в том числе и русским эмигрантам, право приобретать землю на корейской территории. Крупный заём на приобретение земли Янковский получил в одном из харбинских банков благодаря поручительству Бориса Юльевича Бринера, своего родственника по линии жены, швейцарского подданного и успешного советского предпринимателя и промышленника [13, с. 322]. В свое время Бринеры были частыми гостями в Сидеми и после эмиграции Янковских сохраняли с ними связь. В начале 1930-х гг. в связи с угрозой потери всего имущества в СССР всё семейство Бринеров (три брата, старший из которых – Леонид уже с 1920-х гг. жил преимущественно в Харбине) перебралось в Китай [3, с. 119–122].

На приобретённой земле Янковскими было построено семейное поместье, получившее название Новина в честь родового герба (Nowina, Woinia). В начале 1930-х гг. Юрий Михайлович, заметно укрепивший к этому времени финансовое положение семьи, приобрёл еще один большой участок земли в восемнадцати километрах от Новины на побережье Японского моря, славившийся своими многокилометровыми песчаными пляжами. Новое владение получило наименование Лукоморье.

В 1930-е гг. хозяйство Янковских приобрело комплексный характер, основные статьи дохода обеспечивали пантовое оленеводство, промысловая охота и курортный бизнес. В условиях эмиграции, когда у предпринимателя отсутствовал устойчивый правовой статус (отсутствии гражданства), государственная поддержка и национальный социально-культурный контекст, успешное функционирование такого хозяйства могло быть обеспечено только концентрацией всех наличествующих ресурсов. С этим Юрий Михайлович, имея безусловную поддержку своей жены Маргариты Михайловны, хорошо справился. Человек энергичный, крайне работоспособный и волевой – «двуличный», как писал о нём его старший сын Валерий, Юрий Михайлович сохранил костяк сидемийского клана Янковских. Из пяти родных детей Юрия Михайловича и Маргариты Михайловны (две дочери 1907 и 1909 годов рождения, и три сына 1911, 1914 и 1920 годов рождения) только старшая дочь Муза (Ливия) покинула семью и уехала жить в Шанхай. Однако, живя с семьей в Шанхае, Муза никогда не порывала связей с Кореей. Остальные дети, получив в основном домашнее образование, были рано вовлечены в обеспечение семейного хозяйства. Все они являлись великолепными охотниками и наездниками, имея в арсенале и ряд других специальностей – строитель, шофер-механик, оленевод, инструктор по туризму. Помимо семьи Юрия Михайловича клан Янковских в Новине включал в себя старшего брата Юрия Михайловича – Александра, семью его младшего брата – Павла (до 1928 г.), племянника – Василия Пауэрс, ряд старых сотрудников ещё со времен Сидеми – няню японку Осада, семейство православных корейцев Магай, чету Козак, и ряд новых служащих – В.Н. Валькова, Ф.П. Соломахина и др.

Другим важным ресурсом семьи являлся капитал связей – родственные и дружественные связи в среде предпринимателей русского Китая, а также хорошие отношения с японскими провинциальными властями, которым Янковские оказывали некоторые «полудобровольные» услуги. Мужчины семьи входили в состав местной самообороны, участвовали в сборе сведений о Советском Союзе путем прослушивания советских широкоэвещательных радиостанций [13, с. 360, 419]. Кроме того, Янковские сумели вывезти в Корею некоторые финансовые средства и часть своего имущества, которая в дальнейшем была продана и обращена в стартовый капитал для реализации коммерческих проектов, а также большой арсенал оружия и боеприпасов.

Организация курортной инфраструктуры заняла у Янковских несколько лет. Часть приобретенной земли в Новине и Лукоморье была выделена для продажи и устройства дач. Стандартный дачный участок составлял 300 цубо (около 1 тыс. квадратных метров) [13, с. 322]. Первую рекламную акцию по продаже земли под дачи Юрий

Михайлович организовал самостоятельно в Харбине и Тяньцзине в 1927 г., попросту обходя с этим предложением своих родственников и знакомых [4, с. 421]. В дальнейшем объявления о продаже земельных участков давались через эмигрантские газеты.

На предложение Янковских откликнулись прежде всего некоторые состоятельные харбинцы. Для них, живших далеко от морского побережья, важную роль сыграло и открытие в 1933 г. железнодорожной ветки Чанчунь (Синьцзин) – Сейсин. Добраться от Харбина до станции Шюоцу теперь можно было менее, чем за 24 часа [4, с. 422]. Построенная несколькими годами ранее, в 1928-м г., линия Гензан (Вонсан) – Сейсин связала порт с общекорейской железнодорожной сетью и обеспечила доступ русским, проживавшим в Сеуле, к курортам. Впрочем, состоятельных эмигрантов среди малочисленной сеульской колонии (около 200 человек) было немного. Известно только, что Новину и Лукоморье посещали члены семьи бывшего российского дипломата С.В. Чиркина [13, с. 323, 324]. Заинтересовались корейскими владениями Янковских и некоторые русские шанхайцы, для которых главным курортом являлся Циндао, находившийся гораздо ближе к Шанхаю и имевший более тёплый климат. Но в случае Лукоморья подкупала почти дикая природа Кореи и корейская дешёвизна, цены в Циндао были гораздо выше.

Контингент дачников Янковских состоял в массе своей из родственников, друзей, знакомых семьи, знакомых друзей и т. п. Завсегдатаями курортов являлись члены клана Янковских, проживавшие в Шанхае, – семьи Музы Юрьевны и Павла Михайловича, Шевелёвых, родственников по женской линии, и Пауэрсов. Свои дачи в Новине и Лукоморье имели братья Бринеры – Леонид и Борис. Из близких друзей – Гинце, Эллерсы, Варгасовы, Васильевы и др. Из других владельцев дач известны Е.С. Кауфман, издатель журнала «Рубеж» и технический директор издательства «Заря», Г.Н. Шипков, главный редактор «Зари», К.Ф. Кореневский, управляющий Мулинскими угольными копиями, доктор М.В. Чердынцев из Тяньцзина, Унтербергеры, Юзефовичи и др. [4, с. 432; 12, с. 157, 230; 13, с. 358].

Помимо владельцев дач в Новине отдыхали те, кто снимал комнату на весь курортный сезон или какую-то его часть в одном из домов, принадлежавших Янковским. По воспоминаниям Валерия Юрьевича, в разгар летнего сезона в Новине располагалось до 50–60 гостей и ещё некоторое количество дачников в Лукоморье. Под размещение отдыхающих отдавался весь жилой фонд – два четырехкомнатных домика позади театра, бывшая контора, домик Музы Янковской, дом под названием «Гусарский Монастырь», а с 1935 г. – большая фанза «Турек» (зимняя база), располагавшаяся на площади перед театром [4, с. 428].

Были гостями Янковских и некоторые иностранцы – японцы, в том числе генерал-губернатор Кореи генерал Коисо Куниаки и другие высокие чины [13, с. 355], и европейцы. По мнению Д. Кларка, для европейцев, базировавшихся в основном на курортах Вонсана и Инчхона, Новина и Лукоморье не имели большой привлекательности отчасти из-за того, что Янковские и их сотрудники не говорили на английском языке [14, р. 48].

Русские курорты в Корее достигли своего расцвета в середине 1930-х гг., когда число отдохнувших в разгар сезона могло доходить до сотни человек. Главным неблагоприятным фактором для ведения

² ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области.

курортного бизнеса стал фактор внешний – углубление вооруженного противостояния между Японией и Китаем после 1937 г. и рост советско-японских противоречий. По воспоминаниям М.М. Гинце, курортный сезон 1941 г. был неожиданно прерван в июле эвакуацией с возвращением на места постоянного проживания всех русских отдыхающих без объяснения каких-либо причин со стороны японских властей [4, с. 440]. Окончательное закрытие курортов положило начало Тихоокеанской войны. К этому времени относится и распад большой семьи Янковских. Виктория с мужем уехала в Маньчжоу-го еще в 1939 г., бывая в Корее только наездами, а после вторичной женитьбы отца (Маргарита Михайловна скончалась в 1936 г.) в 1941 г. в Маньчжоу-го перебрался и Валерий, где организовал собственное хозяйство – «Тигровый хутор». Последний ограниченный курортный сезон в Новине и Лукоморье пришёлся на лето 1942 г.

Организация курортной жизни в Новине и Лукоморье

Дачный поселок Новины начал складываться не ранее 1928 г. Одной из наиболее ранних построек стала дача близких друзей Янковских – четы Гинце (Михаил Александрович, управляющий фанерного завода в Харбине, и Наталья Борисовна), впервые принявшая своих хозяев летом 1929 г. На протяжении всех тридцатых годов Гинце (главным образом Наталья Борисовна и три её сына) были постоянными гостями курортов, обычно проводя в Корее целое лето [3, с. 422].

Первые дома для дачников строили сами Юрий Михайлович и два его старших сына – Валерий и Арсений. Домики были типовыми – «открытая веранда, с нее вход в большую комнату во всю ширь дома, а из этой комнаты вход в две отдельные, поменьше, наполовину большой комнаты. И вход в кладовку и кухню из большой комнаты» [4, с. 422]. К кухне примыкала ванная комната с умывальником и ванной, которые наполнялись доставляемой ведрами водой из реки. Наряду с водопроводом в Новине отсутствовали канализация и электричество [4, с. 422; 6, с. 68]. Позднее к строительству стали привлекать наёмных рабочих. Состоятельные дачники осуществляли строительство по индивидуальным планам, как, например, Е.С. Кауфман, чьи просторная дача и участок земли были огорожены металлической сеткой [13, с. 240]. К слову сказать, стоимость участка и дома Кауфмана в Новине оценивалась в 1943 г. примерно в 6 тыс. гоби [денежная единица Маньчжоу-го, приравненная к японской иене – С.С.] (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41665. Наблюдательное дело. Л. 18).

Центральной постройкой Новины являлся дом самих Янковских – «Катамаран», имевший Т-образную форму и построенный из лиственных досок на фундаменте из речных валунов. Свои дома имели Павел Михайлович и Муза Юрьевна. Большая столовая вмещала до 40 человек, здесь обедали и сами хозяева, и отдыхающие [6, с. 69; 13, с. 322]. Отдельно располагалось здание клуба-театра, служившее основным местом организации культурно-развлекательных мероприятий. Во время сильного наводнения 1938 г. «Катамаран» и ряд других зданий Новины были полностью разрушены, но уже в течение следующего года Янковские восстановили все свои потери. Новые здания строились более основательно и вне зоны затопления. Наряду с жилыми постройками было возведено высокое здание театра, имевшее свой балкон. В нем разместилась большая столовая со сценой,

соединявшаяся галереей с просторной кухней. В зале столовой были выставлены призовые кубки, выигранные скакунами Янковских, и многочисленные охотничьи трофеи – черепа и рога добытых зверей. Позади здания театра располагалась контора [13, с. 369].

Снабжение всех курортников продуктами и всем необходимым Янковские взяли на себя. На это были ориентированы входившие в состав хозяйства Новины коровник, пасека, фруктовый сад, находившиеся под управлением многолетних сотрудников Янковских, часть которых перебралась в Корею из Сидеми. Богатая охота обеспечивала хозяйство различными видами мяса. Другие виды продуктов, в частности, рис, муку, овощи, морепродукты Янковские закупали по баснословно низким ценам, о чём пишут практически все авторы воспоминаний, у местных корейцев, отношения с которыми были самыми добрыми [13, с. 355].

Все Янковские и особенно представители молодого поколения семьи изъяснялись на корейском и японском языках (молодежь говорила свободно), быстро освоили некоторые местные традиции и относились к местным жителям без каких-либо предубеждений. По воспоминаниям М.М. Гинце, одной из поразивших его черт Янковских было их «отношение к корейцам как к совершенно своим»: «Трудно это объяснить, но молодые Янковские были одновременно корейцами и русскими и не имели ни малейшего понятия о расовой исключительности, ни тем более, превосходстве» [4, с. 443]. Главная причина «толерантности» Янковских заключалась в том, что они были воспитаны в зоне фронта (порубежья), специфические социальные условия которого, порожденные смешением разнокультурных обычаев и нравов без жесткой ориентации на нормативную национально-культурную модель, вели к формированию мультикультурной идентичности [15, с. 63–84]. Это, в свою очередь, способствовало достаточно высокому уровню интеграции Янковских в местное общество. В частности, на время летнего курортного сезона Янковские нанимали несколько корейцев наряду с несколькими русскими в качестве обслуживающего персонала, обеспечивая их семьям дополнительный заработок [6, с. 69; 13, с. 329]. В среде корейцев, занимавшихся охотничьим промыслом, Янковские пользовались большим уважением и поддержкой.

Снабжение дачников Лукоморья осуществлялось из Новины. Валерий и Арсений доставляли продукты и всё необходимое на одном из двух автомобилей, которые имелись в хозяйстве Янковских, используя каждую поездку, чтобы на время ускользнуть из-под контроля отца и поразвлечься в компании дачной молодежи [13, с. 328].

Культурно-досуговая сфера курортной жизни также обеспечивалась преимущественно Янковскими и включала в себя театральные постановки, концерты и танцы, спортивные игры и горные походы. Лечебные процедуры не включались в перечень услуг, что, вероятно, лимитировалось местными властями. Ещё во время обустройства Янковских в Новине им было запрещено бурить скважины с термальными водами, чтобы не создавать конкуренции японским владельцам лечебных курортов в поселке Омпо [4, с. 434]. Не имели Янковские в своем хозяйстве и банного комплекса. По воспоминаниям дачников, они пользовались услугами японских бань в Омпо [4, с. 434, 435; 6, с. 70]. Однако эти недостатки окупались возможностью использовать

дары богатой корейской природы – природные горячие источники в окрестностях Новины, целебный горный и морской воздух, морские ванны.

Главная роль в организации культурно-досуговой сферы курортов принадлежала жене Юрия Михайловича – Маргарите Михайловне (в девичестве Шевелёвой), которую дети и многие знавшие ее люди называли «душой семьи» [4, с. 427; 6, с. 69]. Маргарита Михайловна обеспечивала досуг и развлечения в Новине, а Лукоморье было отдано под управление её младшей дочери – Виктории, охотницы и поэтессы, имевшей в Лукоморье свое бунгало. Усилиями Маргариты Михайловны и ее невестки Натальи Николаевны, жены Павла Янковского, в Новине был организован домашний театр, участие в постановках которого принимали как члены семьи Янковских, так и отдыхающие.

Маргарита Михайловна «заболела» театром ещё в детстве, когда, приезжая из Владивостока в родную для её богатой купеческой семьи Шевелёвых Кяхту, посещала здесь любительские спектакли, постоянными участниками которых являлись их родственники Корнаковы. Впоследствии уже в Сидеми Янковская организовала семейный театр и написала для него несколько пьес. Именно на сцене этого импровизированного театра сделала свои первые актёрские шаги двоюродная сестра Маргариты Михайловны – Екатерина Корнакова, в будущем одна из ведущих актрис МХАТа [12, с. 14, 17]. Выйдя замуж за Бориса Бринера, Корнакова покинула в 1931 г. с мужем Советский Союз и обосновалась в 1932 г. в Харбине. Как уже отмечалось, Бринеры имели свои дачи в Новине и Лукоморье, и Екатерина Ивановна была частой гостьей Янковских, активно участвуя в «театральной жизни» курорта. Это обстоятельство создало своеобразную «рекламу» поместьям Янковских и на курорт потянулись представители театрального и литературного мира русского Китая – В.И. Томский, Л.А. Далевич, В.В. Панова, М.В. Щербаков, Л.Н. Андерсен, Светланова, Мальцева, и др. Как вспоминала Виктория Янковская, однажды в Новину съехались сразу пять режиссёров, которые желали ставить в театре Маргариты Михайловны свои спектакли [12, с. 156]. В разгар летнего сезона спектакли ставились почти каждую субботу [4, с. 444].

Наиболее популярными видами спорта на курортах Янковских являлись теннис, волейбол и городки. Были устроены теннисные корты и волейбольные площадки [12, с. 157]. На время сезона в Новине и Лукоморье формировались по одной сборной мужской команде по волейболу, которые в конце сезона боролись за призовой кубок, и «страсти здесь разгорались не на шутку». Команда Новины была представлена хозяевами и приезжими, а в команде Лукоморья играли служащий Янковских В. Н. Вальков и владельцы местных дач. Также существовали смешанные женско-мужские команды, одну из которых возглавляла Агния (Гуля) Рокотова, жена редактора «Рубежа» М.С. Рокотова-Бибинова [4, с. 430, 431].

Взрослых отдыхающих неизменно привлекали походы к истокам реки Омпо, на Мертвое Озеро, на становой хребет Лысые Горы с красивейшим водопадом Три Чаши. Обычно поход в горы занимал несколько дней, требовал особой подготовки и разбивки базового лагеря в районе Второй Чаши [13, с. 345–349]. Восхитительные горные пейзажи Кореи никого не оставляли равнодушными. Для детей

обычно организовывались пешие прогулки в окрестностях Новины. Другими детскими развлечениями были посещение оленьей фермы и коровника Янковских, купание, катание на больших качелях-каруселях («гигантские шаги») [4, с. 423].

Вечерами для отдыхающих устраивались концерты и танцы, пользовавшиеся большой популярностью. Проводились выборы «мисс Новина». Те, кто предпочитал более узкий круг общения, собирались у кого-либо на даче: беседовали, иногда спорили по тем или иным злободневным политическим вопросам, читали стихи, пели песни или играли в карты. Виктория Янковская нередко устраивала в Лукоморье вечерние посиделки с играми на берегу моря вокруг большого костра [4, с. 423–425, 432; 13, с. 329, 345].

Курорт Янковских мог удовлетворить и религиозные запросы отдыхающих, что было немаловажным особенно в том случае, когда некоторые семьи (главным образом женщины и дети) проводили в Корее по несколько месяцев. В первой половине 1930-х гг. Янковские собственными руками построили из речного камня церковь-часовню, располагавшуюся недалеко от основных жилищ на горке в сосновом лесу. Служил в церкви перебравшийся с женой из Харбина и постоянно проживавший в Новине о. Иоанн Тростянский. Службы осуществлялись по субботам и воскресениям, а также во время престольных праздников, нередко сопровождаясь крестным ходом и освящением вод реки Омпо [4, с. 425; 13, с. 338, 386]. Неоднократно посещавшая усадьбу Янковских поэтесса и танцовщица Ларисса Андерсен позднее так вспоминала крестный ход в Новине: «Это какое-то средневековое зрелище. Маленькая горстка христиан в сердце огромных языческих гор» [1].

Летний курортный сезон в Новине и Лукоморье обычно длился с мая по сентябрь, но некоторые владельцы дач проводили здесь и зимние месяцы, как, например, давний друг семьи Янковских коммерсант из Шанхая Евгений Эллерс [13, с. 371]. В зимний период владельцы Новины организовывали охоту для состоятельных людей, среди которых было немало иностранцев, привлечённых «разрекламированной» периодической печатью славой Янковских как искуснейших охотников³. Для удобства охотников в 1935 г. в Новине был построен специальный зимний дом в стиле богатой корейской фанзы под черепичной крышей, получивший название «Турек». Здесь располагалось до десятка помещений, в том числе столовая, кухня, контора [13, с. 369, 370].

Организация зимней охоты составляла важную статью доходов семейного бизнеса. Ее закат, как и закат всего курортного хозяйства, наступил с началом Тихоокеанской войны. В условиях сворачивания курортного бизнеса Янковские сосредоточили всю свою активность на оленеводстве и промысловой охоте.

Выводы

Организация успешного курортного бизнеса семьей Янковских в Корее является одним из редких примеров активности русских эмигрантов Дальнего Востока в данной сфере. Причины успешности Янковских, по нашему мнению, нужно искать прежде всего в клановой организации хозяйства, сформированной в условиях дальневосточного фронта и неразвитости его экономической инфраструктуры

³ Статьи об охотничьих успехах Янковских неоднократно выходили в русской эмигрантской прессе Китая, в частности, в журнале «Рубеж», а также в корейской периодике (Чосон ильбо). Кроме того, Янковские упоминались в нескольких книгах, изданных в 1930-е гг. в США и Европе (S. Bergman, F. Ossendovski).

ещё в дореволюционный период в Приморье. Концентрация основных финансовых средств в руках главы клана, высокий уровень внутри-семейной консолидации, ранняя интеграция детей в семейную профессиональную сферу, наличие серьезных материальных ресурсов и широких интернациональных связей, помноженные на колоссальную предприимчивость и благоприятную для русских эмигрантов экономическую политику японских властей Кореи, обеспечили мощный фундамент экономического благополучия Янковских, в немалой степени зиждившегося на курортном хозяйстве Новины и Лукоморья.

Особенности функционирования курортного хозяйства Янковских были обусловлены его комплексным характером – сочетанием пляжного и прогулочно-спортивного отдыха в летний период и охотничьего сафари в зимний. Несмотря на присутствие в Новине и Лукоморье многочисленных русских отдыхающих из крупных эмигрантских центров Китая и Кореи, японцев и других иностранцев, курорты Янковских так и не приобрели по-настоящему общественный характер, оставаясь преимущественно местом отдыха для родственников, друзей и знакомых хозяев курортов. В то же время наличие в ряде регионов Китая крупных русских эмигрантских сообществ, члены которых являлись главными потребителями предоставлявшихся Янковскими курортных услуг, обеспечивало высокий уровень конкурентоспособности семейного предприятия, существовавшего по соседству с многочисленными японскими курортами. Курорты Янковских играли определенную роль и в развитии экономики региона, втягивая в свою орбиту представителей местного корейского населения. Кроме того, Новина и Лукоморье в известной степени являлись в 1930-е гг. важным культурным явлением в жизни дальневосточной эмиграции, будучи объектом притяжения деятелей русской культуры из Харбина и Шанхая – артистов, литераторов, поэтов, музыкантов, и центром любительского театрального искусства.

В контексте изучения проблемы социальной адаптации русских эмигрантов в странах Восточной Азии успешность реализации Янковскими крупного коммерческого проекта с опорой почти исключительно на семейные ресурсы (не только финансовые и материальные, но и капитал связей, особенности организации семьи, воспитания детей и т. д.) является показателем успешности включения эмигранта в чужую, в чем-то даже чуждую, среду с достаточно высоким уровнем интеграции в местное общество.

Литература

1. Андерсон Л. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=170947> (дата обращения: 22.06.2021).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 323 с.
3. Бриннер Р. Империя и одиссея. Бриннеры в Дальневосточной России и за ее пределами. Фантом Пресс, 2015. 366 с.
4. Гинце М.М. Новина и Лукоморье, поместья семьи Янковских в Корее (воспоминания юного дачника) // Российское корееведение: Альманах. Вып. 5. М.: ИСАА МГУ; ИВ РАН, 2007. С. 420–448.
5. Иванов-Ардашев В.В. Злой рок чужбины. Очерки былого лихолетья: статьи, письма, интервью. Хабаровск: Хабар. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2008. 59 с.
6. Ильина-Лаиль О. Восточная ветвь.

СПб.: Звезда, 2003. 288 с.

7. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 204 с.

8. Симбирцева Т.М. Семья Янковских в истории Приморья и русско-корейских отношений // Российское корееведение: Альманах. Вып. 5. М.: ИСАА МГУ; ИВ РАН, 2007. С. 407–412.

9. Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «Русского Китая». М.: Молодая гвардия, 2006. 373 с.

10. Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пацифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.

11. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб., 2015. 512 с.

12. Шорохи прошлого. Дневники, пись-

ма и раннее литературное творчество семьи Янковских, 1907–1954 / Маргарита, Муза, Виктория Янковские: сост., вступ. ст., коммент. Е.Н. Сергеевой. Владивосток: Рубеж, 2017. 631 с.

13. Янковский В.Ю. От Сидеми до Новины. Дальневосточная сага. Владивосток: Рубеж, 2017. 608 с.

14. Clark D.N. Vanished Exiles: The Prewar Russian Community in Korea // Korean Studies: New Pacific Currents. – Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawaii, 1994. P. 41–55.

15. Hoerder D. Migration Research in Global Perspective: Recent Development // Sozial. Geschichte Online. 2012. N 9. S. 63–84. URL: <http://www.stiftung-sozialgeschichte.de> (дата обращения: 05.07.2021).

16. Simbirtseva T. In Memory of Valery Yankovsky // Acta Koreana. 2010. Vol. 13. N 1. P. 203–207.

Sergei V. SMIRNOV,

Doctor of History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: s.v.smirnov@urfu.ru

Russian Resorts in Korea in the Late 1920s – early 1940s. (on the Example of the Activities of the Yankovsky Family)

UDC 325.2 + 929.52

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/74-84>

The article focuses on a unique example of the successful development of a large Russian resort in Korea in the conditions of emigration. The research is based on documents of personal origin. The main reasons for the economic success of the Yankovskys were the clan nature of the organization of their economy, the frontier consciousness of family members, which facilitated the process of social adaptation, and the presence of a stable socio-economic context, which was provided by the policy of the Japanese colonial authorities in Korea. In the 1930s, the Yankovsky resort, remaining mainly a vacation spot for their relatives and friends, was an important phenomenon of the Far Eastern Russian emigration's cultural life. The termination of the functioning of the resorts was due not so much to internal as to external factors: the aggravation of the military-political situation in the region and the beginning of the Pacific War.

Russian emigration, Yankovsky, Korea, Novina, Lukomorye, resort economy, frontier, amateur theater

This work was supported by the RFBR grant No. 19-59-51004 “The role of diaspora communities in the socio-economic and cultural development of Russia and Korea in the 20th century. (based on the materials of the communities of Russian emigrants in Korea and the Korean community of the Urals)”.

For citation: Smirnov S. V. Russian resorts in Korea in the late 1920s – early 1940s. (on the example of the activities of the Yankovsky family) // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 3. P. 74–84. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/74-84>

References

1. Anderson L. Odná na mostu: Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=170947> (data obrashheniya: 22.06.2021).
2. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Academia-TSentr, Medium, 1995. 323 s.
3. Brinner R. Imperiya i odisseyá. Brinneriy v Dal'nevostochnoy Rossii i za ee predelami. Fantom Press, 2015. 366 s.
4. Gintse M.M. Novina i Lukomor'e, pomest'ya sem'i YAnkovskikh v Koree (vospominaniya yunogo dachnika) // *Rossiyskoe koreevedenie: Al'manakh*. Vyp. 5. M.: ISAA MGU; IV RAN, 2007. S. 420–448.
5. Ivanov-Ardashev V.V. Zloy rok chuzhbiny. Ocherki bylogo likholet'ya: stat'i, pis'ma, interv'yu. Khabarovsk: Khabar. kraevoy muzej im. N.I. Grodekova, 2008. 59 s.
6. Il'ina-Lail' O. Vostochnaya vetv'. SPb.: Zvezda, 2003. 288 s.
7. Kapran I.K. Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya KHarbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 204 s.
8. Simbirtseva T.M. Sem'ya YAnkovskikh v istorii Primor'ya i russko-korejskikh otnoshenij // *Rossiyskoe koreevedenie: Al'manakh*. Vyp. 5. M.: ISAA MGU; IV RAN, 2007. S. 407–412.
9. Starosel'skaya N.D. Povsednevnyaya zhizn' «Russkogo Kitaya». M.: Molodaya gvardiya, 2006. 373 s.
10. KHisamutdinov A.A. Russkie volny na Patsifike: Iz Rossii cherez Kitaj, Koreyu i Yaponiyu v Novyj Svet. Pekin; Vladivostok: Rubezh, 2013. 640 s.
11. SHaronova V. G. Istoriya russkoj eh migratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka. M.; SPb., 2015. 512 s.
12. SHorokhi proshlogo. Dnevnik, pis'ma i rannee literaturnoe tvorchestvo sem'i YAnkovskikh, 1907–1954 / Margarita, Muza, Viktoriya YAnkovskie: sost., vstup. st., komment. E.N. Sergeevoy. Vladivostok: Rubezh, 2017. 631 s.
13. YAnkovskij V.YU. Ot Sidemi do Noviny. Dal'nevostochnaya saga. Vladivostok: Rubezh, 2017. 608 s.
14. Clark D.N. Vanished Exiles: The Prewar Russian Community in Korea // *Korean Studies: New Pacific Currents*. – Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawaii, 1994. P. 41–55.
15. Hoerder D. Migration Research in Global Perspective: Recent Development // *Sozial. Geschichte Online*. 2012. N 9. S. 63–84. URL: <http://www.stiftung-sozialgeschichte.de> (data obrashheniya: 05.07.2021).
16. Simbirtseva T. In Memory of Valery Yankovsky // *Acta Koreana*. 2010. Vol. 13. N 1. P. 203–207.

ЛИНГВИСТИКА

НАУМОВА Ксения Михайловна,

соискатель степени канд. филол. наук, ассистент кафедры английского языка в сфере филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).
Электронная почта: KseniaNaumova888@gmail.com

Чувство долга (义 / 义务) в китайской языковой картине мира: традиция и современность

УДК 811.581.11+394

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/85-95>

В статье исследуются лингвокультурные сдвиги в представлениях о чувстве долга (义 / 义务) в китайской языковой картине мира, происходящие в результате экстралингвистических изменений, привнесенных глобализационными процессами на рубеже XX–XXI вв. Обобщая лингвистические данные, полученные в ходе дефиниционного, количественного, интерпретационного и контекстуального анализа более чем 800 словосочетаний по материалам Сбалансированного корпуса современного китайского языка Пекинского университета, и выявляя наиболее частотных словосочетаний, автор приходит к выводу о том, что на современном этапе развития китайского социума обязанности по отношению к родителям отходят на второй план, уступая место гражданскому и общественному долгу.

*китайская культура,
чувство долга,
система ценностей,
китайский язык,
современное китайское общество,
глобализация,
корпусная лингвистика*

Целью настоящего исследования было показать изменения в китайской языковой картине мира на примере функционирования лексем 义 и / 义务 *иу* ‘долг, обязательство’. Для этого, соответственно, решались следующие задачи: представить этимологию и дефиниции ключевого для данного понятия этимолога 义 *и*; выявить наиболее частотные биномы, в состав которых он входит; методами корпусной лингвистики проанализировать контексты с лексемой 义务 *иу* (в объеме не менее 800); сопоставить полученные результаты с традиционными представлениями о чувстве долга в культуре Поднебесной; на основании результатов сравнения проверить выдвинутую гипотезу о наличии изменений в понимании данного понятия у носителей китайского языка и культуры.

Для реализации поставленных задач следует в первую очередь обратиться к этимологии соответствующего языкового знака. Итак, впервые иероглифический знак 義 *и* встречается в текстах эпохи Чжоу (1046–221 до н.э.) в виде изображения человека, несущего в руках жертвенное животное, и уже как одно из ключевых понятий в культуре Поднебесной присутствует в книгах конфуцианского канона, в частности в «Каноне перемен» (易经 *Ицзин*), «Каноне истории» (书经 *Шуцзин*) и «Каноне песен» (诗经 *Шицзин*).

Далее, не ставя перед собой задачу дать исчерпывающее определение такого сложного и многомерного понятия, как «долг» в китайской картине мира, остановимся лишь на тех моментах в семантике соответствующей лексемы, обозначае-

Для цитирования:
Наумова К. М. Чувство долга (义 / 义务) в китайской языковой картине мира: традиция и современность // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 85–95. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/85-95>

мой знаком 义 и, и ее употреблении в языке, которые необходимы нам для достижения целей данного исследования. Согласно словарным дефинициям [1; 4; 9; 13; 16], 义 и толкуется как:

справедливость; чувство долга; служебный долг; честность; верность; честь; порядочность; нравственность;

- ◆ твёрдость, мужество; принципиальность; непоколебимость; героизм;

- ◆ довод, резон, принцип; доктрина, мотивировка;

- ◆ смысл, значение, суть; объяснение, толкование; комментарий

- ◆ дружба; тесные, близкие связи;

- ◆ приёмный, названный, усыновлённый, удочерённая.

- ◆ Отметим, что в современном китайском языке однослог 义 и в изолированном употреблении практически не встречается, но активно задействован в деривационных процессах в составе двусложных слов: 仁义 жэньи 'конф. гуманность и справедливость; человеколюбие и чувство долга', 正义 чжэньи 'истина; справедливость', 公道 гундао 'справедливость; честность; путь правды', 义气 ици 'чувство справедливости; чувство долга; верность; преданность', 义务 иу 'общественный долг; обязанности (связанные с тем или иным правовым положением)', 天职 тяньчжи 'священный долг, долг совести', 职责 чжицзэ 'служебная обязанность; функциональная обязанность', 责任 цзэжэнь 'обязанность, обязательство, долг, ответственность', 名分 минфэнь 'долг, почётная обязанность; имя и социальное положение', 心肝 сингань 'благородство; принципиальность; чувство долга; чувство справедливости', 义愤 ифэнь 'справедливый гнев; законное возмущение', 义工 игун 'волонтер; добровольная, бесплатная работа', 大义 даи 'великая истина; великий принцип; основные положения этики; высокое чувство долга', 大道理 дадаоли 'величайший принцип; великая истина', 义理 или 'всеобщий принцип справедливости; всеобъемлющий порядок вещей; этика; мораль' [3; 9; 13; 17].

Из всех выше представленных лексических единиц мы выбрали для анализа 义务 иу в качестве основной, так как по частотности в корпусе она превышает все другие лексемы [табл. 1].

Согласно другим лексикографическим источникам, в частности Ханьюй дацзыдянь [18], под 义务 иу понимается:

1) 公民或法人按法律规定应尽的责任, 例如服兵役 (跟'权利'相对) гунминь хо фажэнь ань фалю гуйдин инцизиньдэ цзэжэнь, лижу фу бинъи (гэнь 'цюаньли' сяндуй) 'обязанности граждан или юридических лиц согласно закону, например, обязательная военная служба (в противоположность «правам»);

2) 道德上应尽的责任 даодэшан инцизиньдэ цзэжэнь 'моральная ответственность и обязательство';

3) 不要报酬的 бу яо баочоудэ 'бесплатный, добровольный, на общественных началах, волонтерский': ~劳动 лаодун 'добровольный труд, субботник, ~演出 яньчу 'благотворительный спектакль'.

Такие же дефиниции представлены и в других использованных нами лексикографических источниках [1; 3; 4; 13; 16].

Чтобы детально изучить возможные изменения в коллокациях с биномом 义务 иу, корпусные данные в рамках исследования рассматривались методом анализа ключевых слов, которым является 义务 иу. Сплошная выборка примеров из сбалансированного корпуса СКЯ

и корпуса китайского языка Лидского университета составила порядка 800 единиц, которые затем были сгруппированы по морфосинтаксическому принципу (ниже приводятся лишь некоторые словосочетания):

Прил. + 义务 иу: 神圣的义务 *шэньшэндэ иу* 'священная обязанность', 租税的义务 *цзюшуйдэ иу* 'налоговое обязательство', 自身的义务 *цзышиэньдэ иу* 'личные обязательства/долг', 政治义务 *чжэнчжи иу* 'политический долг', 崇高的义务 *чунгаодэ иу* 'благородный долг', 法律义务 *фалюдэ иу* 'правовые обязательства', 道德义务 *даодэдэ иу* 'моральный долг', 法定义务 *фадин иу* 'юридические обязательства', 条约义务 *тяюэ иу* / 约定义务 *юэдин иу* / 和约义务 *хэюэдэ иу* / 合同规定的义务 *хэтун гуйдиндэ иу* 'договорные обязательства', 相互间互负的义务 *сянху цзяньху фудэ иу* 'взаимное обязательство', 国际义务 *гоцзи иу* 'международный долг', 公民义务 *гунминь иу* 'гражданский долг', 一个共产党员的义务 *игэ гунчаньданюаньдэ иу* 'долг коммуниста', 个人对国家的义务 *гэжэнь дуй гоцзя дэ иу* 'личные обязательства перед государством', 一个党员应尽的义务 *игэ данъюань инициньдэ иу* 'долг члена партии', 劳动的义务 *лаодундэ иу* 'трудовая обязанность', 家庭义务 *цзятин иу* 'семейные обязательства', 赡养义务 *шань ян иу* 'обязанность проявлять заботу, оказывать поддержку', 集体的义务感 *цзитидэ иу гань* 'чувство долга перед коллективом', 男人的义务 *наньжэньдэ иу* 'мужская обязанность'.

义务 иу + сущ./прил.: 义务教育 *иу цзяюй* 'обязательное образование', 义务本位 *иу бэньвэй* 'основной общественный долг', 义务的系统 *иудэ ситун чжун* 'в системе обязательств', 义务明确 *иу минцзюэ* 'чёткие обязательства', 责任和义务 *цзэжэнь хэ иу* 'ответственность и обязательства (юр.)', 义务性规范 *иусин гуйфань* 'обязательное правило, обязательная норма (юр.)', 社会责任感和义务感 *шэхуэй цзэжэньсинь хэ иугань* 'чувство социальной ответственности и долга', 权利与义务 *цюаньли юй иу* 'права и обязанности'.

Глаг. + 义务 иу: 承担义务 *чэндань иу* 'взять на себя обязательства', 履行义务 *люсин иу* / 达到义务 *дадао иу* / 完成义务 *ваньчэн иу* 'выполнить обязательства', 违反义务 *вэйфаньлэ иу* / 不尽义务 *бу цзинь иу* / 违背义务 *вэйбэй иу* 'не выполнять обязательств', 废除义务 *фэйчю иу* 'отменить обязательства', 有义务接受并执行的决定 *ю иу цзешюу бин чжисин дэ цзюэдин* 'быть обязанным принимать и исполнять решения', 被动服从的政治义务 *бэйдун фуцун дэ чжэнчжи иу* 'пассивно подчиняться партийному долгу'.

Основываясь на полученной из корпусов выборке, отметим, что характерной особенностью лексемы 义务 иу является её встречаемость преимущественно в юридическом дискурсе, описывающем нормативно-правовые отношения международного, внутривнутриполитического, гражданско-правового характера: 国家和政府有义务向适龄儿童提供教育 *гоцзя хэ чжэнфу ю иу сян шилин эртун тигун цзяюй* 'Государство и правительство обязаны предоставить детям школьного возраста образование'; 正因为这样, 我们认为, 竭尽全力使这种关系不断达到新的水平以利于两国和两国人民, 以利于国际和平和合作事业, 这是我们的崇高的义务 *чжэн иньвэй чжэян, вомэнь жэньвэй, цзецзинь цюаньли ши чжэ чжун гуаньси будуань дадао синь дэ шуйпин и лиюй лян го хэ лян го жэньминь, и лиюй гоцзи хэпин хэ хэцзо ши, чжэ ши вомэнь дэ чунгаодэ иу* 'Поэтому мы считаем, что наш высокий долг – приложить все усилия для того, чтобы во имя международно-

го мира и сотрудничества вывести эти отношения на новый уровень на благо двух стран и их народов'; 落实中国对世贸组织的义务将产生积极的商业影响 *лоши чжунго дуй шимао цзучжи дэ иу цзян чаньшэн цзицидэ шанъе инсян* 'Выполнение Китаем своих обязательств перед ВТО положительно скажется на бизнесе'; 爱护和保卫公共财产是每一个公民的义务 *айху хэ баовэй гунгун цайчань ши мэи игэ гунминь дэ иу* 'В обязанности каждого гражданина входит забота и защита государственной собственности'; 人民对国家的义务 *жэньмин дуй гоцзя дэ иу* 'обязательства народа перед государством'; 我国宪法对于国家性质、国家的根本制度和根本任务以及公民的基本权利和义务等问题作出了明确的规定 *вого сяньфа дуйюй гоцзя синчжи, гоцзя дэ гэнбэнь чжиду хэ гэнбэнь жэньу ици гунминь дэ цзибэнь цюаньли хэ иу дэн вэньти цзочулэ минцюэдэ гуйдин* 'В конституции Китая содержатся чёткие положения о государственном устройстве страны, её политической системе и принципах управления, а также перечень основных прав и обязанностей граждан'; 对自己国家法律有遵守的义务 *дуй цзыци гоцзя фалю ю цзуньшоу дэ иу* 'обязаны соблюдать законы своей страны'; 国家权利义务宣言 *гоцзя цюаньли иу сюаньянь* 'екларация прав и обязанностей государств'; 权利和义务是法的核心 *цюаньли хэ иу ши фа дэ хэсинь* 'Права и обязанности являются основой закона'; 义务的前提下才能真正实现权利是义务的一致性 *иу дэ цяньтися цай нэн чжэньчжэнь шисянь цюаньли ши иу дэ ичжисин* 'Последовательность обязательств состоит в том, что только при условии их наличия могут быть по-настоящему реализованы права'. Современный Китай заявляет о своем курсе на построение правозащитного общества, которое бы освободило людей от сдерживающих обязательств, ограничения личности, оков диктатуры, создав при этом свободное, равноправное, толерантное и процветающее общество, управляемое законом (权利本位的现实意义是, 它会使人从传统的义务约束、身份限制和专制束缚中解放出来, 从而有可能创造一个自由、平等、宽容和富于活力的法治社会 *цюаньли бэньвэйдэ сяньши ши ши, та хуэй ши жэньмэнь цун чуаньтундэ иу юэшу, шэньфэнь сяньчжи хэ чжуаньчжи шуфучжун цзефан чулай, цуньэр ю кэнэн чуаницао игэ цзыю, пиндэн, куаньжун хэ фуюй холидэ фачжи шэхуэй*) [6; 10].

Анализируя полученную выборку на предмет возможных семантических сдвигов, мы выявили, что к достаточно частотным устойчивым выражениям, иллюстрирующим отношение носителей китайского языка к долгу, относятся: 有来有往 *юлай юван* / 礼尚往来 *ли шан ван лай* / 有借有还, 再借不难 *ю цзе ю хуань, цзай цзе бу нань* 'Долг платежом красен; отвечать добром на добро; взаимность'; 义气过于骨肉 *ици гоюй гужоу* 'Чувство долга сильнее уз крови'; 仁者人也 *ици чжэньчжэ жэнье ичжэ ие* 'Гуманность – это человечность, справедливость – это долг'; 处处尽责, 便处处快乐 *чучу цзинь цзэ, бянь чучу куайлэ* 'Если везде выполняешь свой долг, то тебе везде будет радостно'; 义者百事之始也 *ичжэ бай ши чжи ши е* 'Долг – основа всех действий человека'; 义不容辞 *и бу жун цы* 'положение обязывает; так велит долг; прямой долг'; 义愤填膺 *и фэнь тянь ин* 'благородный гнев распирает грудь (обр. пылать гневом, возмущаться)', 朝秦暮楚 *чжао Цинь му Чу* 'Утром – в Цинь, а вечером – в Чу: непостоянный, изменчивый, неверный'; 无情无义 *у цин у и* 'бесчувственный и бессовестный' [5; 12; 14; 15].

Традиционно в представлении носителей китайского языка и культуры долг напрямую был связан с патриотизмом, готовностью помочь своей стране, в том числе послушно исполняя свои гражданские обязанности по отношению к государству: 自觉履行公民义务是人民当家作主的表现, 是热爱社会主义祖国的表现 *цзыцзюэ люсин гунминь иу ши жэньминь данцзя цзочжу дэ бяосянь, ши жэ ай шэхуэйчжуи цзуго дэ бяосянь* 'Осознанное выполнение гражданских обязанностей – это проявление того, что народ принимает на себя ответственность, это проявление любви к социалистической родине'; 个人都享有社会赋予的权利, 也要对社会履行相应的义务 *гэжэнь доу сянью шэхуэй фуюй дэ цюаньли, е яо дуи шэхуэй люсин сяньбиндэ иу* 'Каждый пользуется существующими социальными правами, но при этом должен выполнять соответствующие обязательства перед обществом'; 公民的义务成为国家的最高要求 *гунминь дэ иу чэньвэй гоцзя дэ цзуйгао яоцю* 'Исполнение гражданского долга – вот высшее требование государства' [6; 10].

Распространённые типы долга в данном контексте описывают такие лексические единицы, как 公民的天职 *гунминьдэ тяньчжи* 'гражданский долг', 军人的天职 *цзюньжэньдэ тяньчжи* 'воинский долг', 爱国主义义务 *айгочжуи иу* 'патриотический долг', 对党应尽的义务 *дуи дан инциньдэ иу* 'партийный долг', 光荣的义务 *гуанжундэ иу* 'почётный долг', 招待义务 *чжаодай иу* 'долг гостеприимства', 民族大义 *миньцзу даи* 'великий национальный долг'.

Следуя патриотическому долгу, например, еще в Древнем Китае каждый двор обязан был отправлять по одному мужчине от семьи на воинскую службу, повинуюсь приказу императора. Солдат, выполняя свой долг перед родиной, не должен был опозорить честь семьи и подвести доброе имя своего отца, наоборот, он старался проявить себя и заслужить почёт и уважение, отличившись во время военного похода или службы.

Продолжая традицию, и сегодня каждый должен выполнить всё, что от него требуется, чтобы помочь стране выйти вперёд и достичь процветания. Человек должен мыслить коммунистическими идеалами, стремиться получить образование и усердно работать, а также вовремя платить налоги и не подрывать национальное единство: 这种关心集体照顾大局、以帮助别人当作自己义务的共产主义风格, 正是我们需要大大发扬的 *чжэ чжун гуаньсинь цзити чжаогу дацзюй, и банчжу бежэнь данцзо цзыци иу дэ гунчаньчжуи фэнгэ, чжэн ши во мэнзэ сюйяо дада фаян дэ* 'Такой коммунистический стиль, когда заботятся о коллективе, думают об общем деле, считают помощь человеку своим долгом – вот то, что нам необходимо пропагандировать'; 在我国, 劳动既是公民的基本权利, 又是公民的基本义务 *цзай во го, лаодун цзиши гунминь дэ цзибэнь цюаньли, ю ши гунминь дэ цзибэнь иу* 'В Китае право на труд – это не только основное право граждан, но и их базовая обязанность'; 公民有维护国家统一和全国各民族团结的义务 *гунминь ю вэйху гоцзя тунъи хэ цюаньго гэ миньцзу туаньцзе дэ иу* 'Граждане обязаны защищать единство своей страны и солидарность всех национальностей'; 公民有依法纳税的义务 *гунминь ю ифа нашуи дэ иу* 'Граждане обязаны платить налоги в соответствии с законом' [6; 10].

Как нетрудно заметить, такое восприятие общественного долга не предполагает свободу слова и действий, что уже отмечалось выше, и

содержательно расходится с встречающимися в корпусе примерами другого типа: 凡社会、国家、宗教、家庭所强加于个人身上的一切义务责任之负担，它都借口于个人的自由对之一概否定 *фань шэхуэй, гоцзя, цзунцзяо, цзятин со цяницзя юй гэжэнь шэньшан дэ шце иу цзэжэнь чжи фудань, та доу цзекоу юй гэжэнь дэ цзыю дуй чжи игай фоудин* 'Любая обязанность и ответственность, налагаемые обществом, страной, религией и семьёй на человека, будут отвергнуты под предлогом свободы личности' [10].

Такая трактовка зиждется на том, что согласно традиционным китайским представлениям, человек должен выполнять определённую социальную роль и следовать своему призванию, в противном случае в государстве может наступить хаос. Одной из главных характеристик китайского национального характера считается трудолюбие и выполнение того, что должен, поэтому критике подвергается любое пренебрежение своими обязанностями, нарушение субординации или должностных полномочий. Подобное нарушение установленного совершенно мудрыми предками порядка ведёт к потере «лица» (面子 *мяньцзы*), что в коллективистской культуре Поднебесной в принципе приравнивалось к социальной смерти человека [2]. Это положение можно проиллюстрировать на примере популярных фразеологизмов: 有借有还, 再借不难 *ю цзе ю хуань, цзай цзе бу нань* 'Долг платежом красен, отвечать добром на добро, услуга за услугу'; 义气过于骨肉 *ици го юй гужоу* 'Чувство долга сильнее уз крови'; 义者百事之始也 *ичжэ байши чжишиэ* 'Долг – основа всех деяний человека' [5].

Если мы говорим о морально-этической стороне долга, то здесь, судя по данным корпусных источников, человек волен поступать определённым образом исходя по своему усмотрению, исходя из своих личных качеств и условно оценив то, как его поступок может быть интерпретирован большинством: 他也必须履行这种地位要求他所尽的义务 *та е бисюй люсин чжэ чжун дивэй яоцю тасо цзинь дэ иу* 'Он тоже должен выполнять обязательства, которые требует от него его статус'; 提高劳动者履行义务的自觉性 *тигао лаодун чжэ люсин иу дэ цзыцзюэсин* 'повышать осознанность выполнения общественного долга трудящимися'; 这是社会主义义务感与个人利益或个人兴趣之间的动机斗争 *чжэ ши шэхуэйчжуй иугань юй гэжэнь ши хо гэжэнь синцюй чжицзянь дэ дунци доучжэн* 'Это борьба между чувством социалистического долга и личными интересами человека'; 要有这般权利, 又必须承担相应的义务 *яо ю чжэ бань цюаньли, ю бисюй чэндань сянгин дэ иу* 'Чтобы иметь такие права, необходимо также взять на себя соответствующие обязательства'; 处于不同社会地位的人, 权利和义务是不同的 *чуйю бутун шэхуэй дивэй дэ жэнь, цюаньли хэ иу ши бутун дэ* 'У людей различного социального статуса разные права и обязанности'; 义务是一件主动的事情, 不是人要做, 而是我要我做 *иу ши и цзянь чжудун дэ шицин, буши жэнь яо во цзо, эр ши во яо во цзо* 'Обязательства – дело добровольное, когда не другие хотят, чтобы я это сделал, а я сам хочу поступить именно так' (по материалам корпусов).

Из последнего примера видно, что аналогом западного представления о волонтерстве в Китае выступает всё то же понятие 义务 *иу* в значении 'добровольный, бесплатный труд', и, вероятно, в данном смысле оно уже было в ходу после образования КНР в середине XX в. Теперь же в новых социо-экономических реалиях его лексическая

сочетаемость расширились: 义务宣传员 *иу сюаньчуань юань* ‘пропагандист-доброволец’; 全队义务投工 *цюань дуй иу тоугун* ‘добровольный командный труд’; 提供义务咨询 *тигун иу цзысюнь* ‘проводить бесплатную консультацию’; 义务推销员 *иу туйсяо юань* ‘продавец-волонтер’; 院义务讲学 *юань иу цзянсюэ* ‘бесплатные лекции’; 事义务性的社会工作 *ши иу син дэ шэхуэй гуницо* ‘неоплачиваемая социальная работа’; 全村村民义务投工 *цюань цунь цуньминь иу тоугун* ‘жители всей деревни добровольно работают’; 义务向导 *иу сяндао* ‘гид-волонтер’; 进行义务咨询 *цзиньсин иу цзысюнь* ‘провести бесплатную консультацию’; 去义务献血 *цюй иу сяньсюэ* ‘добровольное донорство крови’; 义务营销 *иу инсяо* ‘безвозмездный маркетинг’; 义务表演 *иу бяоянь* ‘бесплатные представления’; 义务讲解员 *иу цзянцзюань* ‘переводчик-волонтер’; 我省在大规模开展义务植树和造林绿化活动中 *во шэн цзай да гуймо кайчжань иу чжишу хэ цзаолин лухуа ходун чжун* ‘В нашей провинции на добровольных началах проводятся масштабные посадки деревьев’; 对于公共义务和慈善事业也热心参加 *дуйюй гунгун иу хэ цышань ши е жэсинь цаньцзя* ‘Принимать активное участие в благотворительных организациях и исполнении общественного долга’ [6; 10].

Как уже отмечалось, семья выступала прототипом всех социальных отношений в стране, что нашло отражение в принципе взаимной опоры и обязательств в обществе. Чувство долга и справедливости было возведено в ранг с детства прививаемых конфуцианских ценностей, сохранившихся на коллективном уровне до наших дней. Носители китайской культуры полагали, что жизнь человека – это продолжение жизни предков, поэтому долг детей – продолжать историю рода: сын обязан был исполнять сыновний долг и следовать воле родителей (понятие 孝 *сяо*), тем самым развивая в себе чувства любви и справедливости. За неисполнение именно этого долга в традиционном Китае полагалась самая суровая кара – смерть [11]. Однако с приходом глобализации, Китай столкнулся с целым рядом новых феноменов, на фоне трудовых мигрантов, традиционно сохраняющих тесные связи со своими семьями в деревнях и, часто в ущерб себе, оказывающих им серьезную материальную поддержку, новой проблемой для современных китайцев стало одиночество пожилых людей [8]. Так, уже упоминавшийся нами неологизм 空巢老人 *кунчао лаожэнь* описывает оставшихся без сыновней поддержки родителей, чьи дети находятся далеко от родного дома. При этом существует и обратное явление – 啃嫩族 *кэньнэньцзу* – пожилые родители или люди среднего возраста, которые осознанно находятся на полном обеспечении детей, тотально контролирующие их доходы и требующие ежемесячных отчислений в свой адрес.

В материале корпусов на общем фоне выделяются примеры, не вписывающиеся в общую китайскую традицию уважения к старшим и неперенному созданию семьи для продолжения рода: 有些人不愿承担对父母的赡养义务 *юсе жэнь бу юань чэндань дуй фуму дэ шаньян иу* ‘Некоторые не хотят брать на себя обязанность по заботе о своих родителях’; 父母对子女的教养同样并非婚姻所必需履行的义务 *фуму дуй цзыну дэ цзяоян туньян бинфэй хуньинь со бисюй лусин дэ иу* ‘Воспитание детей родителями в равной мере не является обязанностью, возникающей в браке’; 孝是从普遍的血缘关系义务出发泯灭人的主体权利的强迫性规则 *сяо ши цун пубянь дэ сюэюань гуаньси иу*

чуфа миньме жэнь дэ чжути цюаньли дэ цянносин гуйцзэ ‘Уходящий своими корнями в представление о всеобщем долге по отношению к кровным родственникам, принцип сяо уничтожил нормы субъективного права’ [6; 10].

Неожиданно в корпусных данных не был широко представлен традиционный сыновний долг, описанный в примере выше. Вероятно, обязанности по отношению к родителям отходят на современном этапе на второй план, уступая место долгу гражданскому и общественному: *恋爱以终身相爱建立家庭为目的, 结婚以后夫妻双方要承担抚养孩子和赡养老人的义务* *ляньай и чжуниэнь сяньай цзяньли цзятин вэй муди, цзехунь ихоу фуци шуанфан яо чэндань фуян хайцзы хэ шаньян лаожэнь дэ иу* ‘В основе заключения брака должно быть стремление сохранить любовь на всю жизнь. После вступления в брак оба супруга должны нести ответственность за воспитание детей и за материальное обеспечение пожилых родителей’; *夫妻互负互助的义务* *фуци ху фу хучжу дэ иу* ‘обязанность супругов помогать и поддерживать друг друга’; *对于妻子有顺从之义务者只有自己的女孩, 男孩对于母亲象对仆役一样* *дуйюй цицзы ю шуньцун чжи иу чжэ чжию цзыцзи дэ нюйхай, наньхай дуйюй муцинь сян дуй пуи иян* ‘Только собственная дочь должна полностью повиноваться матери, сын же должен быть подобен слуге’; *作为一个妻子, 总有关心丈夫的义务和责任* *цзовэй игэ цицзы, цзун югуань синь чжанфу дэ иу хэ цзэжэнь дэ* ‘На той, что становится женой, всегда лежит забота об обязанностях и ответственности мужа’; *我国人民一向把尊老养亲看成是自己应尽的义务, 作为衡量个人品质好坏的尺度之一* *вого жэньминь исян ба цзунь лао ян цинь кань чэн ши цзыцзи и цзинь дэ иу, цзовэй хэнлян гэжэнь пиньчжи хаохуай дэ чиду чжи и* ‘Народ Китая всегда считал, что обеспечивать пожилых родителей – это социальная обязанность человека, один из критериев оценки его личностных качеств’; *夫妻生活要在双方, 其欢愉在双方, 义务也在双方* *фуци шэнхо яо цзай шуанфан, ци хуань юй цзай шуанфан* ‘В супружеской жизни все должно быть разделено между супругами: и радость, и обязанности’; *经济责任还表现在家庭义务方面* *цзинци цзэжэнь хай бяосянь цзай цзятин иу фанмянь* ‘Финансовая ответственность также проявляется в обязанностях по отношению к семье’ [6; 10].

В современном Китае разрушение традиционных ценностей из-за экономической модернизации приводит к растущей жажде потребления и проявлению индивидуализма западного толка, что, в свою очередь, подрывает традиционные представления о чувстве долга, отодвигая на второй план его морально-этическую составляющую. Молодёжь все больше стремится к независимости, достижению материального благосостояния и карьере, отодвигая на второй план некогда приоритетное по своей социальной значимости создание семьи и продолжение рода [7].

Таким образом, в соответствии с поставленной целью исследования лексического материала, содержащего лексему *义务 иу*, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, несмотря на то, что китайцы, следуя традициям, продолжают чтить своих предков, ежегодно отмечая один из самых древних китайских праздников – Праздник поминовения усопших Цинмин (清明节 *цинминцизе*), навещая живых и ухаживая за могилами умерших с соблюдением всех положенных обрядов, пока ещё помогают престарелым родителям, особенно если

те живут на расстоянии, в современном обществе на первый план выходит чувство долга перед работодателем и государством. Во-вторых, современные китайцы – безусловные патриоты, искренне желающие своей стране процветания, поэтому они, как одна большая семья, сплачиваются ради общего дела, направляя свои усилия на счастье-вое будущее своего государства в мировом масштабе.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь / Под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина: в 4 т. Т. 4. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.
2. Васильев Л. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Ломоносовъ, 2015. 528 с.
3. Китайско-русский словарь: около 60 000 слов / З. И. Баранова, В. Е. Гладцков, В.А. Жаворонков, Б. Г. Мудров ; под ред. Б.Г. Мудрова. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1988. 528 с.
4. Китайско-русский словарь, испр. изд-е, под. ред. Ся Чжунъи. М.: Вече, 2005. 1280 с.
5. Корнилов О. А. Жемчужины китайской фразеологии. 3-е изд., испр. и доп. М.: КДУ, 2014. 346 с.
6. Корпус китайского языка Лидского университета: сайт. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/internet.html> (дата обращения: 02.06.2020).
7. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Восточная литература, 2010. 335с.
8. Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества / пер. с англ. А. Лактионова. М.: Астрель, 2012. 315 с.
9. Новый китайско-русский словарь / А. В. Котов. 2-е изд. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 605 с.
10. Сбалансированный корпус современного китайского языка: сайт. URL: <http://www.aihanyu.org/cncorpus/index.aspx> (дата обращения: 02.06.2020).
11. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2010. 544 с.
12. Ху Хун. Устойчивые выражения китайского языка. Справочник / пер. С кит. А.С. Жмак. М.: ООО Международная издательская компания “Шанс”, 2019. 191 с.
13. Concise English-Chinese / Chinese-English Dictionary (3rd Edition) / ed. Martin H. Manser, the Commercial Press, Oxford University Press, 2004. 676 p.
14. 尹斌庸. 谚语100: 汉英对照. – 北京: 华语教学出版社, 2010. 201页 = Инь Биньюнь. 100 жемчужин китайской мудрости. Пекин: Хуаю цзяосюэ чубаньшэ, 2010. 201 с.
15. 周苓仲,何泽人.典故100:汉英对照. – 北京: 华语教学出版社, 2010. 284页 = Чжоу Линчжун, Хэ Цзэжэнь. Истории сотни китайских идиом. – Пекин: Хуаю цзяосюэ чубаньшэ, 2010. 284 с.
16. 新时代汉汉详解大词典 (全4卷), 4卷. – 北京:商务印书馆, 2014. = Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи, в 4-х томах. Т. 4 Пекин: Шану инь шугуань, 2014.
17. 同义词词林 / 梅家驹, 竺一鸣, 高蕴琦, 殷鸿翔. –上海: 上海辞书出版社, 1996. 653页 = Лес синонимов / Мэй Цзячжу, Чжу Имин, Гао Юньци, Инь Хунсян. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1996. 653 с.
18. 汉语大辞典 = Большой словарь китайского языка: сайт. URL: <http://www.hydc.com> (дата обращения: 02.06.2020).

Ksenia M. NAUMOVA,

Assistant at the Department of English Language, PhD Programme Graduate in Chinese Philology, SPBSU (Saint-Petersburg, Ruussa).

E-mail: KseniaNaumova888@gmail.com

A Sense of Duty (义 / 义务) in the Chinese Linguistic World View: Tradition and Modernity

UDC 811.581.11+394 DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/85-95>

*Chinese culture,
duty,
value system,
Chinese language,
modern Chinese society,
globalization,
corpus linguistics*

The article aims at showing the shifts in the perception of the sense of duty (义 / 义务) in the Chinese linguistic world view as the result of the changing socio-cultural circumstances brought by the processes of globalization between the 20th and 21st centuries. First, the author states the traditional view upon the subject, reflected in the dictionaries, including the etymological one. Then, the up-to-date materials obtained with the help of definitional, quantitative, and interpretation methods, accompanied with the context analysis of more than 800 examples, are thoroughly analyzed. The table of the most frequent collocations from the Balanced Corpora of the Contemporary Chinese Language is given. In conclusion, the author claims that responsibilities towards the person's parents are taking a back seat, giving way to civil and social duty. The paper may be of great interest for the reader who studies Chinese philology and culture, as well as cross-cultural communication.

For citation: Naumova K. M. A Sense of Duty (义 / 义务) in the Chinese Linguistic World View: Tradition and Modernity // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 85–95. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/85-95>

References

1. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' / Pod rukovodstvom i redaktsiej prof. I.M. Oshanina: v 4 t. T. 4. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1983–1984.
2. Vasil'ev L. Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. M.: Lomonosov", 2015. 528 s.
3. Kitajsko-russkij slovar': okolo 60 000 slov / Z. I. Baranova, V. E. Gladtskov, V.A. ZHavoronkov, B. G. Mudrov ; pod red. B.G. Mudrova. 2-e izd. M.: Rus. yaz., 1988. 528 s.
4. Kitajsko-russkij slovar', ispr. izd-e, pod. red. Sya CHzhun"i. M.: Veche, 2005. 1280 s.
5. Kornilov O. A. ZHemchuzhiny kitajskoj frazeologii. 3-e izd., ispr. i dop. M.: KDU, 2014. 346 s.
6. Korpus kitajskogo yazyka Lidskogo universiteta: sajt. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/internet.html> (data obrashheniya: 02.06.2020).
7. Lin' YUjtan. Kitajtsy: moy narod. M.: Vostochnaya literatura, 2010. 335s.
8. Nejsbit D. Kitajskie megatrendy: 8 stolpov novogo obshhestva / per. s angl. A. Laktionova. M.: Astrel', 2012. 315 s.
9. Novyj kitajsko-russkij slovar' / A. V. Kotov. 2-e izd. M.: Russkij yazyk – Media, 2005. 605 s.
10. Sbalansirovannyj korpus sovremennogo kitajskogo yazyka: sajt. URL: <http://www.aihanyu.org/cncorpus/index.aspx> (data obrashheniya: 02.06. 2020).
11. Sidikhmenov V.YA. Kitaj: stranitsy proshlogo. Smolensk: Rusich, 2010. 544 s.
12. KHu KHun. Ustojchivye vyrazheniya kitajskogo yazyka. Spravochnik / per. S kit. A.S. ZHmak. M.: OOO Mezhdunarodnaya

izdatel'skaya kompaniya "SHans", 2019. 191 s.

13. Concise English-Chinese / Chinese-English Dictionary (3rd Edition) / ed. Martin H. Manser, the Commercial Press, Oxford University Press, 2004. 676 p.

14. 尹斌庸. 谚语100: 汉英对照. - 北京: 华语教学出版社, 2010. 201页 = In' Bin'yun'. 100 zhemchuzhin kitajskoj mudrosti. Pekin: KHuayu tszyaoyueh chuban'sheh, 2010. 201 s.

15. 周苓仲, 何泽人. 典故100: 汉英对照. - 北京: 华语教学出版社, 2010. 284页 = CHzhou Linzhun, KHeh TSzehzhehn'. Istorii sotni kitajskikh idiom. - Pekin: KHuayu tszyaoyueh chuban'sheh, 2010. 284 s.

16. 新时代俄汉详解大词典 (全4卷), 4卷. - 北京: 商务印书馆, 2014. = Bol'shoj russko-kitajskij tolkovyj slovar' novoj ehpkhi, v 4-kh tomakh. T. 4 Pekin: SHanu in' shuguan', 2014.

17. 同义词词林 / 梅家驹, 竺一鸣, 高蕴琦, 殷鸿翔. - 上海: 上海辞书出版社, 1996. 653页 = Les sinonimov / Mehj TSzyachzhu, CHzhu Imin, Gao YUn'tsi, In' KHun'syan. SHankhaj: SHankhaj tsyshu chuban'sheh, 1996. 653 c.

18. 汉语大辞典 = Bol'shoj slovar' kitajskogo yazyka: sajt. URL: <http://www.hydc.com> (data obrashheniya: 02.06.2020).

НАГИБИНА Ирина Геннадьевна,

канд. филол. наук, доцент кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Электронная почта: irina_nagibina@mail.ru.

САВКИН Дмитрий Александрович,

канд. полит. наук, директор Байкальского института БРИКС, проректор по международной деятельности Иркутского национально-исследовательского технического университета (г. Иркутск).

Электронная почта: d.savkin@istu.edu

Компоненты китайского банковского дискурса

УДК 811.581'42:330.446.23 DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

институциональная коммуникация, китайский банковский дискурс, участники, хронотоп, стратегия кооперации, ценности, прецедентные тексты, дискурсивные формулы

Предлагаемая статья посвящена описанию копонентов китайского банковского дискурса и их языковой реализации в дискурсе работников китайской банковской сферы. В рамках исследования рассмотрена вербализация интерактивного институционального общения, обусловленного заданными рамками статусно-ролевых отношений «банк-клиент» и факторами, среди которых участники общения, хронотоп, концепты и ценности, цели и стратегии. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью китайского институционального дискурса в целом, и китайского банковского дискурса как его типа, в частности. Проанализированные компоненты китайского дискурса формируют специализированную разновидность общения внутри банковской сферы КНР, которая регулируется в соответствии с нормами изучаемого социума.

Банковский дискурс является одной из разновидностей институционального дискурса, представляющую собой многомерное коммуникативное образование, состоящее из множества элементов, пересекающихся и взаимодействующих друг с другом. Банковский дискурс также является неотъемлемой частью современного социума. Он осуществляется в рамках банковского пространства между клиентами и агентами банков, включая в себя лингвистические и экстралингвистические средства.

Н.Г. Бурмакина и Л.В. Куликова в своей работе «Академический дискурс: институциональность, стиль, жанры» выделили характеристики академического дискурса. Данные характеристики можно использовать применительно к банковскому дискурсу, т.к. академический и банковский дискурс являются типами институционального дискурса и могут обладать схожими чертами. Таким образом, рассматривая банковский дискурс как тип институционального дискурса, можно выделить следующие характеристики институциональности:

- ♦ банковское общение регламентировано комплексом норм, правил, ограничений;
- ♦ банковской коммуникации присущи шаблонность, клишированность;
- ♦ субъекты банковской коммуникации не действуют спонтанно, они исполняют установленные социальные роли;

Для цитирования:
Нагибина И. Г., Савкин Д. А. Компоненты китайского банковского дискурса // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 96–107. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

- ◆ субъекты банковского общения могут обладать как равными статусами, так и находиться разных статусных отношениях [1].

Специалист в сфере профессиональной коммуникации Т.Ю. Махортова рассматривает банковский дискурс как вербализацию интерактивного институционального общения, обусловленного заданными рамками статусно-ролевых отношений банк-клиент и факторами, среди которых участники общения, хронотоп, концепты и ценности, цели и стратегии, прецедентные тексты и так далее. Также банковский дискурс можно определить как особую специализированную разновидность институционального общения [6].

Т.Ю. Махортова подчеркивает следующие признаки банковского дискурса, необходимые для его исследования:

- ◆ конститутивные признаки, включающие участников, условия, организацию, способы общения;
- ◆ признаки институциональности, конкретизирующие конститутивные признаки дискурса в виде типичных хронотопов, символических и ритуальных действий, речевых клише;
- ◆ признаки типа институционального дискурса, характеризующие тип общественного института на базе анализа его ключевых концептов;
- ◆ нейтральные признаки, включающие общедискурсивные характеристики, типичные для любого типа общения, личностно-ориентированные признаки и признаки, транспонированные из другого дискурса [6].

В своей статье «Информационно коммуникативная среда банковского дискурса» А.В. Федорова (Жарова) определяет современный банковский дискурс как «многомерный феномен, который включает лингвистические и экстралингвистические компоненты, а также объединяет основные концепты, зависящие от цели, стратегий, социального пространства дискурса». Несмотря на сложившийся стереотипный образ солидного и труднодоступного института, современный банк стремится создать положительный и доверительный образ в рамках социума, тем самым становясь более понятным и простым для клиентов банковской сферы [8].

Основным инструментом информационно коммуникационной политики банка является:

- ◆ личное общение;
- ◆ общение по телефону;
- ◆ почтовая связь;
- ◆ интернет и так далее [8].

Для банковского дискурса характерна шаблонность. Коммуникация в рамках банковской деятельности осуществляется по клишированной схеме, которая включает определённые этапы. Однако эта типичная для банковского дискурса схема не является постоянной и нерушимой. Банковский дискурс включает в себя различные институциональные формы общения, которые напрямую относятся к банковской деятельности. Он находит реализацию в ситуациях специфической деятельности. Например, консультация в банке, консультация с клиентом по средствам сотовой связи, открытие счёта и другие виды операций.

В современном мире ключевым фактором при определении качества услуг, предоставляемых в той или иной организацией (в том числе в банке), является язык, используемый в процессе предоставления тех или иных услуг. Банк, будучи важнейшим социально-экономическим институтом, строит свою деятельность и влияет на социум

через дискурс, именно поэтому в банковских организациях уделяется большое внимание речи работников.

Таким образом банковский дискурс является сложным многосторонним образованием, которое состоит из ряда элементов, находящихся в определённых отношениях друг с другом. Банковский дискурс – это специализированное общение между банком и клиентами, которое, как и другие виды институционального дискурса, регулируется в соответствии с нормами определённого социума. Банковский дискурс обладает особыми признаками и характеристиками, в рамках которых мы можем его изучать.

Для подробного анализа банковского дискурса необходимо учитывать и подробно рассматривать все аспекты коммуникации: социальную среду, коммуникантов, лингвистические и экстралингвистические факторы, контекст и многие другие компоненты. В данной работе мы опираемся на компоненты, обозначенные В.И. Карасиком в его работе «О типах дискурса». В след за учёным мы придерживаемся понятия компонентов как уникальных составных элементов, образующих каждый из видов дискурса и определяющих его особенности.

По мнению В.И. Карасика, характеристика институционального дискурса требует рассмотрения следующих компонентов:

- 1) участники, т.е. их характеристики – возраст, социальный статус, а также другие факторы, влияющие на речевое поведение;
- 2) хронотоп, т.е. обстановка, характерная для институционального дискурса работников банковской сферы в Китае;
- 3) цели, т.е. специфические цели общения присущие участникам данного социального института;
- 4) ценности, т.е. ключевые концепты;
- 5) стратегии, используемые для достижения целей;
- 6) прецедентные тексты;
- 7) дискурсивные формулы, т.е. своеобразные обороты речи, свойственные общению в данном социальном институте, анекдоты [4].

Для подробного и детального анализа такого вида институционального дискурса, как банковский дискурс, рассмотрение данных компонентов является целесообразным, так как все эти факторы обуславливают речевое поведение служащих китайского банка. Банковский дискурс обладает особенностями, которые отличают его от других видов коммуникационной деятельности. Каждый компонент обладает своей уникальностью и особенностями в рамках китайского банковского дискурса, который позволяет отделить китайский банковский дискурс от других видов институционального дискурса.

В рамках данного исследования были проанализированы аудио и видеоматериалы аутентичного китайского банковского дискурса, собранные в банках Китая: «Промышленный и коммерческий банк Китая» («中国工商银行»), «Сельскохозяйственный банк Китая» («中国农业银行»), «Промышленный банк» («兴业银行»).

1. Участники китайского банковского дискурса

Участниками китайского банковского дискурса являются агент и клиент, то есть рабочие китайского банка и клиенты, которые обращаются в банк за определёнными услугами. По нашим наблюдениям, рабочие китайского банка – это мужчины и женщины в возрасте от 30 до 50 лет. Анализу была подвергнута речевая деятельность представи-

телей таких должностей, как менеджер по работе с клиентами, операционист, охранник, т.е. работники, которые постоянно контактируют с клиентами различных социальных слоёв и возрастов. Возраст клиентов, которые обращаются за определённой услугой в банк может напрямую влиять на языковые единицы, используемые работникам. Несмотря на то, что работники банковской сферы должны относиться к каждому клиенту одинаково, рассматривать их как равных, в обращениях банковских рабочих к представителям старшего возраста гораздо отчётливее видно уважительное отношение. Этот феномен напрямую связан с заложенной в китайской духовной традиции установкой на уважение и почитание старших людей.

Например, по отношению к клиентам более старшего возраста можно услышать следующие обращения: 先生 / «господин», 女士 / «госпожа»,

大娘 / «госпожа» (обычно к пожилым женщинам). Также используется уважительное местоимение 您 / «Вы».

К представителям молодого поколения работники могут использовать такие обращения, как 美女 / «девушка», 小伙子 / «молодой человек». Также возможно такое неформальное обращение, как 大哥 / «вы», которое обычно может применяться по отношению к ровесникам.

Работники китайской банковской сферы крайне редко напрямую спрашивают имена клиентов и обращаются к ним по именам. Сами работники китайской банковской сферы также вербально не эксплуатируют собственные имена клиентам, так как каждый работник имеет бейдж, в соответствии с которым клиент может обращаться к агенту.

Таким образом, от различных характеристик участников китайского банковского дискурса, а именно пола, возраста, социального статуса, речевого поведения самих клиентов и так далее, зависит сам ход банковского дискурса и языковые единицы, которые будут использоваться агентами, т.е. работниками китайской банковской сферы.

2. Хронотоп работников китайской банковской сферы

Хронотопом китайского банковского дискурса является обстановка, типичная для диалога клиента с агентом, а именно территория банка в определённые дни и часы его работы. Совокупность проанализированных диалогов осуществлялась в общем зале отделения банков.

Как правило, банки в Китае работают с 8 до 20 часов. Однако развитие современных технологий позволило банкам Китая обеспечить круглосуточный доступ клиентов к некоторым банковским услугам. Например, снятию и внесению наличных на карту. В связи с этим на территории банковского отделения, внутри или снаружи, работают несколько банкоматов. На корпусе данных банкоматов или непосредственно над ними часто можно встретить такие фразы, как 欢迎光临 / «Добро пожаловать», 欢迎使用ATM自动取款机 / «Добро пожаловать к использованию банкомата». Данная фраза выполняет функцию приветствия для каждого клиента, в независимости от того, контактирует ли клиент с персоналом (фото 1).

Также на полу перед терминалами, кассовыми окнами и в остальных местах, где возможно скопление очереди можно увидеть фразу 请

Фото 1. Банкоматы
Промышленного
и коммерческо-
го банка Китая.
Источник: фото
авторов.

在一米线外等候 / «Пожалуйста, ожидайте за линией». Так как очереди в китайских банках бывают достаточно большими, данная фраза используется для контроля клиентов и поддержания порядка в помещении банка. Также в помещении китайского банка распространено такое явление, как 安全提示 / «Safety Tips» / «Инструктаж по технике безопасности», в которых указаны основные правила самостоятельного успешного выполнения банковских операций, а также оповещение у круглосуточной помощи и консультации по различным вопросам и проблемам, возникшим у клиентов в ходе выполнения той или иной банковской операции (фото 2).

Таким образом, система китайского банка устроена так, что все условия располагают к успешной и комфортной деятельности клиента на территории банка: 顾客满意是我最大的心愿 / «Удовлетворённость клиента – это наше заветное желание».

В связи с тем, что жители КНР очень часто пользуются услугами банков, вне зависимости от их социального статуса, банки в Китае расположены в различных районах, как в престижных, так и в обычных районах города. Интересен тот факт, что одни и те же банки могут располагаться на небольшом расстоянии друг от друга, так что люди со всех районов имеют постоянный доступ к ним.

В целом хронотоп китайского банковского дискурса – это любая официально-деловая обстановка, в рамках которой осуществляется дискурс, ограниченный по времени установленными рамками рабочего дня агентов. Такая официально-деловая обстановка обеспечивает необходимые условия для осуществления банковского дискурса и

определяет характерные черты дискурса работников китайских банков.

3. Цели и стратегия кооперации китайского банковского дискурса

Основной целью работника китайского банка является вовлечение клиента в коммерческую деятельность банка, установление постоянных деловых отношений между банком и клиентом. Второстепенными целями любого работника китайского банка являются получение зарплаты за успешно проделанную работу, а также создание и сохранение благоприятного имиджа организации, участником которой он является, так как интересы общества и организации стоят на первом месте в иерархии ценностей китайской культуры. Стремление к достижению данных целей проявляется в китайском банковском дискурсе с помощью фраз и выражений, демонстрирующих уважение и открытость к клиенту. Чаще всего в речи китайских банковских работников реализуется стратегия вежливости и кооперации:

- ◆ 您好, 请问您要办理什么业务? / «Здравствуйте, чем я могу помочь вам?».
- ◆ 请问您兑换后要取走现金还是存入卡里? / «Как вам удобней забрать деньги: наличными или поместить на карту?».

В данных примерах, с помощью общеупотребительной формы обращения 请问 / «разрешите спросить», воплощается стратегия вежливости.

- ◆ 您讲慢写好吗? / «Пожалуйста, говорите помедленней».
- ◆ 你填写表格下来好吗? / «Пожалуйста, заполните бланк».

В данных примерах мы видим, что для просьб работники китайских банков часто используют вопросительную форму предложения, с добавлением вопросительной частицы 好吗 в конце, тем самым смягчая модальность просьбы.

Также работники китайских банков используют утвердительную форму предложения для просьб, рекомендаций и так далее, в начале которых, как правило, используется каузативный глагол 请, который выполняет вежливую побудительную функцию, и в то же время относится к официально-деловому стилю:

- ◆ 请到7号柜台办理 / «Пройдите к 7 окошку».
- ◆ 请到开放式柜台办理 / «Пройдите к свободному окошку».
- ◆ 请填写存款单, 写明数额、姓名、地址和工作单位 / «Заполните депозитную квитанцию, укажите имя, адрес и место работы».
- ◆ 请写上你的姓名、证件号码和联系方式 / «Укажите свое имя, номер документа и контакты».

Фото 2. Инструктаж по технике безопасности в Промышленном и коммерческом банке Китая. Источник: фото авторов.

- ◆ 请收好单据 / «Возьмите квитанцию».
- ◆ 请出示护照 / «Ваш паспорт».
- ◆ 请签名 / «Распишитесь, пожалуйста».
- ◆ 请告诉我你要换多少 / «Какую сумму хотите обменять?»
- ◆ 请清点一下现金 / «Пересчитайте, пожалуйста, сумму».
- ◆ 请输入密码 / «Введите пароль, пожалуйста».
- ◆ 请告诉可以为您效劳的 / «Могу я вам чем-то помочь?»

В следующих примерах можно видеть коммуникативные клише, которые используются работниками китайских банков при выражении просьбы ожидания. Их использование также демонстрирует уровень уважения и вежливости по отношению к клиенту:

- ◆ 好的, 请稍等 / «Пожалуйста, подождите немного».
- ◆ 请等一下 / «Подождите немного».
- ◆ 等一会儿 / «Секундочку».
- ◆ 请等一等 / «Пожалуйста, подождите».
- ◆ 请先在大厅休息一下, 马上会有客户经理来帮助您 / «Присядьте пока в зале, скоро наш менеджер подойдет к вам».

Используя стратегию вежливости, работники китайских банков влияют на сознание клиента, формируют положительные стереотипы клиента по отношению к банку и его устройству, к его деятельности и услугам, устанавливают и поддерживают отношения между банком и клиентами. Таким образом, речевая деятельность работника китайского банка направлена на реализацию как своих личных целей, так и глобальных целей банка.

4. Аксиологический фактор как основной компонент китайского банковского дискурса

Понятие ценности является одним из основных понятий в рамках коммуникационной деятельности человека. Ценности определяют сущность человека, совокупность ценностей, формирующихся на протяжении всего существования той ли иной культуры, а также являются составляющим человеческого сознания и определяют его деятельность [2]. А.В. Кирьякова в своей работе упоминает, что «всё многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включённых в их круг природных явлений, может выступать в качестве ценностей как объектов ценностного отношения, может оцениваться в плане добра и зла, истины и не истины, красоты и безобразия, допустимого или запретного, справедливого и несправедливого» [5]. Действительно, в каждой культуре ценности определяют свои рамки и грани человеческой деятельности, оценивая человеческое существование во всех сферах жизни, таких как семья, работа и т. д.

Ценности той или иной культуры, в данном случае культуры Китая, дают чёткую характеристику её представителей и имеют свойство сохраняться в языке и отражаться в ходе коммуникативной деятельности. В общем пространстве духовной культуры на всех этапах её эволюции присутствуют ценности и идеалы, которые регламентируют социальное поведение человека [3]. Порядок, гармония, совершенство, иерархия, социальная справедливость, семья, мораль – это главные ценности традиционного китайского общества. Одна из основополагающих ценностей китайского традиционного общества, а именно порядок, является одним из главных факторов, влияющих на

банковский дискурс. Житель Поднебесной с детства воспитывается с осознанием необходимости соблюдения такого понятия, как 礼 / «ритуал». Само понятие 礼 многогранно, оно может относиться и к философским, и к политическим, и к моральным представлениям. В нашем случае понятие 礼 отвечает за соблюдение работниками китайского банка правил поведения и церемоний, присущих данному институту. Концепция 礼 удерживает сотрудника в рамках нормы, позволяя использовать ритуалы и этику для достижения социальной гармонии в рамках такого социального института, как банк. Наряду с понятием ритуала в китайском обществе действуют устойчивые стандарты поведения, речи, обрядов и церемония фиксируемое таким понятием, как 道 / «мораль», которое должно соблюдаться всеми членами общества без исключений. Мораль и ритуал в рамках такого социального института, как банк, говорят о послушании и подчинении рабочих руководству и служению на благо имиджа и целей банковской организации, так как интересы общества должны ставиться превыше собственных интересов.

Интересно, что Китай является страной, где, несмотря на мировое развитие и глобализацию, по сей день сохраняются многовековые устои и традиции, которые в то же время гармонично сочетаются с западными новшествами. Осознавая необходимость развития и принятия новых веяний и изменения образа мышления, Китай по-прежнему следует своим духовным традициям, параллельно перенимая западные идеи, реализуя их на свой манер. Молодые люди Китая, которые так же являются представителями банковской сферы в Китае, трудятся изо всех сил ради возвышения престижа страны и сферы своей деятельности. Проведённый в 2015 году опрос С.А. Митькиной показал, что высшие ценности для китайской нации – это по-прежнему общественные ценности [7].

В Китае также существует такое понятие, как 职业道德 / «профессиональная этика». 职业道德 – это базовая этика, которой люди должны руководствоваться в своей профессиональной деятельности. Это общий термин для 职业品德 / «профессиональной морали», 职业纪律 / «профессиональной дисциплины», 专业胜任能力 / «профессиональной компетентности», 职业责任 / «профессиональной ответственности». Профессиональная этика – это моральная ответственность и обязательства определенной отрасли перед обществом. 职业道德 не имеет определённой формы, она воплощается в концептах, привычках и убеждениях [9].

Банковское дело – это особая сфера услуг с большим социальным воздействием, поэтому от работников банковской сферы требуют четко следовать профессиональной морали: соблюдать дисциплину, быть честным и надежным, служить людям, вносить свой вклад в общество, эффективно осуществлять свою деятельность, соблюдать банковскую тайну, уважать клиента.

Профессиональная этика работников китайских банков – это моральный кодекс, который соответствует особым требованиям банка, совокупность моральных качеств, связанных с профессиональной деятельностью сотрудников банка. Это не только требования к сотрудникам банка, но и моральная ответственность и обязательства банковской сферы перед обществом. Профессиональная этика является основным составляющим общественной морали. Профессиональная

этика – это то, как каждый работник китайской банковской сферы относится к своей работе, его жизненная позиция, система ценностей.

Высокий уровень профессиональной этики является гарантией качественного обслуживания клиентов агентами, если же профессиональная этика на низком уровне, сложно предоставить качественные услуги. Не следуя правилам так называемой 职业道德, работник банка не только наносит вред репутации банка, но и теряет своё лицо, что называется 丢面子 / «потерять достоинство» и является недопустимым, так как сохранение репутации, или 保全面子, является необходимым.

Основные правила и нормы банковского персонала отражает речевая формула 客户第一, 信誉至上, 爱岗敬业 / «Клиент всегда прав, репутация превыше всего, люби своё дело».

Одним из главных понятий, относящихся к ценностям работников банка, является 文明礼貌 / «культура и вежливость». Ценностная установка 文明礼貌 – это составляющая имиджа предприятия, так как имидж каждого отдельного сотрудника банка, его поведение оказывают влияние на всё предприятие. Она также требует соблюдения определённых языковых норм от работников банковской сферы в Китае, таких как использование естественного языка, доброжелательного тона, соблюдение умеренного темпа речи, соблюдение лаконичности речи, использование путунхуа, использование уважительной формы обращения, избегание слов-табу, умение проявлять языковую сдержанность при возникновении споров с клиентами, умение улыбаться при общении с клиентами.

Таким образом, ценности, сформированные в Китае на протяжении многих столетий, ярко отражаются в речи работников китайского банка. Национальные ценности традиционной культуры Китая гармонично сочетаются с приобретёнными современными веяниями. Эти ценности работников китайской банковской сферы заключаются в исполнении профессиональной этики, соблюдении иерархии в общении с клиентами и начальством, стремлении следовать профессиональной морали и нормам, что в свою очередь реализуется в речи. Соблюдение ценностей обеспечивает успешное общение между агентом и клиентом.

5. Прецедентные тексты и дискурсивные формулы, используемые работниками китайских банков

Прецедентные тексты китайского банковского дискурса являются значимыми компонентами для работников банков в Китае, они знакомы любому представителю банковской сферы. Прецедентные тексты играют важную роль в банковской деятельности.

Прецедентные тексты, а именно афоризмы, выражения, используемые банковскими работниками в речи:

- ◆ 顾客满意是我最大的心愿 / «Удовлетворённость клиента – это наше заветное желание».
- ◆ 服务就是我们的使命 / «Наша служба – это наше призвание».
- ◆ 全心全意为顾客服务 / «Служить клиентам всем сердцем и всеми помыслами».
- ◆ 客人的满意是我们的事业的动力 / «Удовлетворённость клиента – наша мотивация».
- ◆ 周到的服务才能赢得顾客的信任 / «Доверие клиента можно заво-

евать хорошим обслуживанием».

К дискурсивным формулам китайского банковского дискурса можно отнести анекдоты, которые используются работниками китайских банков для сближения с клиентом и установления контакта:

请写证件号码。 – 我的吗? – 如果想写我的 / «– Напишите номер документа. – Моего? – Ну, если хотите, напишите моего».

- ◆ 你好, 我的卡被你们的取款机吃了。 – 不要着急, 我们马上让它吐出您的卡 / «– Здравствуйте, ваш банкомат «зажевал» мою карточку. – Не волнуйтесь, сейчас мы заставим его «выплюнуть» вашу карточку».
- ◆ 你好, 我是来提钱的。 – 别和我提钱, 提前伤感情, 大哥, 你最好到提款机面前提, 他没感情 / «– Здравствуйте, я пришел снять деньги. – Только не снимайте деньги с меня, иначе я огорчусь. Лучше пойдите к банкомату, у него нет чувств».

Использование дискурсивных формул позволяет приводить в действие процесс интимизации, который очень свойственен современному китайскому банковскому дискурсу. Таким образом, работник китайского банка становится не просто безликим адресантом какой-либо информации, но и личностью, мнение которого становится важным и авторитетным для адресанта, в связи с чем происходит сближение между агентом и клиентом. В целом прецедентные тексты и дискурсивные формулы безусловно играют свою важную роль в речевом поведении работников китайской банковской сферы, в них отражаются ценности представителей банковской сферы, их отношение к работе и клиентам.

Компоненты институционального дискурса: участники, хроно-топ, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты, дискурсивные формулы –отчётливо проявляются в китайском банковском дискурсе. Несмотря на то, что все эти компоненты присущи каждому институциональному дискурсу, они имеют особенные характеристики конкретно в китайском банковском дискурсе. Особенная система ценностей, сформировавшаяся в китайском обществе, повлияла на организацию банковской социальной среды и речевую деятельность работников. Ценности определяют ключевые правила профессиональной этики, которая формирует коммуникационную деятельность работников китайского банка. Характеристики клиентов и самих работников банковского дискурса, такие как возраст, пол и другие, определяет приветствия и обращения, используемые рабочими банка, что связано с многовековой традицией почитания старших. Обстановка китайского банка, созданная для максимально комфортного пребывания клиента, и время, в рамках которых происходит дискурс, влияют на общую атмосферу и коммуникацию между агентом и клиентом. Стратегия вежливости и кооперации, используемая работниками банка при коммуникации с клиентами, позволяет достичь цели организации, и также определяет способ общения агентов с клиентами, благоприятный для служения на благо социальному институту банка. Прецедентные тексты и дискурсивные формулы делают речь банковских работников в Китае более оживлённой и естественной, отражая свойственную для работников банковской сферы склонность к интимизации отношений с клиентами.

Литература

1. Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В. Академический дискурс: Институциональность, стиль, жанры. М.:Изд-во ЛЕНАНД, 2019. 200 с.
2. Гибатова Г.Ф. Аксиология языка // Вестник ОГУ. № 2, 2011. С. 127–132.
3. Горелов А.А., Горелова Т.А. Эволюция и смысл культуры. М.: Изд-во «Летний сад», 2015. 480 с.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2000. С. 5–20.
5. Кирьякова А.В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования // Аксиология и инноватика образования. 2010. №1. С. 2–32.
6. Махортова Т.Ю. Жанровое пространство банковского дискурса // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. № 6. (II). Международный сборник научных трудов. Москва-Пятигорск: Изд-во Пятигорский государственный лингвистический университет, 2007. С. 463–469.
7. Митькина С.А. Традиционная система ценностей в современной китайской культуре // Научные труды Московского гуманитарного университета, 2018. С. 100–106.
8. Федорова (Жарова) А.В. Информационно-коммуникативная среда банковского дискурса // Язык и культура. – Новосибирск, 2014. С. 157–161.
9. 叶勇忠. 银行工作人员职业道. URL: <https://wenku.baidu.com/view/2b268ef0dbef5ef7ba0d4a7302768e9950e76e68.htm> (дата обращения 11.11.2020). = Е Юнчжун. Профессиональная этика работников банков [Электронный ресурс]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/2b268ef0dbef5ef7ba0d4a7302768e9950e76e68.html> (дата обращения 11.11.2020).

Irina G. NAGIBINA,

Ph. D. (in Philology), Associate Professor, Department of East Asian Languages, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
E-mail: irina_nagibina@mail.ru

Dmitry A. SAVKIN,

Ph. D. (in Political Sciences), Dean of Baikal School of BRICS, Vice-Rector for International Affairs, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia).
E-mail: d.savkin@istu.edu

Components of Chinese Banking Discourse

UDC 811.581'42:330.446.23 DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

institutional communication, Chinese banking discourse, participants, chronotope, strategy of cooperation, values, case texts, discursive formulas

The article explores the components of Chinese banking discourse and their linguistic implementation in the discourse of Chinese bank managers. The study examines the verbalization of interactive institutional communication, conditioned by the given framework of the status-role relationship “bank-client” and factors, including communication participants, chronotope, concepts and values, goals and strategies. The findings fill the lack of knowledge about Chinese institutional discourse in general, and its type, Chinese banking discourse, in particular. The considered components of the Chinese discourse form a specialized type of communication within the banking sector of the PRC, which is regulated in accordance with the norms of the studied society.

For citation: Nagibina I. D., Savkin D. A. Components of Chinese banking discourse // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 96–107. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/96-107>

References

1. Burmakina N.G., Kulikova L.V. *Akademicheskij diskurs: Institutsional'nost', stil', zhanry*. M.:Izd-vo LENAND, 2019. 200 s.
2. Gibatova G.F. *Aksiologiya yazyka* // Vestnik OGU. № 2, 2011. S. 127–132.
3. Gorelov A.A., Gorelova T.A. *EHvolyutsiya i smysl kul'tury*. M.: Izd-vo «Letnij sad», 2015. 480 s.
4. Karasik V.I. *O tipakh diskursa* // YAzykovaya lichnost': institutsional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. tr. – Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2000. S. 5-20.
5. Kir'yakova A.V. *Teoriya tsennostej – metodologicheskij bazis aksiologii obrazovaniya* // Aksiologiya i innovatika obrazovaniya. 2010. №1. S. 2–32.
6. Makhortova T.YU. *Zhanrovoe prostranstvo bankovskogo diskursa* // Aktual'nye problemy kommunikatsii i kul'tury. № 6. (II). *Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh trudov*. Moskva-Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2007. S. 463–469.
7. Mit'kina S.A. *Traditsionnaya sistema tsennostej v sovremennoj kitajskoj kul'ture* // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2018. S. 100–106.
8. Fedorova (ZHarova) A.V. *Informatsionno-kommunikativnaya sreda bankovskogo diskursa* // YAzyk i kul'tura. – Novosibirsk, 2014. S. 157–161.
9. 叶勇忠. 银行工作人员职业道. URL: <https://wenku.baidu.com/view/2b268ef0dbef5ef7ba0d4a7302768e9950e76e68.htm> (data obrashheniya 11.11.2020). = E YUnchzhun. *Professional'naya ehtika rabotnikov bankov* [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/2b268ef0dbef5ef7ba0d4a7302768e9950e76e68.html> (data obrashheniya 11.11.2020).

СБОЕВ Александр Николаевич,
канд. филол. наук, доцент кафедры Китаеведения ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: sbоеv.an@dvfu.ru

НОВГОРОДОВА Антонина Владимировна
магистр ДВФУ (Востоковедение и африканистика) (г. Владивосток).
Электронная почта: tonya.novgorodova@bk.ru

Речевое воздействие в интернет-рекламе на китайском языке

УДК 811.581

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/108-121>

*речевое воздействие,
речевая стратегия,
речевая тактика,
интернет-реклама,
блогер Viya*

Результаты исследований речевого воздействия в разных языках могут применяться для налаживания межкультурной коммуникации в самых разных сферах. Объект данного исследования – речевое воздействие, предметом выступают особенности речевого воздействия в китайском рекламном дискурсе. И более конкретно – в рекламном интернет-дискурсе. Материал исследования – прямые эфиры интернет-блогера Viya. В ходе исследования определены стандартная стратегия и последовательность в представлении товара популярного интернет-блогера Viya, а также применяемые коммуникативные тактики.

Введение

Реклама в соответствии с основными задачами может быть определена как целенаправленная манипулятивная человеческая деятельность. Так как целью рекламы является привлечение покупателей и клиентов, то важно не столько информировать о товаре или услуге, сколько убедить потенциального покупателя приобрести товар или воспользоваться услугой, воздействуя на его мышление, поведение, предпочтения. Одной из важных форм маркетинга в социальных сетях является маркетинг влияния. В последние годы эта форма маркетинга стала очень популярна и часто используется рекламодателями.

Маркетинг влияния – это способ продвижения товара или услуги с помощью лидеров мнений и знаменитостей, их называют «инфлюенсерами». Инфлюенсерами могут быть все, у кого большая аудитория в социальных сетях и к чьему мнению прислушивается аудитория, это блогеры, журналисты, участники телешоу, политики, видеографы, фотографы и т. д. Но в отличие от рекламы у знаменитостей, реклама у лидеров мнений считается более доступной и правдоподобной [19]. Инфлюенсеры достигают главной цели – продажи товара – в том числе и за счёт определённых форм речевого воздействия.

В основу нашего исследования легли прямые эфиры (стримы) популярного блогера с ником Viya (薇娅), стримы на платформах Taobao, Weibo, Bilibili с её участием набирают десятки миллионов просмотров в интернете, а рекламируемый товар раскупается за минуты.

Viya – известный блогер, певица, ведущая прямых эфиров на платформе Taobao, Weibo, Bilibili, член Всекитайской федерации молодёжи. История её успеха начинается с 2003 года,

Для цитирования:
Сбоев А. Н., Новгородова А. В. Речевое воздействие в интернет-рекламе на китайском языке // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 108–121. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/108-121>

когда она со своим молодым человеком открыла в Пекине магазин женской одежды площадью 6 м2. Позднее магазин стал приносить большую прибыль, и они открыли ещё 6 магазинов в других городах. В 2012 году из-за популяризации электронной торговли они закрыли все семь офлайн-магазинов и открыли онлайн-магазин на Таобао. В 2015 году на ежегодной распродаже 11 ноября интернет-магазин, которым управляли Viya и её муж, заработал более 10 миллионов за день. После этого многие компании стали сотрудничать с Viya, а в 2016 году её пригласили в качестве ведущей.

Сегодня её аудитория на Таобао составляет около 40 млн. подписчиков, а в Weibo более 18 млн. Весной 2020 г. во время прямого эфира на Таобао Viya продала право на запуск ракеты-носителя KZ-1A, а осенью того же года презентовала товары из РФ, которые были раскуплены за 30 минут, при этом российский стрим посмотрели свыше 38 миллионов человек. В том же году она заняла 38-е место в списке китайского Forbes и была признана «Самой влиятельной женщиной в предпринимательской деятельности» по мнению журнала Fortune. За её умение успешно продавать и заключать крупные сделки её наименовали «королевой продаж».

Одна из причин её успеха в онлайн-торговле заключается в том, что Viya сама пробует продукт, тестирует его и пользуется им. Приоритетом для неё является качество товара и продукта, которые она предлагает своей аудитории. Многие люди заказывают товары, рекомендованные Viya, потому что доверяют её выбору. Она рекламирует товары как больших, так и малоизвестных брендов, если считает, что товар соответствует по цене и качеству.

Большой объём продаж товаров, рекламируемых Viya, который достигается за счёт определённых коммуникативных стратегий, тактик и ходов, определяет актуальность данного исследования.

Материалом для данного исследования послужили семь рекламных видеороликов и прямых трансляций Viya, размещённые на платформе YouTube и Bilibili, общей продолжительностью 5 часов 47 минут.

Цель исследования – выявить частотные коммуникативные стратегии, тактики и ходы, используемые в прямых эфирах блогером Viya, побуждающие китайских потребителей покупать рекламируемые товары.

К понятию «речевое воздействие»

В современной лингвистике существуют разные определения понятия «речевое воздействие». Рассмотрим несколько из них.

В работе Мальцевой В. А. понятие речевого воздействия соотносится с понятием речевого общения, взятого в аспекте его целенаправленности, и определяется как целенаправленное вербальное общение с целью изменения сознания и/или управления поведением объекта со стороны субъекта [12, 9].

По мнению Горло Е.А., в широком смысле речевое воздействие – это любое речевое общение, которое понимается как «сложный многоплановый процесс установления контакта между отправителем и получателем, осуществляемый с помощью средств языка. А речевое воздействие, как любой акт общения относительно его направленности на то или иное изменение субъективных характеристик получателя» [5, 34].

Шелестюк Е.В. рассматривает речевое воздействие как «произвольное и произвольное воздействие субъекта на реципиента в

процессе речевого общения в устной и письменной формах, которое осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических, и символических средств и определяется сознательными и бессознательными интенциями субъекта, целями коммуникации, presuppositionами и конкретной знаковой ситуацией» [16, 25].

Иссерс О.С. в своей работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» связывает понятие речевого воздействия с целевой установкой говорящего. «Субъект речевого воздействия регулирует деятельность своего собеседника, его поведение, при помощи речи побуждает собеседника начать, изменить, закончить какую-либо деятельность» [8, 21].

Проанализировав вышеизложенные определения, а также учитывая предмет нашего исследования, в нашей работе под речевым воздействием мы предполагаем коммуникативный акт, в процессе которого субъект оказывает на объект прямое или косвенное влияние на сознательное и бессознательное, регулируя его поведение, восприятие мира, отношение к тому или иному предмету.

Стратегии речевого воздействия

Для реализации речевого воздействия используются определённые коммуникативные стратегии и тактики, исходя из цели коммуникативного акта.

Иссерс О.С. под коммуникативными стратегиями представляет «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [9, 43].

Как отмечает Мирошниченко Г.А., вовлечение адресата рекламы в потребление «достигается коммуникативной стратегией, которая рассматривается как совокупность взаимообусловленных и дополняющих друг друга коммуникативных приёмов, речевых тактик, лексико-грамматических конструкций, применяемых в речевом воздействии на коммуникантов для достижения поставленных целей» [13, 217].

Рассмотрим стратегии, выделяемые японским исследователем в работе «Стратегии сообщений, информативность и привлекательность в китайской телевизионной рекламе: эмпирическое исследование». Автор выделяет три основные стратегии рекламных сообщений: когнитивные, аффективные, конативные (поведенческие). Когнитивные стратегии ориентированы на информировании о свойствах и преимуществах продукта. Аффективные стратегии связывают рекламируемый бренд с эмоциональной реакцией, позитивным образом. Цель аффективных стратегий – вызвать у потребителя положительные эмоции и перенести их на сам товар. Таким образом, потребление или использование продукта покупателем будет эмоционально насыщенным и ассоциироваться с приятными чувствами. Конативные (поведенческие) стратегии пытаются убедить потребителей придерживаться определённого поведения, это стратегии побуждения к действию и продвижения продаж [17].

Далее рассмотрим классификацию речевого воздействия в рекламе, выполненную Горячевым А.А. В своей работе «Моделирование

речевого воздействия в рекламной коммуникации» он предложил разделить коммуникативные стратегии в рекламе на информационно-формирующие и оптимизирующие.

Информационно-формирующие стратегии – стратегии, направленные на создание обладающего воздействующим потенциалом образа объекта рекламирования [6, 70].

В свою очередь, информационно-формирующие стратегии в зависимости от типа создаваемой связи между ментальными репрезентациями делятся на две частные стратегии – стратегию ассоциирования и стратегию диссоциирования.

Оптимизирующие стратегии Горячев А.А. выявил по функциональным характеристикам «в зависимости от условий успешного воздействия и в том порядке, в котором происходит взаимодействие реципиента с текстом (получение сообщения – восприятие – запоминание – действие)». Оптимизирующие стратегии ориентированы на то, чтобы сделать речевое воздействие более эффективным [6, 92].

Речевая тактика

Речевая тактика рассматривается Ключевым Е.В. в качестве совокупности практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия, т. е. коммуникативная тактика, в отличие от коммуникативной стратегии, прежде всего соотносена не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений [11, 19].

В свою очередь, коммуникативные намерения трактуются в качестве тактического хода, являющегося практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели. Вся совокупность таких практических средств в реальном процессе речевого взаимодействия создаёт, как сказано, коммуникативную тактику [11, 19].

В работе Статкевича Е.А. «Речевые стратегии и тактики современной радиорекламы» речевые тактики определяются более обобщенно, как «речевые приемы, позволяющие достичь определённых целей в конкретной ситуации» [14, 213].

Следует отметить, что выбор речевой тактики зависит от многих определяющих факторов: возраста адресата, цели речевого воздействия и ожидаемого результата, половой принадлежности, социального статуса и др.

Коммуникативные ходы

Речевая (коммуникативная) тактика реализуется с помощью различных приёмов, коммуникативных ходов. Характеристика коммуникативного хода определяется исходя из его функциональной нагрузки в решении тактической и стратегической задач [11, 125].

Коммуникативный ход – это «вербальное или невербальное действие одного из участников, минимальный значимый элемент, развивающий взаимодействие, продвигающий общение к достижению общей коммуникативной цели» [15, 115].

По определению Т.А. ван Дейка, коммуникативный ход – это «функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии» [3, 274].

Речевое воздействие в рекламном дискурсе

Карлсон С. отмечает, что целью рекламодателя в коммерческой рекламе является «убеждение зрителя к совершению покупки», а это можно сделать только в том случае, если между зрителем и рекламодателем установились «воображаемые» межличностные отношения. Рекламодатели могут создать их, обращаясь к зрителю напрямую, используя экзофорические ссылки «ты», «вы» или другие экзофорические ссылки, указывающие на общие знания зрителей, а также с помощью второстепенных участников, с которыми зритель может идентифицировать себя или узнать их за пределами рекламного мира – знаменитости или сложившиеся стереотипы [18].

Рассматривая коммуникативные возможности речевых тактик в рекламных текстах, Гончарова Л. М. выделяет ряд этапов воздействия на потребителя:

- привлечь внимание формой и содержанием;
- вызвать интерес к рекламируемому предложению товара/услуги;
- возбудить желание совершить приобретение;
- дать аргументы и оценки в пользу предмета рекламы;
- привести к решению совершить конкретное действие (речевое – выяснить дополнительные детали, неречевое – совершить покупку) [4, 22].

Авторы работы «Приемы речевого воздействия» выделяют следующие приёмы, с помощью которых создатели рекламы воздействуют на психику адресата:

- Конкретность и образность ключевых слов;
- Конкретность и образность качеств;
- Избегание отрицательных частиц «нет» и «не»;
- Речевая динамика;
- Воздействие звуко сочетаниями [1, 112].

Реклама в прямом эфире в интернете

Реклама в прямом эфире имеет свои преимущества. Так, в работе «Анализ предпочтений китайских потребителей-миллениалов в отношении каналов интернет-рекламы в Китае» авторы провели исследование среди пользователей Таобао и выяснили, что интернет-реклама в формате прямого эфира способна вызвать больший интерес потребителей к рекламируемому товару. Авторы утверждают, что зрители прямого эфира чаще ищут информацию о рекламируемом товаре и добавляют их в корзину. Более того, в прямом эфире больше информации о продуктах и скидках. Ещё одной положительной характеристикой рекламы в прямом эфире, как отмечают авторы, является то, что она фильтрует товары. Лидеры мнений выбирают часть качественных товаров, тем самым сужают выбор для зрителей. Потребители обращают внимание только на рекомендованный товар, чтобы окончательно определиться с покупкой конкретного вида товара, и прямой эфир как раз отвечает этому требованию [20].

Таким образом, в Китае за последние годы реклама в прямом эфире получила широкое распространение. Крупные и малые компании обращаются к известным блогерам, чтобы заявить о себе, привлечь новых покупателей, закрепить свои позиции на рынке.

Прямые эфиры (стримы) Viya достаточно длительные, довольно часто она проводит их совместно с какой-либо звездой. С самого на-

чала, когда Viya делала прямые эфиры на площадке Таобао, она выпускала их так часто, что пользователи интернета непроизвольно запомнили её.

Китайский лингвист Чжан Юэчан отмечает, что способ представления товара у Viya – это в основном непринужденная беседа с подругами, формирующая ощущение взаимодействия при обсуждении и беседе с друзьями [22, 135].

Практически всегда в начале прямого эфира Viya говорит фразу *话不多说, 我们先来抽波奖。 他不会 долго говорить, давайте сначала разыграем лотерею.* Это предложение вызывает большой интерес аудитории и привлекает её внимание. Призами в лотерее являются популярные товары, например, помада марки YSL, телефоны Huawei и товары других известных брендов, например, сумки Gucci, Hermes. Viya таким образом приковывает внимание зрителей, а в течение прямого эфира несколько раз проводит другие розыгрыши. Названия ее стримов также привлекают внимание: «Телефон в подарок! Деньги в подарок!», «Дождь из «красных конвертов»» и т.д. Из-за того, что время проведения таких лотерей неопределённое, зрителям приходится долгое время смотреть прямой эфир в ожидании. Привлечь фанатов можно только в том случае, если ценность товаров, которые разыгрываются в лотерее, будет высока. Например, *废话不多说, 先抽一台手机送给大家。 没什么可吹的, давайте разыграем для начала сотовый телефон.*

Розыгрыш лотереи является главной составляющей прямых эфиров блогеров-продавцов. Лотерея в начале прямого эфира может привлечь больше зрителей к просмотру прямой трансляции и активизировать атмосферу во время прямой трансляции.

Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламных видеороликах Viya

Далее рассмотрим коммуникативные стратегии, тактики и ходы, применяемые Viya в своих прямых эфирах.

1. Коммуникативная стратегия завоевания потребителя

Тактика предложения очевидной выгоды

Выгодность, выраженная в денежном эквиваленте, может полностью изменить решение адресата в пользу приобретения товара:

这款产品目前活动力度特别大, 第一件39元, 第二件只要19元, 第三件再减10元只要9元, 第四件免费送, 等于67元买了4件产品! 现在有很多活动, 在这件商品上, 一件39元, 第二件19元, 第三件再减10元, 等于9元, 第四件免费送, 等于67元买了4件产品! 现在有很多活动, 在这件商品上, 一件39元, 第二件19元, 第三件再减10元, 等于9元, 第四件免费送, 等于67元买了4件产品!

这个原价59元, 在我们直播间买一份只需要49元, 买两份, 第二份23元, 还可以领10元优惠券。 最初是59元, 现在在我们直播间买一份只需要49元, 买两份, 第二份23元, 还可以领10元优惠券。 最初是59元, 现在在我们直播间买一份只需要49元, 买两份, 第二份23元, 还可以领10元优惠券。

Установление блогером начальной цены, а затем озвучивание цены со скидкой указывает на существенную материальную выгоду. Кроме того, для стимулирования зрителей, Viya указывает на дефицит товара.

Тактика предложения уникального товара

Языковыми маркерами данной тактики могут служить слова «уникальный», «единственный», «первые»:

然后有链条包、独一无二的那个猫神链条包，今晚也到了。不过数量只有两线个。这个没办法这个数量只有两线个。

Также есть сумка на цепочке. Уникальная сумка с кошкой. Также в наличии сегодня вечером. Но в наличии только две сумки. Здесь ничего не поделаешь, есть только две сумки.

Тактика аргументация в пользу приобретения товара

Аргументация в пользу приобретения товара достигается за счет коммуникативных ходов «настойчивое убеждение», «повеление», «искусственное создание нехватки времени/количества» и «повтор».

Коммуникативный ход «настойчивое убеждение»

Если卸妆的话，第一个选择它。Если вы хотите средство для снятия макияжа, в первую очередь, берите её.

我跟你们说，这一定要买，我们好不容易争取来的利润，错过了就没有了，真的没有了。Я так скажу, это непременно нужно брать, нам нелегко получить выгоду, поэтому если в этот раз упустить эту возможность, потом уже не будет, точно не будет.

Коммуникативный ход «повеление»

如果有黑头一定要用它。Если у вас угри, обязательно нужно пользоваться им.

Коммуникативный ход «искусственное создание нехватки времени/количества»

赶紧购买。倒计时开始。Скорее покупайте, начинаем обратный отсчёт.

不过这个非常少，数量非常少，非常少！59一款。我们今天直播间39块钱一块香皂。Но количество ограничено, количество ограничено, очень мало. 59 юаней одно мыло. Сегодня у нас в прямом эфире 39 юаней одно мыло.

Коммуникативный ход «повтор»

这瓶洗发水的去屑功效超强，我们拿到的是今年新款，有效成分增加了两倍，它的原价是 199。但是，只有今天，只有在我们的直播间里，它的价格是 69，而且还买一瓶送一瓶！我再讲一遍，这一瓶超强去屑洗发水，原价 199 一瓶，现在不仅买一瓶送一瓶，还送 6 件旅行套装，只要多少钱？69！来54321 上链接。Этот шампунь крайне эффективен против перхоти, в марке, которая представлена у нас сегодня, количество полезных элементов увеличено втрое. Изначальная цена – 199 юаней, но только сегодня, только в нашем прямом эфире его цена – 69 юаней, к тому же с покупкой одного флакона – второй в подарок. Я повторю ещё раз, этот шампунь суперэффективен против перхоти, изначальная цена – 199 юаней за флакон, кроме того, при покупке сейчас в подарок второй, а ещё в подарок 6 дорожных наборов, сколько за это нужно? 69!

2. Коммуникативная стратегия обращения к разуму

Тактика обращения к научным данным

Коммуникативный ход «использование научных терминов, фактов, профессиональной лексики»

现在这样的空气污染。包括空气中游离的重金属。不用卸妆吗？

Сейчас атмосфера так загрязнена. Включая ионы тяжелых металлов в воздухе. Вам не нужно снимать макияж?

В данном случае Viya апеллирует к состоянию внешней среды как фактору, влияющему на здоровье кожи лица. Использование научного термина 游离的重金属 ионы тяжелых металлов иллюстрирует серьезность проблемы и придает аргументу вескость.

Кроме того, речевое воздействие подкрепляется риторическим вопросом, подталкивающим к размышлению о необходимости ухаживать за кожей лица.

因为它里面没有加防腐漆。这个沐浴露里面没有加防腐漆、没有加矿物油、没有重金属、没有酒精、没有动物油，并且通过了德国的皮肤科的一个测试。

Потому что в его составе нет антикоррозионной краски. В составе этого геля для душа нет антикоррозионной краски, нет минерального масла, нет тяжелых металлов, нет спирта, нет животного масла, более того, крем прошел немецкий дерматологический тест.

Как правило, в рекламных текстах не рекомендуется использовать отрицания, так как считается, что они сложно воспринимаются и усваиваются, к тому же могут означать именно то, что отрицают. Но практика показывает, что в рекламном пространстве активно применяются отрицательные частицы и предлоги, это привлекает внимание аудитории. Поэтому в приведённом выше примере перечисление отсутствующих в составе вредных компонентов может послужить хорошим аргументом в пользу приобретения товара. В данном примере эффект достигается также за счёт повтора, шесть раз используется отрицание 没有.

Тактика обращения к здравому смыслу

你以为你用的是抹布啊？你以为你脸是桌子吗？还有那些说我根本不化妆的妹子你站住。你以为你不化妆就不用卸妆了吗？*Ты думаешь, что пользуешься тряпкой? Ты думаешь, что твое лицо стол? Ещё те девушки, которые говорят, что вообще не красятся, остановитесь. Ты думаешь, что, если ты не красишься, тебе не нужно очищать лицо?*

В данном случае обращение к разуму достигается с помощью риторических вопросов. На практике риторические вопросы рассматриваются как стилистические фигуры, целью которых является усиление выразительности речи. В данном примере риторические вопросы выражают открытую критику и явный упрёк в сторону адресата. Они проявляются в использовании местоимений второго лица 你 ты, а также в ироническом сравнении применения адресатом влажной салфетки для снятия макияжа как тряпки для стола.

Тактика аргументирования в пользу приобретения товара

Наиболее распространённый способ аргументации – описание свойств и характеристик продукта. Во время рекламы товара Viya акцентирует внимание на том, какую пользу приносит товар для потребителя, потому что перечисление и расхваливание положительных эффектов продукта логически обосновывает его покупку.

芭妮兰的卸妆膏。(质地)像冰淇淋一样。浓妆也能卸的干净。干手干脸，乳化也很快，温水冲洗就干净了。*Очищающий бальзам для снятия макияжа Vanilla. (Текстура) как мороженое. Эффективно снимает плотный макияж. Для рук и для лица, быстро эмульгируется, умывается теплой водой и всё чисто.*

В следующем примере аргументирование сопровождается перечислением вредных компонентов, которые отсутствуют в рекламируемом продукте. Такой способ аргументирования очень эффективен и распространён во многих видах рекламы.

非常温和，没有香精，没有酒精，无刺激，卸得非常干净。 *Очень мягкое, без эссенций, без спирта, не вызывает раздражения, эффективно очищает.*

Как отмечает Ли Яньди: «Блогеры-рекламщики будто говорят чистую правду, не хвалят чрезмерно качества и эффективность товара, а иногда указывают даже на его недостатки. Такие периодические отрицательные отзывы сделают продукт более убедительным» [21, 117]. Например:

这个花洒的缺点是，不像别的花洒那样有喷射式的“猛”水流，它的水流有点点小……不过完全不影响，这种小水流特别适合女生，对皮肤很好... *Недостатком этого душа является то, что, в отличие от других душевых кабин, в нем нет струйного «бурного» потока воды, и его поток воды немного мал ... но это никак не влияет. Такой небольшой поток воды особенно подходит девушкам и хорошо для кожи ...*

Коммуникативный ход «апелляция к авторитету»

Viya – известный блогер с огромной аудиторией, прославившаяся умением грамотно и эффективно продвигать товар. Её аудитория изначально ориентирована на то, чтобы покупать товары, которые она рекламирует, в связи с этим её мнение следует считать авторитетным.

В её видеороликах можно часто встретить такие простые фразы, как:

植树秀卸妆油。这个真的是我最喜欢的，也是我用的最久的一款。 *Гидрофильное масло SHU UEMURA. Это мое самое любимое, пользуюсь им очень давно.*

我超级选这个水。 *Я, не задумываясь, сразу выбираю эту воду.*

Мнение о продукте подкрепляется и личным опытом использования продукта. Во время прямого эфира Viya рассказывает о том, как выбирала товар для рекламы, о своем или членов её семьи опыте использования/употребления/примерки. Вплоть до того, что во время стрима она с напарницей сами стараются купить товар как можно быстрее.

В одном из эфиров она говорит:

我卖的东西，是我自己一家老小都要吃的。我会把我自己不吃的东西推荐给你们吗？ *Товары и продукты, которые я продаю, я сама и вся моя семья пробует. Разве я могу рекомендовать вам то, что сама не пробовала?*

Приведем еще пример:

这款面膜我有用过，而且我把它推荐给了我妈，我妈现在每天都在用... *Эту маску для лица я тоже пробовала, и рекомендовала её своей маме, она сейчас каждый день пользуется.*

В прямом эфире Viya часто принимают участие представители или владельцы компании/бренда. Они рассказывают о своём продукте, делятся своим опытом и методами их использования. Viya пригласила гонконгского актёра Гу Цзая рекламировать собственные продукты – средства для душа. Указывая на высокое качество продуктов, Viya отмечает:

因为我知道那个古仔他第一次研究产品的话，他自己很严格的，他对从原料开始都非常严格，从原料到包装。 *Потому что я знаю, что, если Гу Цзай в первый раз выпускает продукт, то очень требователен к себе. Он очень требователен ко всему, начиная с ингредиентов и заканчивая упаковкой.*

3. Коммуникативная стратегия обращения к эмоциям

Тактика обращения к ценностям

Традиционно принято выделять материальные и духовные ценности. К материальным ценностям относят вещи, имеющие физическую форму и принадлежащие физическому лицу: деньги, дом, машина, предметы искусства, одежда и т. д. К нематериальным ценностям относят то, что невозможно измерить и дать цену: семья, любовь, свобода, вера, красота, здоровье и т. п. Эти ценности ориентируют человека в жизни, в том числе и в выборе товара.

Unnyclub的眼线笔很便宜几十块钱一支。Подводка для глаз от Unnyclub очень дешёвая, несколько десятков юаней.

В приведенном примере аргументация, реализуемая на вербальном уровне, построена на апелляции к такой ценности, как деньги. Присутствие оценочного прилагательного 便宜 дешёвый воспринимается аудиторией, как положительное качество. Аргумент подкрепляется озвучиванием примерной цены продукта, что также должно установить позитивное отношение адресата к рекламируемому продукту.

Рассмотрим пример обращения к духовной ценности – счастью:

你不觉得看到这些口红就很开心吗? Тебе не кажется, что, увидев эти помады, ты становишься счастливее?

4. Коммуникативная стратегия преимущества

Тактика открытого сравнения

Очевидно, что в своих видеороликах Viya не озвучивает названия других брендов для сравнения рекламируемого объекта. В данном случае, под открытым сравнением мы имеем в виду рекламные сообщения, содержание которых представляет явное сравнение с другими брендами, однако эксплицитно не указывает с какими. Приведем пример:

其实我在前攒了这个沐浴露,因为我当时拿了很多味道,我第一回被这个吸引,因为这个味道的它的味道不是很浓丽,很多品牌的话你闻起来就有点香香的,然后用起来有点油。这个完全不油。它是一个果冻状的一个质地。На самом деле, я хвалила этот гель для душа, потому что в тот раз я взяла много гелей с разным запахом. Меня это привлекло с первого раза, потому что его запах не очень резкий. У многих брендов гели для душа имеют сладкий запах, а когда наносишь, кожа становится немножко жирной. Этот гель совсем не жирный, имеет жележную текстуру.

Тактика скрытого сравнения

Эта тактика в неявном виде несёт сравнение с другими товарами, не упоминая ни названия, ни категории. В рекламе говорится, что характеристики товара лучше, эффективнее, но не указывается по сравнению с чем:

就是有时候你洗澡之后上身油腻感,完全没有了。Иногда после душа чувствуешь, что кожа становится жирной, но в этом случае абсолютно нет.

В данном случае сравнение выражено имплицитно, то есть Viya не называет в каком случае возникает такое ощущение, но явно подразумевает, что после использования средств других брендов.

Заключение

Исследование показало, что Viya, являясь блогером, делающим рекламу в интернете, использует стратегии «лотереи» и стимулирования продаж, её мнение авторитетное, а общение ведётся в виде дружеской беседы. Она всегда относится к своим фанатам как к друзьям, когда общается с ними, всегда резюмирует все преимущества товара, к тому же всегда сама их пробует. Фанаты верят ей, поэтому её товары пользуются таким спросом.

Анализ автора выявил, что у Viya стандартная стратегия и последовательность в представлении товара: преимущества/положительные стороны товара – скидки – обратный отсчет времени.

Описывая собственные преимущества товара, Viya предлагает очень низкую цену за товар при заказе во время прямого эфира, а также включает дополнительные подарки за большой заказ. Для стимулирования зрителей к покупке, Viya предоставляет различные скидки, купоны и подарки – это одна из главных причин эффективности продаж в прямом эфире. Это способствует тому, что у зрителей возникает чувство, будто они прогадают, если не купят.

В эфирах Viya делает акцент на ценовых преимуществах товара, кроме того, рекламируя товар, Viya рассказывает истории об опыте использования товара членами её семьи или её команды, тем самым отбрасывая все сомнения зрителей.

Ограничение количества товара на полках магазина создаётся для того, чтобы создать атмосферу напряжения и стимулировать зрителей к покупкам. Подчёркивая ограниченное время и ограниченное количество и в то же время обеспечивая льготные цены, Viya постепенно побуждает потребителей к потреблению.

Стратегия завоевания потребителя и стратегия обращения к разуму применяются в рекламе Viya наиболее часто. На наш взгляд это связано с тем, что для стимулирования аудитории к покупке требуются убедительные аргументы, и с помощью этих двух стратегий можно в полной мере добиться, чтобы адресант задумался о покупке.

Со стилистической точки зрения можно отметить, что Viya активно использует местоимения второго лица, которые создают атмосферу дружеского совета и мысленно приближают адресата к адресанту. В этом случае главная задача блогера заключается в том, чтобы, сохраняя эти воображаемые межличностные отношения, создать нужный эмоциональный настрой и сформировать положительное отношение к предлагаемому товару.

Кроме того, для рекламы Viya характерны риторические вопросы, которые наводят на размышления о проблеме и о её решении, также применяются глаголы повелительного наклонения, побуждающие к совершению покупки.

Согласно анализу автора, речь Viya в основном состоит из простых и коротких предложений. Предложения часто состоят из нескольких слов, иногда даже из одного слова. Простые и короткие предложения появляются чаще, поскольку блогеры-продавцы должны предоставить как можно больше информации за короткое время, они должны обращать внимание на принцип экономии языка. Короткие и лаконичные предложения более прямолинейны и понятны аудитории.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что рекламы Viya привлекательны для покупателей своей непосредственностью и простотой. Реклама товара подается в форме дружеской рекомендации – это вызывает доверие покупателей и формирует покупательское намерение аудитории.

Литература

1. Бернадская Ю.С. Приемы речевого воздействия в рекламе // Омский научный вестник. 2006. №10 (49). С. 112–116.
2. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 312 с.
3. Гончарова Л.М. Коммуникативные возможности речевых тактик в рекламных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. серия: русская филология. 2010. № 2. С. 21–25.
4. Горло Е.А. Речевое воздействие в поэтическом тексте // Известия ТРТУ. Гуманитарные науки в современном мире. 2006. №2 (57). С. 34–37.
5. Горячев А.А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19. – Санкт-Петербург, 2010. 289 с.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография: Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. М.: Рипол Классик, 2002. 320 с.
8. Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук 10.02.19. – Челябинск, 2011. 26 с.
9. Мирошниченко Г.А. Коммуникативная стратегия вербального убеждения в российской телевизионной рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. № 2. С. 215–223.
10. Статкевич Е.А. Речевые стратегии и тактики современной радиорекламы // Омский научный вестник. 2011. № 1(95). С. 212–215.
11. Страхова О.А. Коммуникативные тактики и ходы: к проблеме соотношения данных понятий // Альманах научных статей молодых ученых. 2018. С. 115–117.
12. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: Онтология и таксономия // Вопросы когнитивной лингвистики. Теоретические проблемы языкознания. 2007. №1 (10). С. 23–30.
13. Ou Ryokuyuu. Message strategies, Informativeness and Value Appeals in Chinese Television Advertising: An Empirical Study // Otaru University of Commerce . URL: <http://hdl.handle.net/10252/00005535> (дата обращения: 10.02.2021).
14. Karlsson, S. Advertising as Discourse // Linnéuniversitetet. Publications. URL: <http://lnu.diva-portal.org/smash/get/diva2:840756/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).
15. Wang, R. Native Short-Video Advertising on Chinese Social Media // UF Libraries. URL: <https://ufdc.ufl.edu/UF0052340> (дата обращения: 16.03.2021).
16. Zhang, L. Song, Jinjing. Analysis of Chinese millennial consumers' preference for online advertising channel in China // Jönköping University. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:hj:diva-49999> (дата обращения: 3.02.2021).
17. 李彦迪. 语域理论视角下电商主播言语社区语言特征探析 – 以淘宝主播薇娅和李佳琦为例 // 视听. 2021 (02). 第117–118页. = Ли Яньди. Анализ языковых особенностей видеоблогеров сферы электронной коммерции с точки зрения теории языковых регистров (на примере блогеров на площадке Taobao Viya и Ли Цзяци) // Radio&TV Journal. 2021 (2). С. 117–118.
18. 张悦畅. 新媒体视域下电商网红店主个人品牌化塑造 – 以淘宝直播主播薇娅为例 // 新媒体研究. 2019年. 第12期. 第134–135页. Чжан Юэчан. Создание личного бренда владельцев интернет-магазинов знаменитостей в интернете с точки зрения новых медиа: на примере ведущего прямых эфиров на площадке Taobao Viya // New Media Research. 2019. № 12. С. 134–135.

Aleksandr N. SBOEV,

Ph.D. (in Philological Sciences), Associate Professor, Department of Sinology, FEFU (Vladivostok, Russia).
E-mail: sboev.an@dvfu.ru

Antonina V. NOVGORODOVA,

Master in Oriental and African Studies, FEFU (Vladivostok, Russia).
E-mail: tonya.novgorodova@bk.ru

Speech Manipulation in Chinese Web Advertising

UDC 811.581

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/108-121>

*speech manipulation,
speech strategy,
speech tactics,
online advertising,
blogger Viya*

The results of speech manipulation research in different languages can be used to establish intercultural communication in various fields. This article is devoted to the study of speech manipulation, in particular to the analysis of the speech manipulation aspects on the material of the Chinese web advertising discourse (online advertising). Language data were collected from the Internet blogger Viya livestreaming with a total duration of about 6 hours. The research describes the standard communication strategy, tactics and also consistency in product presentation made by the popular Internet blogger Viya. We identified four main communication strategies used by Viya: speech strategy of conquering the consumer, speech strategy of appealing to someone's mind, speech strategy of appealing to someone's emotions and speech strategy of advantage. The analysis showed that the strategy of conquering the consumer and the strategy of appealing to someone's mind are the most often used strategies of Viya's advertising.

For citation: Sboev A. N., Novgorodova A. V. Speech manipulation in Chinese Web Advertising // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 108–121. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/108-121>

References

1. Bernadskaya Y.U.S. Priemy rechevogo vozdejstviya v reklame // Omskij nauchnyj vestnik. 2006. №10 (49). S. 112–116.
2. van Dejk T.A. YAzyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Blagoveshhensk: BGK im. Boduehna de Kurteneh, 2000. 312 s.
3. Goncharova L.M. Kommunikativnye vozmozhnosti rechevykh taktik v reklamnykh tekstakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. seriya: russkaya filologiya. 2010. № 2. S. 21–25.
4. Gorlo E.A. Rechevoe vozdejstvie v poehticheskom tekste // Izvestiya TRTU. Gumanitarnye nauki v sovremennom mire. 2006. №2 (57). S. 34–37.
5. Goryachev A.A. Modelirovanie rechevogo vozdejstviya v reklamnoj kommunikatsii: diss. kand. filol. nauk: 10.02.19. – Sankt-Peterburg, 2010. 289 s.
6. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi: monografiya: Izd. 5-e. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.
7. Klyuev E.V. Rechevaya kommunikatsiya: uchebnoe posobie dlya universitetov i institutov. M.: Ripol Klassik, 2002. 320 s.
8. Mal'tseva V.A. Strategii rechevogo vozdejstviya v professional'noj kommunikatsii: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk 10.02.19. – CHelyabinsk, 2011. 26 s.
9. Miroshnichenko G.A. Kommunikativnaya strategiya verbal'nogo ubezhdeniya v rossijskoj televizionnoj reklame

- // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. 2018. № 2. S. 215–223.
10. Statkevich E.A. Rechevye strategii i taktiki sovremennoj radioreklamy // Omskij nauchnyj vestnik. 2011. № 1(95). S. 212–215.
11. Strakhova O.A. Kommunikativnye taktiki i khody: k probleme sootnosheniya dannyx ponyatij // Al'manakh nauchnykh statej molodykh uchenykh. 2018. S. 115–117.
12. Shelestyuk E.V. Rechevoe vozdejstvie: Ontologiya i taksonomiya // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Teoreticheskie problemy yazykoznanija. 2007. №1 (10). S. 23–30.
13. Ou Ryokuyuu. Message strategies, Informativeness and Value Appeals in Chinese Television Advertising: An Empirical Study // Otaru University of Commerce . URL: <http://hdl.handle.net/10252/00005535> (data obrashheniya: 10.02.2021).
14. Karlsson, S. Advertising as Discourse // Linnéuniversitetet. Publications. URL: <http://lnu.diva-portal.org/smash/get/diva2:840756/FULLTEXT01.pdf> (data obrashheniya: 24.01.2021).
15. Wang, R. Native Short-Video Advertising on Chinese Social Media // UF Libraries. URL: <https://ufdc.ufl.edu/UFE0052340> (data obrashheniya: 16.03.2021).
16. Zhang, L. Song, Jinjing. Analysis of Chinese millennial consumers' preference for online advertising channel in China // Jönköping University. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:hj:diva-49999> (data obrashheniya: 3.02.2021).
17. 李彦迪. 语域理论视角下电商主播言语社区语言特征探析--以淘宝主播薇娅和李佳琦为例 // 视听. 2021 (02). 第117–118页. = Li YAn'di. Analiz yazykovykh osobennostej videoblogerov sfery ehlektronnoj kommertsii s tochki zreniya teorii yazykovykh registrov (na primere blogerov na ploshhadke Taobao Viya i Li TSzyatsi) // Radio&TV Journal. 2021 (2). S. 117–118.
18. 张悦畅. 新媒体视域下电商网红店主个人品牌化塑造--以淘宝直播主播薇娅为例 // 新媒体研究. 2019年. 第12期. 第134–135页. CHzhan YUehchan. Sozdanie lichnogo brenda vladel'tsev internet-magazinov znamenitostej v internete s tochki zreniya novykh media: na primere vedushhego pryamykh ehfirov na ploshhadke Taobao Viya // New Media Research. 2019. № 12. S. 134–135.

Контркультурный дискурс в контексте рок-музыки (на материале британской рок-группы Muse)

УДК 811.111-26

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/122-131>

*контркультура,
контркультурный
дискурс,
рок-дискурс,
рок-музыка,
речевое воздействие*

В данной работе рассмотрено явление контркультурного дискурса на примере текстов песен британской рок-группы Muse. Рок-музыка с момента зарождения является протестным и выполняет одну из основных функций – апеллятивную. Выполнение данной функции достигается при помощи речевого воздействия, в первую очередь лексическими и грамматическими средствами. Альбом Drones поднимает остросоциальную тему лишения свободы и манипулирования сознанием. Средства речевого воздействия, в свою очередь, как нельзя лучше позволяют донести этот посыл, обращаясь к эмоциям и социальным установкам слушателей.

Задачей данной статьи является рассмотрение рок-дискурса как контркультурного явления и речевых средств передачи протестных идей.

На протяжении существования музыкального жанра рок воспринимался как протестный и контркультурный. Это обусловлено как эпохой зарождения жанра, так и жанрами-предшественниками, из которых постепенно сформировалось рок-движение.

Рок-музыка возникла во второй половине 1960-х годов – время расцвета движения хиппи в США. Данное движение возникло как противопоставление общепринятой культуре, музыке и политике. Известный лозунг хиппи «Make love, not war!» отлично отражает философию и идеологию движения – ненасилие, свободу и мир. Хиппи продвигали уход от общества, поглощённого войной, чрезмерным потребительством и насилием. Они использовали творчество для распространения своей философии – против милитаризма и конформизма.

Как музыкальный жанр рок развился из рок-н-ролла, бывшего на пике популярности в 40-50-х годах. Рок-н-ролл в свою очередь вобрал в себя черты таких жанров, как блюз, джаз, кантри и госпел. Все эти жанры изначально были музыкой чёрного населения США, берущие начало из обрядовой, ритуальной музыки и «рабочей песни». Такая музыка отражала социальные проблемы афроамериканцев, была выражением свободы и силы духа этого народа.

В Британии рок-музыка стала популярна также в 60-х годах, когда набравший в США популярность рок-н-ролл вышел за границы страны и приступил к завоеванию Европы. Однако популярная в США музыка оказалась в Британии под запретом. И как любой запрещенный продукт вызвала живой интерес у британской молодежи. Стали появляться подпольные группы, по-своему интерпретирующие новый жанр.

Для цитирования:
Гензе В. М. Контркультурный дискурс в контексте рок-музыки (на материале британской рок-группы Muse) // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 122–131. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/122-131>

Такие экспериментальные группы дали начало трем вариациям рок-н-ролла – танцевальному, «тяжелому» и фолк направлениям.

Все эти факторы повлияли не только на музыку и исполнителей, но и на принимающую сторону – слушателей. Появление рок-музыки привело к формированию музыкальных субкультур. Люди, относящие себя к одной субкультуре, связаны не только схожим внешним видом – стилем в одежде, прическах, атрибутике, но и поведением, схожими взглядами и философией. Соответственно, те идеи, что несёт та или иная группа принимаются, разделяются и распространяются среди участников субкультуры. Рок-музыканты уже не просто ещё один исполнитель, но рупор, передатчик как своих мыслей и настроений своим фанатам, так и мыслей и настроений своих фанатов дальше в общество и власть держащим. Рок-музыканты воспринимаются как представители контркультурного движения, выражающие недовольство властью, неравенством и несправедливостью [8, с. 476].

Контркультура встает в оппозицию культуре – системе ценностей и норм, поддерживающих социализацию общества, а также совокупность артефактов, знаний, верований, выражающих адаптацию и репродукцию жизненного уклада человечества [2, с. 43].

Впервые термин «контркультура» был использован американским социологом Дж. М. Йингером в 1960-м году в статье «Контркультура и субкультура». Дальнейшее распространение термину дал другой американский социолог Т. Роззак. Отечественный ученый П.С. Гуревич вслед за рядом учёных (Д. Белл, Т. Роззак, Э. Тирьякян, Дж. Уэбб) рассматривает контркультуру как инструмент преобразования и движения культуры. Контркультурные тенденции, возникая как оппозиция сложившимся общепринятым установкам, постепенно принимаются культурой, таким образом меняя ценности и их восприятие в обществе. «Контркультура постоянно проявляет себя в виде механизма культурных новаций» [1, с. 366].

Рок-музыка как раз и послужила одним из таких механизмов. Начавшись с движения хиппи, рок-движение поспособствовало переосмыслению ряда ценностей – «... этики труда, смысла жизни, отношений между полами, традиций рациональности» [1, с. 366].

Таким образом, и субкультуры, и исполнители рока приобретают новый статус контркультуры, то есть противопоставляют себя общепринятым нормам, взглядам и моральям. Такой статус позволяет поднимать непопулярные темы, такие как войны, дискриминация, расизм, несправедливость, превышение полномочий и многое другое. Каждое из направлений рок-музыки – панк, хеви-метал, хард-рок и другие – порождали субкультуру, приобретающую черты контркультуры, которая отвергала ценности массовой культуры и проповедовала свои свободы, несогласие с устоявшимися принципами.

Рок-дискурс выполняет апеллятивную функцию, эмоционально воздействуя на слушателя и привлекая его внимание к поднимаемым проблемам посредством речевого воздействия.

Под речевым воздействием вслед за И.А. Стерниным мы понимаем «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [6, с. 51].

Целью нашего исследования является рассмотрение лингвистических средств воздействия в контркультурном рок-дискурсе.

В лингвистике в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы выделяют три основные разновидности речевого воздействия: обращение к эмоциям (обращение к достаточно примитивным чув-

ствам (страху, гневу, ненависти, основному инстинкту»), обращение к социальным установкам (социальное самочувствие человека – разделение на «своих» и «чужих», стремление «быть как все», стремление повысить свое место в иерархии), обращение к представлениям о мире (образ действительности, структура ценностей и набор рецептов деятельности) [5, с. 54].

В данной статье рассмотрим виды воздействия посредством анализа таких инструментов, как выбор лексики и синтаксиса и обращение к когнитивным и логическим операциям.

Материалом исследования послужили тексты песен из альбома *Drones* британской рок-группы Muse. Группа существует с 1994 года, обладает множеством значимых музыкальных наград и популярностью по всему миру. Начавшись как подростковая рок-группа, исполняющая каверы известных песен, Muse постепенно искали свой неповторимый стиль, звучание и тематику.

Контркультурный дискурс начинает впервые проявляться в их третьем альбоме *Absolution* (2003). Звучание группы сменилось с мажорного на минорное, тексты композиций приобрели политический окрас. Такое изменение было вызвано нестабильной ситуацией в мире, началом военного конфликта США и Британии с Ираком, повсеместным недовольством и недоверием к власти. Все больше появлялось песен, выражающих озабоченность автора текстов Мэтью Белами будущим человечества, страхи общества перед возможными военными конфликтами и повсеместным контролем корпораций над умами обычных людей.

Все эти темы в итоге воплотились в альбоме *Drones* (2015), в котором в полной мере раскрылся потенциал Muse как контркультурной группы.

Альбом *Drones*, выигравший премию Грэмми за Лучший рок-альбом 2015 года, поднимает проблемы засилья современных технологий, уничтожения всего человеческого в людях и безразличия к окружающему миру [9].

Альбом состоит из 12 композиций, названия которых ярко и кратко иллюстрируют основную идею альбома – преобладание искусственного над человеческим и насильная «роботизация» человечества. Со слов автора песен и исполнителя Мэтью Белами *Drones* (с англ. – «Дроны») выступают метафорой превосходства технологий над человечностью и «дегуманизации современных способов ведения войны» [7]: *Dead Inside* (*Мертв внутри*), *[Drill Sergeant]* (*[Сержант-инструктор]*), *Psycho* (*Психопат*), *Mercy* (*Милость*), *Reapers* (*Жнецы*), *The Handler* (*Манипулятор*), *[JFK]*, *Defector* (*Дезертир*), *Revolt* (*Восстание*), *Aftermath* (*Последствия*), *The Globalist* (*Глобалист*), *Drones* (*Дроны*).

Альбом показывает развитие и противостояние двух персонажей – протагониста и антагониста. Протагонист – обычный человек, попавший в систему и подвергающийся обработке – уничтожению всего человеческого в нем. Антагонист же воплощает представителей правительства, которым нужны бездушные исполнительные роботы. Последовательность композиций также играет роль. В альбоме чередуются песни от лица протагониста и антагониста, передавая их диалог и подчеркивая их противостояние друг другу. Такой посыл и

порядок композиций обеспечивает восприятие альбома как сильного инструмента контркультурного воздействия.

Лексический анализ текстов позволяет выделить две доминантные тематические группы: религиозная лексика и военная лексика. Религиозная лексика (*ablaze, alive, holiness, prayers, soul*), вызывает ассоциации со святостью и благочестием. В то время как техническая и военная лексика (*authorization, base, drones, program, remote control, virus*) иллюстрирует мир жестокий и бездушный.

Религиозная лексика широко используется в композициях *Dead Inside* (*Мертв внутри*), *Mercy* (*Милость*), *Revolt* (*Восстание*), посвящённых внутренней и внешней борьбе протагониста с манипуляцией и попытками контроля его разума и действий.

Одним из ключевых понятий всех трёх композиций является *душа* (*soul*), которая ассоциируется со способностью к состраданию. Это и предположение об отсутствии души у антагониста:

Do you have *no soul*
It's like it *died* long ago ('Dead Inside')

И опасение, что душа протагониста может быть съедена «темными силами»:

Save me from the ghosts and shadows
Before they *eat* my soul.
And all the men in cloaks
Trying to *devour* my soul ('Mercy')

Здесь же следует обратить внимание на подбор глагола. Они не просто съедают душу (*they eat my soul*), но поглотят её (*devour my soul*).

И уже в одной из последних композиций альбома *Revolt* (*Восстание*) автор призывает слушателя вспомнить о наличии столь ценной материи как «душа» и не позволить угнетателям её забрать и уничтожить:

Don't try to hide it, don't tell me it's not there...
You've got strength,
You've got *soul* ('Revolt')

Наибольшее количество религиозной лексики присутствует в первой композиции *Dead inside* (*Мертв внутри*), где протагонист осознает, что он уподобляется антагонисту:

Revere a million *prayers*
And draw me into the *holiness*
But there's nothing there
On the outside you're *ablaze* and *alive*
But you're dead inside! ('Dead Inside')

Эффект, создаваемый религиозной лексикой, усиливается противительными конструкциями, разрушающими положительный образ.

Так же следует отметить последнюю композицию альбома *Drones* (*Дроны*) и структурно, и музыкально построенную наподобие церковных песнопений:

Killed by drones
 My mother, my father, my sister and my brother, my son and my daughter,
 Killed by drones.
 Our lives between your finger and your thumb
 Can you feel anything?
 Are you dead inside?
 Now you can kill from the safety of your home with drones
 Amen ('Drones')

Военно-техническая лексика наиболее ярко передаёт дух войны и армии в композициях [*Drill Sergeant*] (*[Сержант-инструктор]*) и *Psycho* (*Психонам*). Первая композиция представляет собой диалог между сержантом и новобранцем:

- If you do not do what you are told to do, when you're told to do it,
you will be punished, do you understand?
 - Aye, sir!
 - If you leave my base without proper authorization,
I will hunt you down and throw your ass in jail! Do you understand?
 - Aye, sir! - I can't hear you?!
 - Aye, sir! - Scream it!!!
 - Aye, sir!!!- *Your ass belongs to me now!!!*
 Aye, sir!!! (*[Drill Sergeant]*)

В речи сержанта явно прослеживается стратегия запугивания. Это не только подбор лексики с негативной коннотацией (*hunt you down*, *throw in jail*, *belong*), демонстрирующей безоговорочную власть сержанта, но и грамматических структур: *you will be punished*, *I will hunt you down* – создают ощущение неизбежности и неотвратимости этих угроз.

В композиции *Psycho* (*Психонам*) мы слышим продолжение этого диалога и можем наблюдать превращение новобранца-человека в нечто дикое и неразумное – в дрона, машину:

- Are you *a human drone*?!- Aye, sir!
 - Are you *a killing machine*?!- Aye, sir!
 - I'm in control *motherfucker*, do you understand?
 - Aye, sir!

 - Are you *a psycho killer*?! Say I'm a psycho killer?!
 - I'm a psycho killer! - Scream it!!!
 - I'm a psycho killer!!! - Show me your war-face!!!
 - Arrrrrrr!
 - You are a *pussy*! I said 'show me your war-face'!!!
 - Arrrrrrrrr!!! ('Psycho')

В речи сержанта появляется всё больше обценной лексики (*motherfucker*, *pussy*). Тон высказываний повышается, о чём свидетельствует наличие всё большего количества восклицательных знаков. Теперь сержант не запугивает новобранца, но внушает тому, кем он является – *a human drone* (человек-дрон), *a killing machine* (машина для убийства), *a psycho killer* (убийца-психонам). Именно эти образы ярко передают основную идею альбома – дегуманизация и превосходство технологий над человечностью.

В противовес речи сержанта слова солдата ограничиваются лишь единственной фразой согласия – *Aye, sir!* – как бы подчеркивающей его безвольность и полное подчинение. И последняя фраза-возглас (*Arrrrrrrrr!!!*) демонстрирует отречение от человечности в сторону чего-то животного.

В этой же композиции тема бездушности техники продолжается и в куплете. Видно, что повествование идет от лица антагониста, для которого главный герой не более чем программа, робот, которым он может управлять. Интересно также заметить, что антагонист сравнивает себя с вирусом (*virus*), подразумевая скрытый контроль:

Your mind is just a *program*.
And I'm a *virus*
I'm *changing a station* ('*Psycho*')

Композиция *Reapers* (*Жнецы*) так же развивает тему войны и техники. Во-первых, отметим фразу – *By your Drones! (Killed by) Drones! (Killed by) (Твоими дронами! (Убит) Дронами!)* – рефреном идущую через всю композицию. Данная фраза завершает оба куплета, описывающих состояние антагониста и мира в целом. В первом куплете сравнение дома с полем боя (*killing field*) подчеркивает, что в этом мире не осталось безопасного места, война теперь везде. Метафора обезличенной войны развивается ярким образом отсутствия кого-либо у руля (*there's no one behind the wheel*):

Home
It's becoming a *killing field*
There's a *crosshair* locked on my heart
With no recourse
And there's *no one behind the wheel*
Hellfire
You are *wiping me out* ('*Reapers*')

Во втором куплете впервые за весь альбом присутствует слово *война* (*war*). И эта война только набирает обороты (*moved up a gear*). Существительное *pawn* (*пешка*) добавляет метафору «война – шахматы», где все мы – расходный материал (*expendable*). Наречия *incidentally* (*случайно*), *electronically* (*электронно*) подчеркивают идею бездушности и бездумности действий антагониста:

War
War just moved up a gear
I don't think I can handle the truth
I'm just a *pawn*
And we're all *expendable*
Incidentally, electronically erased ('*Reapers*')

В альбоме ярко поднимается антивоенная тема, раскрываемая определённой лексикой. Однако в противовес этому весь альбом скрыто пронизан темой свободы. Тема и ценность свободы доносится скорее через оппозицию лексике манипуляции и контроля, раскрывающей тему войны и роботизации. Данная тема не выражается соответствующей лексикой, она нагнетается через обращение к эмоциям и

социальным установкам. В большинстве случаев создаётся ощущение безысходности и безвольности.

Для создания образа антагониста, отнявшего свободу и волю, используется ряд синонимов с отрицательной коннотацией манипулятора (*tyranny, puppeteer, oppressor, handler*). Усиливается данный образ окружающей лексикой. В композиции *Mercy (Милость)* прилагательное *silent (тихий)* переключается с образом *вируса (virus)* из композиции *Psycho*, подчеркивая скрытность такого контроля:

Absent gods and *silent tyranny*
We're going under
Hypnotised by another *puppeteer* ('Mercy')

В этой же композиции причастие *hypnotized (загипнотизированный)* идёт в паре со словом *puppeteer (кукловод)*, развивая идею управления скрытого и недобровольного.

Композиция *The Handler (Манипулятор)* уже своим названием задаёт слушателю тему отсутствия свободы. С первых же строк нам демонстрируется изменение восприятия героем антагониста. Если в прошлом он выступал в роли *угнетателя (oppressor)*, то сейчас роль изменилась на *манипулятора (handler)*. Соответственно и уровень контроля увеличился. В то время как страдательная конструкция *I have been programmed to obey* исключает протагониста как субъекта действия, то во фразе *I will execute your demands* отражена некоторая добровольность действий протагониста и полное принятие власти манипулятора:

You were my *oppressor*
And I, I have been programmed to obey
Now, you are my *handler*
And I, I will execute your demands ('The Handler')

Намерение антагониста контролировать и подавлять отражено в композиции *Psycho (Психопат)*, исполненной от первого лица. Наличие формы будущего времени и разговорной формы конструкции *I am going to* добавляет коннотацию уверенности в безоговорочном подчинении:

I'll *turn* you into a super drone
And you *will kill* on my *command*,
And I *won't be responsible*
I'm gonna *make* you, I'm gonna *break* you,
I'm gonna *make* you a *fucking psycho!* ('Psycho')

Глаголы *make, break* так же демонстрируют полный контроль антагониста и безволие протагониста.

Однако в композиции *Defector (Дезертир)* вся лексика, связанная с подавлением воли, сопровождается отрицательной частицей *not*, подтверждающей освобождение протагониста из-под гнета тирана:

Free, yeah, I'm free
From your *inciting*.
You *can't brainwash* me
You've got a problem.

Free, yeah I'm free
 From society.
 You can't control me
 I'm a defector ('Defector')

Кроме вышеупомянутых лексических и грамматических средств следует обратить внимание на обращение к когнитивным операциям, ярким представителем которых являются прецедентные тексты¹. Примером использования прецедентного текста является композиция [JFK]². Как название композиции, так и ее текст являются актуализацией личности Джона Ф. Кеннеди (29.05.1971 – 22.11.1963), 35-го президента США. В композиции [JFK] используется отрывок записи речи Дж. Кеннеди в 1961 году с обращением к прессе, призывающей СМИ разоблачать злые намерения и открыто говорить правду. Данная композиция полностью состоит только из части записи этой речи:

For we are opposed around the world
 By a monolithic and ruthless conspiracy
 That relies primarily
 On covert means for expanding ... ([JFK])

¹ Прецедентные тексты - (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [3, с. 216].

² John Fitzgerald Kennedy

В альбоме неспроста использована речь именно этого политического деятеля. Следует помнить, что для англоязычного слушателя, и в первую очередь американского, Дж. Ф. Кеннеди является личностью культовой и значимой. Он не только был харизматичным лидером, боровшимся с расовой дискриминацией, но и человеком, прошедшим войну и отмеченным наградами за храбрость.

Еще одним ярким примером использования прецедентного текста является композиция *Defector (Дезертир)*, символизирующая освобождение от контроля манипулятора.

Эта композиция является ключевой в истории протагониста. Герой освобождается от гнета манипулятора. Именно здесь впервые используется прилагательное *free (свободный)*, которое до конца альбома будет не раз присутствовать в композициях наравне с существительным *freedom (свобода)*. Герой заявляет об этом радостном событии восклицанием *Free, yeah, I'm free (Свободен, да, я свободен)*, которое повторяется на протяжении всей композиции. Меняется и тон песни с тяжёлого и давящего на более лёгкий и мажорный. Вся песня – гимн свободе:

Free, yeah, I'm free
 From your inciting.
 You can't brainwash me
 You've got a problem.
 Free, yeah I'm free
 From society.
 You can't control me
 I'm a defector. ('Defector')

Песня завершается еще одним отрывком из той же речи Дж. Ф. Кеннеди 1961 года, провозглашающим свободу и независимость:

We look for strength and assistance
 Confident that with your help

Man will be what he was born to be:
free and independent ('Defector')

Данный отрывок как бы ставит точку в противостоянии героя и антагониста, сообщая слушателю о близкой победе и счастливом завершении истории протагониста – человека свободного и независимого.

Таким образом, рок, появившись в середине 20-го века «из сознания невыносимой отчужденности всех традиционных форм общности, науки, религии, искусства от жизни, от повседневного существования обычного простого человека» [4, с. 34], выполняет апеллятивную функцию, донося протестные идеи и установки до слушателей. Рок-музыка является ярким примером контркультурного дискурса, воздействующего на слушателя прежде всего посредством лексических и грамматических средств.

Литература

1. Гуревич П.С. Культурология: учебник М.: КНОРУС, 2011. 448 с.
2. Ершова Ю. Я. Культура, субкультура, контркультура: дефиниция и демаркация понятий // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 4 (29). С. 42–45.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность М.: Издательство ЛКИ, 2010. 267 с.
4. Кнабе Г.С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Избранные труды. Теория и история культуры. М.: Летний сад, 2006. С. 20–50.
5. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. 270 с.
6. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 252 с.
7. AllMusic: сайт. URL: <https://www.allmusic.com/album/drones-mw0002836779> (дата обращения: 26.08.2021).
8. Bennett A. "Heritage rock": Rock music, representation and heritage discourse // Poetics. 2009. № 37. p. 474–489.
9. MuseWiki: сайт. URL: [https://www.musewiki.org/Drones_\(album\)](https://www.musewiki.org/Drones_(album)) (дата обращения: 26.08.2021).

Valeriya M. GENZE,

Postgraduate student, Department of Linguistics and Intercultural Communication, FEFU (Vladivostok, Russia).

E-mail: genze_vm@dvfu.ru

Counter-Cultural Discourse in the Context of Rock-Music (Based on the Lyrics of the British Rock-Band Muse)

UDC 811.111-26

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/122-131>

An analysis of the phenomenon of counter-cultural discourse represented in the lyrics of the British rock-band Muse is reported in this paper. From its very beginning rock-music implements one of the most important functions – an appellative, or persuasive, function. The function is performed via linguistic persuasion, primarily by lexical and grammatical means. The album Drones raises the acute social topics of deprivation of freedom and manipulation of mind. Therefore, the means of linguistic persuasion are able to carry this message in the best possible way, addressing the emotions and social settings of audience.

*counter-culture,
counter-cultural
discourse,
rock-discourse,
rock-music,
linguistic persuasion*

For citation: Genze V. M. Counter-cultural discourse in the context of rock-music (based on the lyrics of the British rock-band Muse) // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 122–131. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/122-131>

References

1. Gurevich P.S. Kul'turologiya: uchebnik M.: KNORUS, 2011. 448 s.
2. Ershova YU. YA. Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura: definitsiya i demarkatsiya ponyatij // Vestnik SPbGUKI. 2016. № 4 (29). S. 42–45.
3. Karaulov YU. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 267 s.
4. Knabe G.S. Rok-muzyka i rok-sreda kak formy kontrkul'tury // Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury. M.: Letnij sad, 2006. S. 20–50.
5. Pirogova YU.K. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika / YU.K. Pirogova, P.B. Parshin. M.: Mezhdunarodnyj institut reklamy, Izdatel'skij dom Grebennikova, 2000. 270 s.
6. Sternin I.A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2001. 252 s.
7. AllMusic: sajt. URL: <https://www.allmusic.com/album/drones-mw0002836779> (data obrashheniya: 26.08.2021).
8. Bennett A. "Heritage rock": Rock music, representation and heritage discourse // Poetics. 2009. № 37. p. 474–489.
9. MuseWiki: sajt. URL: [https://www.musewiki.org/Drones_\(album\)](https://www.musewiki.org/Drones_(album)) (data obrashheniya: 26.08.2021).

ОДИНЦОВА Мария Владимировна,
канд. филол. наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Московского энергетического института (г. Москва).
Электронная почта: nosovamv@mpei.ru

НАЗАРЕНКО Анна Александровна,
старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Московского энергетического института (г. Москва).
Электронная почта: nazarenkoaa@mpei.ru

ЛЫОНГ Ба Винь,
магистрант Московского инженерно-физического института (г. Москва).
Электронная почта: lbavinh@gmail.com

Некоторые трудности вьетнамских студентов при изучении формул русского речевого этикета

УДК 811.161.1

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/132-136>

*русский язык как
иностранный (РКИ),
вьетнамский,
речевой этикет,
ошибки,
обращение*

В статье представлен сопоставительный анализ речевых формул двух контактирующих языков, рассмотрен ряд отличий русского и вьетнамского речевого этикета. Проведен анализ типичных ошибок, возникающих в речи вьетнамских студентов вследствие межъязыковой интерференции. Выявлены следующие факторы влияния родного языка на русский: несовпадение ряда речевых клише, наличие местоимений вьетнамского языка, происходящих от терминов родства и определяющих выбор формы обращения на русском языке, национальная форма обращения, неиспользование сослагательного наклонения во вьетнамском языке в прагматических целях для выражения желания, вопроса, совета.

Данная публикация подготовлена на основе сообщения на международной онлайн-конференции "70-летие вьетнамско-российских отношений в области науки и образования" (19 октября 2020 г.) г. Ханой, Вьетнам.

Формулы речевого этикета играют важную роль в сфере делового и межличностного общения. Этикетные формулы – языковые универсалии. В любом языке мира есть такие контактоустанавливающие слова, как *здравствуйте* или *до свидания*, *познакомьтесь* и др. Несмотря на то что значение этикетных слов и формул десемантизируется, они продолжают выполнять свою важную социальную функцию. Так, например, слово *здравствуйте* уже давно потеряло свое первоначальное значение «пожелание здоровья», но войти в аудиторию, где идут занятия, и не поздороваться, считается грубым нарушением этикета. Следует отметить, что во многих языках в силу широкой употребительности стирается собственное значение слов, входящих в состав речевых формул этикета, они становятся в первую очередь именно формулами, употребление которых фиксируется во всех сферах речевого общения [1].

Для цитирования:
Одинцова М. В., Назаренко А. А., Лыонг Ба Винь. Некоторые трудности вьетнамских студентов при изучении формул русского речевого этикета // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 132–136. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/132-136>

Н.И. Формановская пишет, что «несмотря на то, что речевой этикет представляет собой социально-культурную универсалию, то есть свойствен всем народам, языкам и культурам, в каждой стране обычаи употребления речевого этикета национально специфичны» [2, с. 97]. Сориентироваться в специфике русской речевой традиции вьетнамским студентам помогают лингвострановедческие материалы на уроках РКИ,

связанные с разъяснением национальных различий в речевом этикете.

Правила языкового поведения коренных носителей русской и вьетнамской культур во многом схожи, но имеется и ряд различий, которые могут в определенных ситуациях затруднить коммуникацию.

Набор этикетных формул разнообразен и обширен как в русском, так и во вьетнамском языке. Основан он на универсальном принципе вежливости (принцип соответствия речевой ситуации), при котором учтены такие параметры, как обстановка общения (официальная / неофициальная) и фактор адресата (социальный статус, личные заслуги, возраст, пол, степень знакомства).

Непосредственное отношение к нормам речевого этикета имеет *обращение*. Адресный характер вьетнамской речи отражается в весьма витиеватой и сложной системе вьетнамских местоимений, выбор которых зависит от взаимоотношений говорящего и слушающего, степени их родства, социального статуса, разницы в возрасте не только говорящего и слушающего, но и разницы в возрасте слушающего и родителей говорящего. Во вьетнамском языке при обращении к незнакомым людям принято использовать местоимения. Так, обращение *мужчина* к незнакомому человеку мужского пола в русском языке может употребляться самостоятельно, а во вьетнамском языке необходимо выбрать одно из местоимений *chú / bác / ông* (*младший дядя по отцу = мужчина такого же возраста, как отец / некто старше родителей / дедушка*), которое будет находиться в структуре предложения, станет его членом. При обращении к незнакомой женщине, которую говорящий считает старше себя, во вьетнамском языке используется лексема *chị* (*сестра*).

В связи с тем, что местоимения вьетнамского языка происходят от терминов родства, при дословном переводе может возникать непонимание. Например, в случае если слушающий старше говорящего на 10-15 лет, местоимение *вы* может быть переведено на вьетнамский либо вокативами *anh / chị* (*брат, сестра*), либо *sò/chú* (*тетя/дядя*), а местоимение *я* в этой ситуации может быть переведено как *em / cháu* (*младший брат или младшая сестра / внук, племянник, племянница*). Такая сложная система местоимений вьетнамского языка приводит к тому, что во избежание путаницы студенты стараются не пользоваться в общении на русском языке собственно обращениями *девушка, молодой человек, женщина, мужчина*, используя в диалогах контактоустанавливающие обезличенные вежливые формы типа *извините, простите* и др.

Так как русские местоимения не имеют фиксированного употребления в межличностном общении, вьетнамские студенты отмечают, что им трудно уловить момент перехода в общении на *ты*. В результате нередко мы слышим обращение вьетнамского студента к однокласснику на *вы*, что в российской молодежной среде не является нормой.

Требует корректировки и форма обращения вьетнамских студентов к российскому преподавателю. Руководствуясь национальными принципами коммуникации, они нередко начинают диалог с обращения *преподаватель (sò)*, в то время как традиционной формой в России является обращение к учителю, преподавателю по имени-отчеству. Форма обращения (*sò*) во вьетнамской культуре призвана подчеркнуть степень уважения к этому виду профессии, поэтому студенты часто чувствуют неловкость, вынужденно избегая употребления данного обращения.

Трудность в обучении вьетнамских студентов этикетной лексике связана и с использованием отдельных лексем тематических групп *приветствия* и *прощания*.

В русском языке существует несколько формул приветствия, имеющих аналоги во вьетнамском языке. При этом нашим трем формулам приветствия *доброе утро*, *добрый день*, *добрый вечер* соответствуют четыре во вьетнамском языке *Chào buổi sáng* (*Доброе утро*), *Chào buổi trưa* (*Добрый «полдень»*), *Chào buổi chiều* (*Добрый «после полдня» (с 14.00 до 17.00)*), *Chào buổi tối* (*Добрый вечер*). В связи с тем, что речевые клише не всегда совпадают при переводе, в речи вьетнамских студентов возникают ошибки типа *Жду тебя в три часа вечера*.

Разнообразные формы прощания в русском речевом этикете, такие как *всего хорошего*, *всего доброго*, *пока* и др. имеют один эквивалент во вьетнамском языке *Tạm biệt*, употребляющийся в формальных и неформальных ситуациях.

Ряд ошибок в речи вьетнамских студентов связан с неразличением таких слов, как *не за что*, *пожалуйста*, *ничего*. Это связано с тем, что во вьетнамской речи на выражение благодарности *cảm ơn* (*спасибо*) нужно отвечать *không có gì (đâu)* и на извинение *xin lỗi!* (*извините*) речевой этикет требует того же клишированного ответа *không có gì (đâu)*. Дословный перевод фразы *không có gì (đâu)* - *ничего*, что нередко приводит к смешению этикетных формул, и в результате ответной репликой на *спасибо* можно услышать от вьетнамского студента *ничего*.

Отсутствует во вьетнамском языке так широко распространённое в русском языке использование сослагательного наклонения в прагматических целях для выражения *желания*, *вопроса*, *совета*. Прагматическое употребление в данном случае призвано смягчить сообщение о намерениях говорящего или ослабить категоричность утверждения или вопросительной формулы.

Используются данные формы при глаголах, обозначающих разного рода речевые акты: *сказал бы*, *попросил бы*, *объяснил бы*. *Я попросил бы Вас говорить тише*. (*Я прошу Вас говорить тише – Tôi yêu cầu bạn nói nhỏ lại* (*Tôi* - официальное местоимение я, когда обращение не персонализировано, например, на выступлениях перед группой людей). В этой ситуации отдается предпочтение просьбе в форме вопроса. *Вы можете говорить тише? – Bạn có thể nói nhỏ lại được không?* (местоимение *вы* необходимо выбрать из ряда *anh/chị/chú/cô/bác/ông/bà/em/bạn*, как отмечалось выше).

Прагматическое сослагательное наклонение встречается и в речевых формулах русского языка, содержащих модальные глаголы *хотел бы*, *хотелось бы*, *мог бы* и др. *Я хотел бы поговорить с Вами* (*Tôi muốn nói chuyện với bạn – Я хочу поговорить с Вами*.)

Выполняют побудительные функции и формы сослагательного наклонения с отрицанием, произнесенные с вопросительной интонацией. *Не могли бы вы перезвонить позже?* (*Вы можете перезвонить позже? – Bạn có thể gọi lại sau được không?* (*bạn-друг, có thể-мочь, gọi lại sau-перезвонить, được không-или нет*))

Значение оптимизации также характерно и для сослагательного наклонения с инфинитивом. *Неплохо бы сегодня пообедать*. (*Будет хорошо, если мы сможем пообедать – Sẽ thật tuyệt nếu chúng ta có thể cùng ăn trưa* (*sẽ-будет, thật tuyệt-хорошо, nếu-если, chúng ta-мы, có thể-мочь, cùng-вместе, ăn trưa-пообедать*))

Не свойственна вьетнамской речи и общевпросительная конструкция с отрицанием, выражающая побуждение. В русском же языке часто встречаются вопросительные формы, сопровождаемые отрицательными частицами: *не хочешь ли ты чаю?* (*Хочешь чаю?* – *Bạn thích uống trà không?* (*bạn-друг, thích-хотеть, uống-пить, trà-чай, không-или нет* (слово *không* (*нет*) как ключевое слово обозначает вопрос во вьетнамском языке)). Используя подобные формулы на русском языке, говорящий смягчает высказывание, как бы предлагая при этом свободу выбора, альтернативу.

Приведенные выше примеры использования сослагательного наклонения, не свойственного вьетнамскому речевому этикету, говорят о том, что форма сослагательного наклонения в стереотипных формулах русского речевого этикета не переводит действие из реального в нереальное. Она лишь подчеркивает степень вежливости, снимая при этом излишнюю категоричность.

Освоение русского речевого этикета – важная составляющая в изучении самого языка и его культуры. Именно речевой этикет позволяет установить контакт с собеседником, чтобы состоялась коммуникация, и если она проходит в соответствии с существующими речевыми нормами, то это залог взаимопонимания. Бережное отношение к правилам русского речевого этикета и знание этикетных формул делают речь иностранца, говорящего на русском языке, выразительной и понятной и облегчают понимание речи носителей русского языка.

Литература

1. Резниченко Е.В. Национально-культурная специфика употребления некоторых формул русского речевого этикета (семантические изменения в русских этикетных формулах) // Картина мира через призму китайской и белорусской культур : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 декабря 2019 г. / Белорусский государственный экономический университет; редкол.: М. В. Мишкевич (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2020. С. 92–97.
2. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты М.: КомКнига, 2006. 158 с.

Maria V. ODINTSOVA,

Ph. D. (in Philology), Associate Professor, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russia).
E-mail: nosovamv@mpei.ru

Anna A. NAZARENKO,

Senior Lecturer, Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russia).
E-mail: nazarenkooa@mpei.ru

LYONG Ba Vinh,

undergraduate student of the Moscow Engineering Physics Institute (Moscow, Russia).
E-mail: lbavinh@gmail.com

Some Difficulties of the Vietnamese Students while Studying the Formulas of Russian Speech Etiquette

UDC 811.161.1

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/132-136>

*mistakes,
speech etiquette,
Russian as a foreign
language (RFL),
Vietnamese,
address*

The article presents the comparative analysis of speech formulae of the two contacting languages, it considers several differences in the speech etiquette in the Russian and Vietnamese languages. It presents some typical mistakes occurring in the speech of Vietnamese students due to the interlanguage interference. It reveals the following factors influencing the native language upon the Russian language: the discord of some speech clichés, the presence of pronouns in the Vietnamese language, arising from the terms of relationship and determining a choice of addressing forms in the native language, the national form of addressing, not using the subjunctive mood in Vietnamese language pragmatically to express a wish, a question, an advice.

The publication is based on a presentation at an international online conference "70th anniversary of Vietnamese-Russian relations in the field of science and education" (October 19, 2020) Hanoi, Vietnam.

For citation: Odintsova M. V. Nazarenko A. A. Lyong Ba Vinh. Some Difficulties of the Vietnamese Students while Studying the Formulas of Russian Speech Etiquette // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 132–136. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/132-136>

References

1. Reznichenko E.V. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika upotrebleniya nekotorykh formul russkogo rechevogo ehtiketa (semanticheskie izmeneniya v russkikh ehtiketnykh formulakh) // Kartina mira cherez prizmu kitajskoj i belorusskoj kul'tur : sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 6 dekabrya 2019 g. / Belorusskij gosudarstvennyj ehkonomicheskij universitet; redkol.: M. V. Mishkevich (gl. red.) [i dr.]. Minsk : Kolorgrad, 2020. S. 92–97.
2. Formanovskaya N.I. Russkij rechevoj ehtiket: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty M.: KomKniga, 2006. 158 s.

Знак «"» в тексте источника заменён на знак «ъ»; исправления, внесённые в текст сразу после его написания, включены в публикацию. Исправлены однозначные опечатки и изъяты избыточные знаки препинания. Сохранён авторский грамматический стиль и способ написания слов. Все редакторские пометки и исправления помещены в квадратные скобки []. Документы имеют перекрёстные ссылки, поэтому в части материалов проставлена оригинальная пагинация страниц в угловых скобках < > в месте начала каждой страницы за исключением первой.

Публикацию подготовил: Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: prohist@ya.ru

№ 8

ДЕКАНУ ВОСФАК' А.

Продолжение. Начало см.: Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 89–113; Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 129–146.

Представляя составленный мною «Критический обзор материалов обследования кафедры китайского языка», считаю нужным сообщить, что кафедра китайского языка, приходя к противоположному, чем обследование, выводам относительно настоящего положения кафедры, находит, наоборот, целый ряд неправильностей и искажений, допущенных обследованием т. Феклина.

Тем не менее, допуская вполне естественное существование слабых мест в работе кафедры (во всяком случае не тех, которые указываются обследованием), члены кафедры в процессе своей дальнейшей работы, как и ранее, будут неуклонно стремиться к изжитию темных сторон ее деятельности и всемерному развитию как учебного режима так и научно-исследовательской работы.

В виду этого кафедра в конце «критического обзора» выдвигает ряд пожеланий, осуществление которых она признает необходимым в течение весеннего семестра 1936 г.

Приложение. Критический обзор материалов обследования кафедры китайского языка.

Заведующий кафедрой кит. яз. Проф. А. Рудаков
9/II 36

Для цитирования:
Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 учебного года. Часть 3 // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 137–154. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/137-154>

¹ Документ № 1.

ПРОФ. А. В. РУДАКОВ

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ИТОГАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ РАБОТЫ КАФЕДРЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА Д. В. Г. У.

Эпиграф.

Конфуций сказал: – Ю, научить ли тебя знанию?
Что знаешь, то и говори, что знаешь;
а чего не знаешь, то и говори, что не знаешь.
Это и есть знание.

Лунь-юй.

Результатом обследования кафедры китайского языка бригадой, состоявшей из преп. японского языка т. Феклина и студенческих представителей: т. т. Потапова и Денищенко, во второй половине декабря 1935 года, явилась докладная записка¹ по вышеозначенным заглавием, подписанная научным работником К. Феклиным 31/ХІІ, Владивосток.

Данные «материалы» начинаются с: – 1. Наличие программ по отдельным языковым дисциплинам и т. д. – Констатируется десять программ плюс учебный план, к которым дается общая характеристика и несколько коротких реплик по содержанию той или другой программы.

Мы, со своей стороны, не можем не обратить должного внимания на следующие пункты.

Относительно 6-го пункта: – Учебная программа по китайскому газетно-журнальному стилю для 2, 3 и 4 курсов – подается такая реплика: ...« – сводная записка, без хотя бы схематического пояснения номенклатуры даваемого грамматического материала...» – Скажем, что ясная целеустановка этого курса сделана в семи строках введения к нему. Затем, вследствие того, что 1) имеется специальная программа по основам литературного языка для III курса и 2) программа по грамматике доцента т. Червонецкого (по разговорному языку, а след. – и по байхуа), то кафедра кит. яз. не находит нужным перегружать все специальные программы еще общим грамматическим материалом. (Не наблюдается такая перегрузка и в программах по кит. яз. Московского института востоковедения имени Нариманова и лингвистического факультета ленинградского гос. института ист. философии и лингвистики).

Относительно 9-го пункта: – «Учебная программа по истории кит. литературы...» и т. д. необходимо отметить, что она первоначально предполагалась для IV курса, но затем по предположениям деканата решено было на IV курсе ее не проходить. Но затем, после спешной перестройки, – так сказать, на ходу, – планов преподавания на V курсе, мною была составлена другая программа преподавания этого предмета, имеющая главным образом языковую основу, на которой развились два противоположные разветвления стилей китайского языка, именно: 1) вэньли или чисто литературный на основе древних конфуцианских и даосских классических книг и 2) байхуа или современный разговорный. Эти основные положения курса изложены мною в учебном плане для V курса кит. отд. Восфака на 35/36 ак. г.,

препровожденном в деканат 27/IX 35 г. Об этом курсе я еще буду говорить ниже, когда придется коснуться о неправильном освещении его, сделанном одним из студ. представителем, очевидно – Денищенко.

По пункту 10-му. – «Учебная программа по кит. классическому лит. яз.» и т. д. Отмечено т. Феклиным: – чрезвычайно сжатый материал – 9 строчек. На самом деле программы по двум предметам занимают 2/3 страницы. Если даже отнести данную реплику только к официально-деловому стилю, то нельзя не сказать, что сжатость и лаконичность программ такого рода вообще является непременным требованием для составления их. Это особенно наблюдается в программах двух перечисленных научных учреждений Москвы и Ленинграда, – программах, утвержденных Наркомпросом. Так, в программе Наримановского института по кит. яз. – обзор материала по официальному языку помещается в четырех строках, причем <стр. 2> цельная программа по языку ничего не теряет от этого в смысле общего охвата всего предмета.

Кроме перечисленных в «материалах» программ кит. кафедры, мною было своевременно препровождены в деканат и учебный отдел – имеется у меня в копиях (на пишущей машинке через копировальную бумагу) производственный план кафедры, помеченный 19/IX 35 г., и два рабочих плана, один от 29/VIII 35 г. и другой, детально развернутый календарный план от 5/IX 35 г. Кроме этого имеется специальный план точного распределения числа часов с распределением поручений, рассмотренный и утвержденный в заседании кафедры 4 июня прошлого [1935] года. От такого плана требуется точность и наглядность, что пунктуально и выполнено. Какие либо дополнительные объяснения были признаны излишними. Если к этому перечислению прибавить два подробные «задания» по производственной практике, составленные Червонецким и Рудаковым, и протоколы заседаний кафедры китайского языка, то получится весьма обстоятельный материал по изучению работы кафедры.

Останавливаясь на наших программах, необходимо отметить, что т. Чжаном представлялись к заседаниям кафедры программы его заданий на китайском языке, которым давался дальнейший ход. Неверно заявление обследования, что «серiousным отрицательным моментом... является полное игнорирование работы преподавателя-национала по разговорному языку. Никаких методических указаний или хотя бы наметок преподавателю не дается...» (стр. 2). В протоколах заседаний кафедры имеются неоднократные методические указания и наметки практической работы т. Чжана со студентами. Если обследование не имело всех протоколов, или не желало ознакомиться с ними, то оно хотя бы обратилось за справками к бывшим секретарям заседаний кафедры, напр. к т. Поповой.

Последний абзац 1 статьи «материалов» не выдерживает и самой снисходительной критики. Наивно звучит высказывание: «...курьезно выглядит фраза в прогн. V курса: приобретение навыков в пользовании словарями на китайском языке...» и т. д. Но дело в том, что речь идет о таких словарях для китайцев, как цьюань, кансидянь, пэйвэнь юньфу, гуанюнь и др. Ключи в китайских словарях (первых двух) не расположены по нашей общепринятой в синологии нумерации с присвоением определенного № каждому ключу, но по особой системе циклических знаков. Объяснения иероглифов делаются на литератур-

ном языке, о котором наши студенты IV, а в особенности III курса, имеют лишь общее представление. Преждевременная работа с этими словарями, – кроме большой затраты времени и сомнительности того, правильно ли понято значение иероглифа, данного на литературном языке с цитатами из многих неизвестных студентам кит. сочинений, явится совершенно бесполезной, так как повлечет за собою грубые, недопустимые ошибки. Для начинающих изучать язык работа с рифмическими словарями невероятно сложна, ибо требует специальных знаний по фонетике китайского литературного языка в ее исторической перспективе, и по меньшей мере было бы странно преждевременно взваливать на III и IV курсы такую непосильную ношу. Прежде чем легкомысленно судить о таких сложных предметах, как цьюань, кансицзыдянь или пэйвэньюньфу, обследованию полезно было бы проштудировать предисловие на кит. к словарю: кансицзыдянь или для суждения о пэйвэньюньфу просмотреть «Фонологию» Кальгрена в 4-х томах, чтобы быть скромнее в своих выступлениях.

В заключение обзора материалов по кафедре китайского языка необходимо еще упомянуть о разработке проблем методики преподавания китайского языка. Так, доцентом т. Червонецким составлена записка: «О преподавании кит. яз. на вос. фак. ДВГУ», помеченная: Влад. 25/III 34 г. (14 стр.), и кроме того, – на основании резолюции первой московской областной производственной конференции преподавателей иноязыков (14/IV-32 г.) – проф. Рудаковым составлена записка: «О новом учебнике китайского разговорного языка» (опыт методической установки) (13 стр.), как отразившем в себе основы марксистско-ленинской лингвистики. Независимо от сего, <стр. 3> методика преподавания кит. яз. в средних школах нашего ДВК также была в поле зрения научных работников Рудакова и Червонецкого. По предложению директора ДВГУ ими разработана подробная докладная записка по этому предмету, которая в свое время была сообщена высшим инстанциям края по народному образованию. Те детали преподавания языка, которые с такой самостоятельностью были разработаны для каждой группы средней школы с наметками соответственных учебных планов и программ, – являются красноречивым доказательством того, что означенные научные работники со всесторонней отчетливостью представляют себе, как нужно преподавать китайский язык и в средней школе и в высшей, и только надо удивляться нашим студенческим представителям, с какой легкостью они берутся за выводы вроде следующих: «...методы преподавания кит. яз. (деловой газетный стиль)... не на высоте требований высшей школы» (см. «Практические предложения, стр. 1) – Товарищи, запаситесь сперва основательными знаниями по методике предмета, и тогда ваша критика будет иметь вес и значение. В настоящее время, высказанная невежественно, она только вызывает пожимание плечами.

В заключение нельзя не обратить внимание на кажущуюся даже и на первых порах подозрительной, – ту мелочную придирчивость, которая проявлена обследованием по поводу программ. Впрочем, такая тенденция проходит красной нитью через все материалы обследования.

Заканчивая обзор наших учебных планов и программ, должно сказать вообще, что всесторонняя выработка их по целому циклу на-

учных дисциплин в связи с целеустановками данного ВУЗ'а дело не одного года. Так напр. в ленинградском институте философии, истории и литературы, образованном на выделенном из состава ленинградского университета ист.-филолог. факультета в 1930 г., «только к 1935 г. могли дать четко разработанные учебные планы и программы, над составлением которых на самом деле проделали большую и сложную работы. Они окончательно отработаны и приготовлены к изданию, в порядке обзора преподавания по основным курсам, читаемым на факультетах института. Последние два года дали возможность испытать и проверить как их научные, так и педагогические установки...» (См. Университеты и научн. учреждения, стр. 238).

Добавим, что устойчивости наших учебных планов и программ препятствовали многие обстоятельства, о которых мы, при случае, поговорим.

II.

После вышеприведенных объяснений относительно наших учебных планов и программ необходимо относиться к рассмотрению общих установок тех данных, которые изложены в 2–10 главах «материалов».

Прежде всего бросается в глаза тот факт, как уже выше отмечалось, что обследование не вполне использовало материалы по кафедре, главным образом основываясь на голословных показаниях студенческих представителей, которые почти никогда не посещали заседаний кафедры, и потому вполне естественно, что они по касающимся ее вопросам отличаются полной неосведомленностью. Так напр. на стр. 13 раздел 9-й: «...С дипломантами прошлого выпуска кафедры не вела никакой систематической работы и потому не могла бы отвечать и за качество работ их...»

Что касается дипломантов прошлого выпуска, то, хотя и студенческие представители утверждают, что кафедра не вела никакой систематической работы, но если бы обследование обратилось к письменному материалу по этому предмету, то оно, может быть, пришло бы к другим выводам. По представлению зав. кафедрой кит. яз. в июне 35 г. в деканат ВОСфака данных относительно консультаций дипломантов можно судить, что мною, в порядке руководства их занятиями были проведены консультации по разработке китайских журнальных статей для дипломных заданий: с Арсеевым – 17 ½ часов, с Сидихменовым – 10 ½ часов, в течение которых мною объяснялись непонятные им места текста, причем, по <стр. 4> моему требованию, они давали мне устный перевод всех статей, от начала до конца. Т. Медовая, проживавшая постоянно в Хабаровске, [была] у меня на консультации два раза: один раз в то время, когда она перевела одну из дипломных статей, и второй раз, перед защитой дипломной работы она консультировалась относительно «тезисов». Кроме того, по дипломным работам консультировались Волченкова – 6 час., Дубовова – 8 час., Житкова – 8 час., Израилева – 6 час. еще в январе 1 ч. 50 мин.), Миндалевич – 2 часа, Фролова – 4 часа, а всего – 62 часа 50 мин. (не счита часов т. Медовой). Разница между фактическим положением дела и показанием студенческих представителей – огромна.

Кафедра, конечно, не может входить в рассмотрение причин, почему некоторые консультировавшиеся лица прекратили посещения, и закладывают на неопределенное время сдачу своих дипломов.

Естественно возникает вопрос: каков же удельный вес голословных показаний студ. представителей т. т. Потапова и Денищенко – и вообще, и по некоторым другим вопросам – в частности. Разберем заявления их относительно «зубрежки», самостоятельной проработки, относительно лекций по истории китайской литературы и проч.

Подходя к первому вопросу можно уже априорно сказать, что такой нелепости, как «вызубривание перевода, для чего он будто бы диктуется» не допустит ни один преподаватель высшей школы. Не трудно понять всю дикость такого довода, если постараться, *sine ira et studio*, вникнуть в условия постановки изучения у нас китайского литературного языка, для чего мы принуждены сделать довольно большое отступление.

Преподаваемый на двух последних курсах: III и IV (вместо 2 ½, 3, и даже 4-х годов его изучения в других научных учреждениях), раздробленный притом на несколько почти самостоятельных дисциплин (классический язык, официальный язык, газетный стиль), – этот строго выдержанный литературный стиль, даже в Китае, на первых ступенях своего изучения среди китайцев, неизмеримо лучше, чем наши студенты, подготовленных к восприятию этой дисциплины, проходит под непосредственным постоянным и всесторонним наблюдением преподавателей для надлежащего усвоения лексического и идиоматического материала. Речь о самостоятельной проработке начинается по окончательном усвоении элементарных начал этой науки, – начал, требующих большого труда преодоления их, во всяком случае не год и не два. У нас, на четвертом курсе, т. е. На втором и последнем году изучения литературного языка (стиль байхуа в этот счет не идет) необходимо ознакомить слушателей с передовыми статьями больших китайских газет в литературно-классическом стиле. Для иностранца – не китайца, изучавшего этот язык один только год, такая передовая газетная статья должна представлять не малые трудности для понимания. Надо научиться еще тому, как подойти к тексту, как производить грамматический разбор его, надо уяснить значения служебных слов, которые бывают весьма разнообразны, надо научиться разбираться в дянью, и – самое главное – переводить на другой язык. В этом заключается коренная задача преподавателя научить всем этим языковым элементам слушателя (слушателя среднего уровня), элементарному подходу к тексту, а затем и к переводу. Получаемый таким образом от преподавателя материал студент должен прорабатывать самостоятельно дома, и тут, на основании полученных разъяснений, представляется полная возможность вникнуть в текст и осмыслить его перевод.

Чтобы рельефнее дать понять всю трудность штудирования газетных передовых статей на кит. яз., – такого предмета, которого нельзя выкинуть из наших программ, – приедем аналогию. На втором году изучения английского языка возможно ли самостоятельное чтение студентами передовиц больших английских газет? Ответ конечно получится отрицательный. Но при прохождении английского языка студенты имеют еще третий и четвертый годы, которые выправят все их недочеты. Изучение у нас кит. лит. яз. (имеющего такое же отношение

<стр. 5> к современному мандаринскому и другим диалектам Китая, как древний латинский к современным: английскому, французскому, итальянскому, испанскому и румынскому языкам) требует, независимо от изучения современного разг. яз., еще особого специального изучения, которое вряд ли возможно начинать лишь с третьего курса. (Наримановский институт начинает его со второго семестра II курса.)

В таком же, если еще не более усложненном положении находится у нас изучение классического языка. Китайский классический текст, создававшийся две тысячи с лишком лет тому назад, но имеющий определенное влияние на современный язык, в течение такого долгого времени уже начал нуждаться в объяснениях своих текстов. К нашему времени появилось значительное число комментариев на текст, из которых некоторые, признанные ортодоксальными, считаются обязательными при изучении языка классиков, остающихся, без этих объяснений, темными. В чем должна заключаться задача самостоятельной проработки текста? Очевидно в том, чтобы самостоятельно было определено значение каждого слова и выяснен хотя бы общий смысл каждой сентенции. Это почти недостижимо в начале второго года изучения языка, так-как приходится иметь дело со специфическим языком комментаторов. Но к этой работе студенты не обращаются. Есть еще и другой метод, это работа по английскому переводу, но сами студенты сознавались в трудности для них такой работы. Естественно, что изучение классического языка нужно вести путем моего личного интерпретирования курса согласно тому смыслу, который дают комментаторы в свете тех научных достижений, которые дает китайская и европейская наука.

Таков предмет, подлежащий нашему изучению. Если перечисленные разнообразные стили языка чрезвычайно богаты иероглификой, прочной связью с архаическими и древними наречиями Китая, идиоматизмами, то они не менее отличаются богатством особенностей синтаксических построений языка, делающих китайскую грамматику литературного языка одною из сложнейших в мире. В рукописи грамматика кит. классического языка занимает свыше 500 стр. Один практический словарь служебных слов, заключающий в себе учение только о 26 служебных словах, охватывает 135 страниц.

На восфаке преподавание восточных языков, в том числе китайского, носит свой специфический характер. На старших курсах, III и IV-м, при практическом изучении литературного языка, – статьях из кит. газет и журналов, избранных глав из классических произведений и проч., – необходима постоянная интерпретация текста со стороны научного работника. Те каждые два часа, отводимые на тот или другой день по расписанию, не является простой «проработкой» текста, как стараются доказать студенческие представители. В такое штудирование восточного текста входят элементы: 1) лекционный, т. е. объяснение текста преподавателем со стороны его грамматики, фонетики, семасиологии и истории языка (где даются им сведения, составляющие квинтэссенцию современного состояния данной науки во всей многогранности ее научных положений, – сведения, которых, помимо аудитории – не найдут ни в каких пособиях), и 2) элемент практический, – когда преподаватель вводит контрольный метод для того, чтобы убедиться насколько текст с привходящими в него грамматическими и другими моментами усвоен слушателями. Таким об-

разом, естественно создается такое положение, при котором лекционный и практический (семинарский) элементы дополняют друг друга, находясь во взаимном гармоническом сочетании. Ясно, что такая интерпретация текста основана на практическом методе его усвоения, так-как общенаучные лингвистические установки даются не только в виде теоретической первоосновы, но проводятся путем грамматического анализа живого материала, представляемого журналом, газетой или классиком. Конечно, на целом ряде тщательно подобранных текстов, разбираемых таким методом, в течение академического года <стр. 6> перед слушателями проходят основные элементы литературной речи, и такой годовой курс, ведомый соответственным научным работником, представляя плановое осуществление выдвинутой перед ним задачи, разрешение целого ряда грамматических проблем, имеет не меньшее значение в учебном режиме, чем напр. читаемые соответствующими преподавателями лекции по химии, физиологии, анатомии и проч.

Разница в преподавании восточных языков на нашем восточном факультете – с одной стороны, и – преподавания наук на других факультетах с другой, та, что каждые два часа по китайскому языку, как уже было сказано выше, заключают в себе два элемента: лекционный и семинарский, тогда как при другой системе преподавания, в зависимости от присутствия той или другой дисциплины преподавания, требуемой спецификой ее, лекционная и семинарская части ведутся особо.

Для примера того, как ведется преподавание – помимо того, что уже говорилось мною по этому предмету в объяснительной записке по поводу статьи: «мы не школьники», приведем несколько фактов.

При интерпретации текстов делаются ссылки на фонетику китайского языка. Напр., была прочитана лекция о природе 5-го входящего тона (жу-шэн), об особенностях его произношения в древней и средневековой литературе, о причинах его исчезновения на севере Китая и существования его в южных наречиях в настоящее время.

Давались обстоятельные сведения о физиологии звуков кит. яз., об артикуляционной базе, и о различии ее от таковой русского языка. Это был переход из области семинара в область лекции на фоне общих языковых научных положений интерпретации текста.

При штудировании текстов из классической книги луньюй (афоризмы Конфуция) такой характер преподавания развёртывается еще шире. Он характеризуется сообщениями, лекционным путем, необходимых для понимания текста фактов из истории Китая, его бытовой и культурной жизни, его просвещения. И все это делается на фоне лингвистических и других установок текста, как их дают китайские комментаторы, причем, помимо общепризнанного авторитета Чжуси мы обращаемся и к более древним комментаторам. Можно ли назвать такое преподавание классического языка простой «проработкой» и может ли быть оно заменено некомпетентной студенческой самостоятельной проработкой? Ни в коем случае – нет.

Для активизации проработки материала студентами нами установлен особый педагогический подход. Именно для этой цели предлагаются, в порядке прохождения курса, соответственные статьи из практического словаря служебных слов. Это пособие, составленное на основе научных синтаксических построений, – помимо того, что обстоятельно знакомит с новейшими научными достижениями в об-

ласти китайской грамматики на основе глубокого анализа образцов письменного языка, – вводит еще в общую идеологию синтаксиса вообще. Предлагая слушателям самостоятельную работу по внеклассному штудированию предмета, я имел в виду достижение двойкой цели: привитие учащимся приемов аналитического метода при разборе текстов, как дополнение к той интерпретации их, которая ведется на лекциях, а затем и приобретение навыков к самостоятельному мышлению в плоскости осознания явлений чуждого языка. Как фактически осуществлялась самостоятельная проработка, – об этом я уже сообщил в своем ответе относительно газетной статьи т. Потапова.

Из всего вышеизложенного ясно, что постановка преподавания предмета совершенно отвечает задачам высшей школы, и усвоение дисциплины по нашим методам требует, чтобы умственное развитие учащихся было на высоте уровня высшей школы. Анализ языка китайского текста, основывающийся на таких научных дисциплинах, как фонетика, синтаксис, морфология и семасиология, представляет сложную умственную работу познавательного свойства с напряжением волевых центров, что под силу только достаточно развитым умам. Разъясненный во всех подробностях перевод, как и математическая теорема или задача, не заключают в себе таких элементов сильного напряжения памяти, как например запоминание целого ряда химических формул или хронологических <стр. 7> таблиц. И только в тех случаях, когда умственное развитие учащегося не находится на высоте уровня высшей школы, он старается злоупотреблять памятью, если соображение отказывается ему служить. зубрят теоремы, зубрят переводы только тупицы, только люди с весьма ограниченным развитием, и чрезвычайно прискорбный факт, что учащиеся этой категории, принижая до своего убогого уровня мышления богатые научным содержанием университетские дисциплины, которых они все равно охватить не в состоянии, бросают камень в преподавателя. Китайский философ Мэнцзы говорит, что «лягушка, сидящая на дне колодца, думает, что небо представляет из себя ничтожный кружок. Не небо мало, узок ее умственный кругозор». В параллель этому сравнению нужно сказать, что не постановка дела преподавания языка узка (имеются ведь и другие отзывы о нашем преподавании от хорошо учившихся когда[-то?] у нас способных и развитых в умственном отношении лиц), а безнадежно узки те взгляды, которые все свое недопонимание предмета, всю свою «нелепую зубрежку» сваливают на методический актив кафедры.

Положение становится еще более серьезным, если обратим внимание на отсутствие у большинства особого интереса к языкам. К 1 янв. сего года было неуд. (2) на III к. – 11%, на IV к. – 14%; уд. (3) на III курсе – 44%, на IV курсе – 54%, на V к. – 74%, что лучше всего иллюстрирует приведенное нами положение. Несомненно в общем режиме социалистического строительства мы имеем такие важные факторы подъема учебы, как ударничество и соцсоревнование, которые должны развиваться среди учащихся, при обязательстве для каждого учащегося. Перед учащимися стоит еще один новый фактор, это – проведение стахановских темпов проработки учебных заданий на прочно оборудованной технической базе. Эта очередная задача [неразборчиво] стоит перед нашим студенчеством, и от него мы ждем ее разрешения. Все это говорит в пользу того, что прежние

нормы оценки успеваемости становятся уже оценками вчерашнего дня, не соответствуя настоящему моменту, и нам необходимо перейти на более повышенные нормы оценок, что явится побудительным стимулом, а в некоторых случаях подталкивающим средством проведения в жизнь элементов социалистической строки работы. Мы знаем, что наша оценка 3 (уд.) считается достаточной для перевода на след. курс. Но это – по нашему мнению – недоразумение. Когда ставится 3? Когда ответом обнаружено знание приблизительно на $\frac{3}{4}$ из заданного вопроса. Следовательно $\frac{1}{4}$ данного вопроса относится к незнанию. Сколько же получится этих недостающих четвертей за целый год и сколько их накопится за все четыре года у безнадежно хронических троечников?. Какие отрезки невосполненных знаний, накопившиеся к IV курсу, а вместе с этим какие пробелы появятся в общей экономии специального знания языка, создающие искаженное представление о данной научной дисциплине и о методах ее усвоения? Неудивительно, что на производственном совещании IV курса заговорили о понижении требований по курсу кит. яз., маскируя это положение громким лозунгом: давать материал дифференцированно по силам. Какие же могут быть силы у студентов нисшей категории и не придется ли безнадежно толочься на месте на текстах легкости II и пожалуй III курса? Как понизить общую стандартную трудность требуемых учебными планами газетных статей на вэньли, и как студент будет сам справляться с чрезвычайно сложной грамматикой литературного языка, и не придется ли преподавателю специально читать каждому студенту отдельно лекцию о том или другом служебном слове, вместо того, чтобы прочитать ее сразу всем? Учтен ли студентами большой объем IV курса, при котором работа отдельно с каждым студентом и повторение одного и того же, может быть, 14 раз сильно замедлит темпы прохождения курса при отсутствии гарантии усиления их?

Перед нами стоит настоятельное требование введения и укрепления методов активизации прохождения учебного материала. С лучшими студентами решение этой задачи не встречает затруднений, если только они не будут хватать через край. Сложнее дело обстоит со средними и плохими студентами. Вся активизация их работы в большинстве случаев сводится к набиранию иероглифов по словарю с большой затратой времени. <стр. 8> Теперешний V курс является ясным тому доказательством. С переводом они самостоятельно не справлялись. В введении и укреплении методов активизации отнюдь не должно мыслиться сведение на нет активной роли преподавателя-интерпретатора, являющегося на лекции выразителем основных принципов своей науки, основанных на тех или иных методах ее прохождения. Большой ошибкой [было бы] считать, что активная самостоятельная проработка текстов для каждого студента отдельно должна низвести роль преподавателя до роли корректора-переводчика текстов с низведением его роли выразителя своей научной индивидуальности до уровня простого консультанта. В предложении «общие статьи не прорабатывать» виден уродливый перегиб именно в эту сторону (прошу вспомнить, что было сказано выше о лекциях и семинарах на кит. отделении). Еще раз напомним о рациональной постановке у нас на китайском отделении объяснений и комментирования общих стандартных текстов, обязательных для всей группы, по систематическому подбору которых проводится сумма необходимых

положений данной науки, и трудности которых сглажены подобными объяснениями. Поэтому интерпретация текстов ни в коем случае не может быть аннулирована без опасности потрясения основ нашего учебного процесса.

Этим однако ни в коей мере не уничтожаются возможности активной самостоятельной проработки предмета. К этой категории занятий мы относили и относим: 1) активную работу над синтаксисом кит. яз. (аналогия: активизация по химии, физике и др. науках при лекциях по этим предметам со стороны преподавателей), и 2) самостоятельную работу над текстами по словарям и другим пособиям индивидуально.

Перейдем к курсу китайской литературы. По учебному плану для V курса кит. отд. Восфака на 35/36 г. (27/IX 35 г.) было намечено «Введение в изучение китайской литературы» по след. программе: «Введение в изучение истории литературы. Два основных стиля современной китайской литературы: вэньли или литературно-классический и байхуа – литературно-разговорный в их исторических перспективах эволюции китайского языка. Отражение архаического китайского языка на памятниках древнейшей литературы. Литературный язык ханьской эпохи и влияние на него живой разговорной речи того времени, особенно на его грамматику. Язык и литература так наз. шести династий. Реформа языка при Танской династии. Возникновение народной словесности на байхуа при Сунской династии. Литература на байхуа при Юань. Борьба между стилями вэньли и байхуа и победа первого при Мин и Цин. Борьба за стиль байхуа при республике. Выдающиеся поборники этого стиля в настоящее время. Абрис новейшей литературы на разговорном языке. Параллельное течение, создаваемое стилем вэньли в современной литературе.

Семинарий по изучению литературы. Лучшие образцы в китайской литературе, относящиеся к эти двум стилям. Практическое ознакомление с особенностями этих двух стилей по избранным текстам».

Следуя этой программе, при учете ограниченного количества времени и возможностей, указанных выше, мы должны были сосредоточить наше внимание на двух основных моментах развития языка в контакте с сознанием народа, с тем сознанием, как оно вылилось в литературе. Что касается вопросов, затрагивающих социальные сдвиги в Китае, то конечно они должны быть знакомы слушателям из лекции по истории Китая. Если студенты отчетливо представляют (из того же курса) характер социально-экономических эпох, то они могут самостоятельно сделать выводы, при каких условиях происходило возникновение и развитие классической литературы, и понимать основные стимулы лит. революции.

Таким образом, программой были намечены два момента в истории китайской литературы: классическая литература и литература на байхуа.

Основой классического языка является классическая литература, – <стр. 9> ее текстуальная часть. Поэтому сделано подобное обозрение классических книг, их внутреннее содержание по главам языкового материала, и в особенности отмечался архаический стиль языка, приводились из шицзина отдельные пьесы в древней языко-

вой передаче – как важный материал для исторической фонетики кит. яз. при научно-исследовательской работе в области изучения языка древних текстов. При обзоре, напр. цзочжуани, указывалось на историческое значение этого труда, на влияние его языка на язык китайской исторической литературы вплоть до настоящего времени. Подчеркивалась связь современного литературного языка с древней литературой во всем ее объеме (классики, философия, история и смесь). При этом давались общие сведения по штудированию языка классиков известными синологами и об их трудах.

Сообщение сведений о языке «байхуа» я начал с «литературной революции». В основу изложения была положена статья «бишан Ляньшань», помещенная в январском выпуске 35 года журнала Дунфан цзачжи, составленная профессором бэйпинского университета Ху Ши. Последний является инициатором так наз. «литературной революции» в Китае. Он – выдающийся знаток китайского языка и литературы, и указанная выше статья является одной из блестящих страниц китайской литературы. В этом труде находятся данные об общественном значении этого языка, языка нового, высказанные словами Ху Ши.

Уже из сделанного на лекции изложения кит. рев. Было видно о принадлежности Ху Ши у реформистским группам Пекинского университета, именно к слоям либеральной и радикальной буржуазии. Наконец, что касается стили байхуа, то современный китайский язык, как сообщалось мною на лекциях по частной методике, это язык определенных ступеней развития, язык определенных исторических эпох классового общества. Современный разговорный китайский язык представляет язык нации как исторической категории определенной эпохи, эпохи буржуазного расслоения общества, эпохи капитализма. Этим объясняется и роль Ху Ши, и классовые прослойки в языке байхуа.

Но все эти выводы из сообщенного материала могли бы сделать и сами слушатели V курса. Как воспользовался этим материалом студенческий представитель? Предоставим говорить ему самому. Он говорит: «...трактовка вопросов литературной революции буржуазными синологами предлагается студентам без каких нибудь критических замечаний, как истина в окончательной инстанции...» Откуда т. Денищенко взяла буржуазных синологов? Ху Ши об них нигде в приводимой статье не упоминает и на них совершенно не основывается. Я, со своей стороны, не ощущал необходимости обращаться к каким-либо сомнительным измышлениям европейцев о таком предмете, по которому я мог черпать живой материал из первоисточника на китайском языке.

Очевидно студ. представитель смешал два понятия: «синологи» и «Ху Ши». Чем объясняется такая нелепая ошибка? Объясняется она тем, что т. Денищенко не соблюдает формальных законов мысли, а потому ее мышление не приводит к достижению истины. Если бы она соблюдала, напр., закон тождества, по которому $A=A$, а $B=B$, т. е. что «синологи» суть «синологи», а «Ху Ши» есть «Ху Ши», то она не смешала бы одних с другими и не впала бы в такую грубую логическую ошибку. Мы здесь не намерены читать лекцию по логике, но если бы студенческий представитель был знаком и с другими логическими законами (закон противоречия, закон достаточного основания и проч.),

то его выводы не страдали бы такой хаотичностью суждения (с чем, впрочем, мы уже знакомы по другим выступлениям т. Денищенко, например в роде «это не классический язык, а классическое недоразумение»). Приходится иногда указывать на неграмотность некоторых учащихся в орфографии, но теперь, при случае, еще более должно подчеркнуть факт, что на V курсе существуют молодые люди, еще не научившиеся мыслить логически, те молодые люди, которые, заканчивая курс восфака, скоро могут вступить в кадры аспирантуры. При таких мыслительных средствах, каких результатов можно ожидать от их будущей научно-исследовательской работы?

<стр. 10> Продолжаем далее. Т. Феклин (стр. 6, 25 дек.) в своем обследовании говорит след.: «...исчерпывающие данные (это о мифических синологгах что-ли? прим. мое) помещены нами выше...» Он продолжает: «...что для студентов несравненно было полезнее прослушать сжатый систематизированный курс китайской литературы с древнего периода».

Не поняв принципиальной основы нашего курса, т. Феклин прописывает свой рецепт не по прямому назначению. Мы выше отмечали, что мы имеем в виду лишь введение в курс кит. лит. на базе двух основных стилей китайского языка. Изучать литературу без того языка, на котором она написана, нельзя. Это – наше основное убеждение. Невозможно наконец развернуть полный курс литературы с чтением избранных образов ее на китайском языке при весьма ограниченном числе часов. Из сообщения сухого сжатого перечня вряд ли чтонибудь вышло бы. Наши слушатели (Гурьев, Найдюкова, Желтоножко, Пинчук – а за ними Денищенко) все равно жаловались бы на то, что курс подавляет большим количеством собственных имен, хронологических дат, номенклатуры массы сочинений, ничего не говорящих, так сказать, ни уму ни сердцу, со всеми происходящими отсюда последствиями. Поэтому для ознакомления с фактическим материалом старой литературы мною был рекомендован труд проф. Джайлса на английском языке с критическим подходом к нему со стороны социально-экономической. Обследование говорит, что не дается указаний источников. Нет, указания делаются, только тут приходится наталкиваться на нежелание студентов иметь дело с ними, если они на английском языке.

Учитывая все эти обстоятельства, я старался дать ряд живых лекций о классических книгах со всеми относящимися к ним данными, а затем о лит. рев., где помимо трактовки данного вопроса даются краткие схематические данные по истории литературы, но в живой, увлекательной форме.

По современной литературе даны, почерпнутые из китайских источников, данные о современной поэзии, романе, театре, эсеистах и проч. в связи с эволюцией современного разговорного языка и сильным влиянием на нее европейской, и в том числе советской, литературы и европейских языков. Отмечалось левое направление писателей Лу Синя, Го Мо-жо, Мао Дуня, Бо Цзиня, причем было обращено внимание на пролетарский характер их произведений по содержанию. Относительно Лу Синя обращалось внимание слушателей на его биографию, помещенной в московской газете «Правда». Затронута была коммунистическая литература на китайском языке и в особенности перевод на китайский язык сочинений Ленина.

Основной подход был главным образом со стороны языка.

В заключение, мы не можем признать правильность мнения обозревателя, что слушателей нужно знакомить с кит. лит. по отрывкам на русском языке. Такой прием был бы более полезен для средней школы при изучении русской литературы. Русские переводы с художественной обработкой языка перевода соответственно тексту подлинника, как напр. «Лисьи чары» акад. Алексеева представляют почти единичное явление в русской литературе. Если прибавить сюда некоторые переводы по конфуцианству Попова (о переводах В. П. Васильева мы не говорим), то получится почти все, чем мы можем располагать для этой цели. Гораздо научнее было бы знакомить слушателей вообще по отрывкам из лучших переводов первоклассных знатоков китайской литературы, не только на русском, но и на других иностранных языках. В крайнем случае, мы можем ограничиться одним, цитированным выше, курсом Джайлса, дающим на английском языке множество извлечений из лучших произведений китайских писателей.

Представляет особое значение, что при чтении курса китайской литературы, ознакомление с отрывками произведений лучших писателей в оригинале. Нигде как в восточных литературах, именно в художественной литературе (в стиле вэньли) не выступает как ярко «хроматизм» языка, создающий чисто восточную образность идиом и метафор, на которых основана характеристика действующих лиц, событий и мест. И если еще мы примем во внимание контакт языка с сознанием народа, то поймем <стр. 11> все громадное значение изучения литературы в неразрывной связи с ее языком. Этот принцип, недостаточно еще освоенный другими, мы закладываем в основу изучения литературы, стараясь довести до сознания слушателей его важность. Такую цель мы преследовали при штудировании некоторых пьес из шицзина, и сожалеем, что недостаток времени не позволил нам расширить рамки таких чтений, введением в них отрывков из других произведений.

Заканчивая обзор вопроса о китайской литературе, мы ответим на некоторые другие второстепенные вопросы по затронутым выше различным пунктам. Нападки, делаемые «материалами» на нас не существенны, но они все-таки могут сбить с толка невнимательного читателя этих «материалов», и поэтому нельзя не дать разъяснений относительно них.

Обследование в одном месте говорит: «...никакого внимания не обращается на грамматический разбор...» (стр. 6, 25 дек.), а в другом месте «...делается обстоятельный разбор синтаксического порядка с дословным переводом...» – несообразности, взаимно уничтожающие друг друга. Далее: «...проработка общих статей состоит по существу в подаче перевода самим профессором...» Но странно было бы требовать самостоятельного перевода луньюя или шицзина от студентов, когда «подача» смысла этих книг совершается нашими профессорами по традиции изучаемой нами школы того или другого классика. О больших газетных передовых статьях мы говорили выше. Нужно понять наконец, что изучение на протяжении лишь одного года таких обширных языковых дисциплин требует заложения прочного фундамента, заключающегося в твердом усвоении необходимого определенного комплекса знаний, не путем бесцельного блуждания

по многотомным словарям без всяких определенных выводов, а на многократно проверенном педагогическом опыте определенной школы изучения языка. Далее там же говорится: «...нет дифференцированного подхода...» и т. д. Нет, наоборот, практикуется опрос студентов, причем делается ставка на более слабых (см. мой ответ на статью т. Потапова). Несколько выше: «...на 4-м курсе...» и т. д. Но относительно самостоятельной работы по грамматике и газ. стилю (вырезкам из газет) мы уже говорили выше. Чем объясняется индифферентное отношение студентов к этим вопросам? Но самостоятельная работа по газетным вырезкам велась студентами Тарасовым, Потаповым и отчасти Кимом. Что же делали другие? Постоянной опеки преподавателя над активной проработкой этих материалов не было. Тут предоставлялась возможность свободной самостоятельной работы и располагать временем и материалом по своему усмотрению. Причина заключается в том, что усвоение грамматики требует больших умственных усилий, след. эта дисциплина носит «ярко выраженный отрицательный характер», и осмысленное прохождение грамматики «не только не приучает студентов к самостоятельной работе, но, наоборот, заглушает проявление всякой самостоятельности в учебе». Еще приведем факты: В ноябре 35 года всему IV курсу были розданы вырезки из газет. Представили переводы только четыре студента. От остальных ничего не поступает до сих пор. На V курсе по референтскому уклону мною даны три темы для самостоятельной проработки Найдюковой, Назарову и Желтоножку, но они до сих пор не подают никаких признаков активности.

² Документ № 9.

III.

Теперь должно обратиться к «Выводам по итогам обследования кафедры...», причем мы будем отмечать пункты, непосредственно касающиеся наших дисциплин.

2. Отрицательные выводы.

Раздел 1	п. 1 – Признается лишним на III и IV курсах, так-как делается упор на приобретение навыков по чтению журналов [неразборчиво] типа «дунфан цзачжи».
	п. 2 – на основании всего изложенного видно, что не верно.
<стр. 12>	
Раздел 2	п. 5 – База закладывается, но студенты недостаточно прилежны.
	п. 6 – не верно.
	п. 11 – по единичному случаю нельзя судить о том, как дело ведется в течение года. В общем весь вывод неверен.
Раздел 3	п. 2 – у студентов не наблюдается достаточно желания этому.
Раздел 6.	п. 3 – причина лежит, во многих случаях, в самих студентах.
Раздел 9	– совершенно неверно.

² Документ № 9.

- Раздел X – обследованию неизвестны задания по производственной практике. Еще см.: Червонецкий. К обследованию кафедры², стр. 10.
- Раздел 12 Кафедра неоднократно вела собеседования со студентами по этому вопросу, но с их стороны не встречала отклика.

По поводу выводов студ. Потапова необходимо отметить след.:

1. Причины этого явления, за исключением Тарасова, Кима и Потапова, лежат в самих студентах.

2. Методологические вопросы именно стоят в центре работы кафедры, это можно судить по составляемым от поры до времени методическим запискам (см. наш обзор материалов по кафедре, помещенный выше). Потапов никогда не посещает заседаний кафедры, а потому об этой работе отличается полной неосведомленностью.

3. Объясняется невозможностью получать из Китая новый материал. По поводу учебника Отте дано объяснение в ответе на статью т. Потапова.

4. Со стороны деканата ведется работа в этом направлении, и от него зависит главная руководящая роль в этом деле.

По дисциплинам, читаемым доцентом т. Червонецким, находится обстоятельный ответ в записке его «К смотру кафедры...»³.

Приходя к окончательному заключению должно констатировать, что обследование кафедры китайского языка неудовлетворительно проведено по целому ряду – принятых и осуществляемых на кафедре – «стержневых положений советской методики преподавания». Т. Феклин не учел всей ошибочности, обманчивости и тенденциозности показаний свидетельского персонала в лице студенческих представителей. Обследование не познакомилось с целым рядом письменных документов, имевшихся в более полном комплекте, чем те, которые оно использовало, или же, наконец, не привлекло к делу еще некоторых других лиц, имевших то или другое отношение к кафедре, заменяя их теми лицами, которые не могли быть беспристрастны (Козлов).

В связи с этим, наверно, а местами искаженное до неузнаваемости, представление обследования о «ряде моментов в учебно-производственном процессе работы кафедры» указывает на то, что обследование не проведено с должной беспристрастностью и компетентностью, и по своим общим выводам ни в коем случае не отражает действительного положения кафедры китайского языка ни со стороны «стержневых положений советской методики преподавания», ни со стороны «ряда моментов в учебно-производственном процессе кафедры».

Исходя из этого заключения и принимая во внимание окончательные выводы члена кафедры доцента т. Червонецкого о работе наблюдательской бригады, что «по существу она направлена к дезорганизации производства и след. как стоящая на грани вредительства, эта работа должна быть признана позорной»; находя подтверждение этому в стремлении бригады скрыть отрицательные стороны отношений

к целому ряду факторов специального учебного и вообще академического свойства с понижением интенсивности академического процесса, – при стремлении перенести центр тяжести обвинений с себя на кафедру; – последняя, не имея гарантии в том, что подобные факты не будут повторяться в будущем, и усматривая в этом элементы возможного разложения, поддерживает предложение т. Червонецкого о возбуждении перед дирекцией ходатайства о «полном и всестороннем расследовании всех обстоятельств работы бригады т. Феклина, с последующей передачей результатов расследования <стр. 13> на суд общественного мнения Университета».

На основании нашего «критического обзора» мы приходим к следующим выводам относительно развертывания производственного процесса нашей кафедры.

1. Усиление активизации самостоятельной работы студентов применительно к положениям, показанным нами на стр. 7 настоящего «обзора», согласно основным принципам нашего педагогического процесса, намеченным там-же.

2. Усиление методов социалистического строительства, заключающихся в ударничестве и соцсоревновании, при незамедлительном проведении в жизнь стахановских методов проработки учебных заданий.

3. Использование консультационных часов с неуспевающими студентами, в обязательном порядке их посещения, для более углубленной проработки нечетко усвоенного материала.

4. Дифференцируя силы и способности учащихся, освобождать наиболее успевающих студентов от присутствия на таких консультациях, с поручением им специальных заданий по языку для активизации их работы и придания ей большей самостоятельности.

5. Усилить связь теории с практикой в плоскости обязательной работы всех студентов на практических занятиях т. Чжана с безоговорочным выполнением его заданий по языку в порядке их активной самостоятельной проработки. Помимо этого, усиленно рекомендовать студентам вступать в контакт с националами учащимися других учебных учреждений Владивостока, и по примеру Ленинградского института истории, философии и лингвистики, развернувшего широкую сеть разговорных клубов (английский, немецкий, французский, японский, таджикский и проч.), разговорный русско-китайский клуб для учащихся двух этих национальных категорий.

6. В видах расширения изучения китайского литературного языка ввести его преподавание со 2-й половины II курса.

7. Войти с ходатайством в высшие инстанции о предоставлении Вос. фак. у бесперебойного получения книг на кит. яз. из Китая, для наилучшего и более полного ознакомления с современной литературой на китайском языке и своевременного снабжения учащихся более новыми пособиями.

Проф. А. Рудаков
9 февраля
1936 г.

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 19–26.

Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 3

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/137-154>

Publication is prepared by Yaroslav A. BARBENKO,
Ph. D. (in History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: prohist@ya.ru

For citation: Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 3 // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 137–154. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/137-154>

КОНДРАТЕНКО Галина Викторовна,

младший научный сотрудник Отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: Gala103@yandex.ru

Круглый стол «Стратегии развития периферийных территорий: могут ли Россия и Китай воспользоваться опытом друг друга?»

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/155-158>

19 октября 2021 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) на базе Центра глобальных и региональных исследований состоялся практикоориентированный круглый стол, задачей которого было поставлено обсудить опыт развития приграничных районов России и Китая и сравнить управленческие стратегии местных властей, направленные на решение похожих проблем.

Проблема была сформулирована следующим образом: «Близкое соседство и добрые отношения, складывающиеся в последние годы, открывают перед Россией и Китаем широкие перспективы взаимовыгодного сотрудничества. Однако трансграничная хозяйственная кооперация между двумя странами остаётся далёкой от ожиданий и возможностей. Одной из причин является тот факт, что они соприкасаются с относительно неразвитыми периферийными территориями, каковыми являются Дальний Восток России и Северо-Восток Китая. Обе страны не один десяток лет пытаются найти способ преодоления социально-экономической отсталости этих регионов и создать условия для ускоренного развития. Несмотря на то, что окончательно эту проблему пока не удалось решить ни России, ни Китаю, накопленный ими опыт управления региональным развитием имеет большое значение. Анализ и осмысление этого опыта создают необходимую теоретическую и практическую основу для совершенствования национальных стратегий подъёма периферийных районов, избегая уже известных недостатков и просчётов» (Из материалов круглого стола).

В рамках данной постановки к обсуждению были предложены следующие вопросы:

- 1) Проблемы периферийных территорий России и Китая: общее и особенное.
- 2) Стратегии ускоренного развития периферийных территорий: цели и результаты.
- 3) Полезный опыт и уроки управления развитием периферийных территорий в России и Китае.

В сообщении А. Б. Волынчука были проанализированы социально-экономические проблемы двух приграничных территорий – трёх провинций Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России. Периферийные приграничные территории Китая и России рассматривались как макрорегионы с единым

Для цитирования:
Кондратенко Г. В. Круглый стол «Стратегии развития периферийных территорий: могут ли Россия и Китай воспользоваться опытом друг друга?» // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 155–158. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/155-158>

¹ На эту проблему указывал ещё Арсеньев в 1914 г., описывая Уссурийский край: концентрация населения и инфраструктуры на юге и малонаселённые и труднодоступные центральные и северные районы [1]. Здесь и далее в сносках примечания автора.

² Хотя возрастная структура северо-восточного Китая отличается в лучшую сторону от общекитайских данных, а миграционный отток из пров. Цзилинь и Хэйлуцзян направлен, прежде всего, в пров. Ляонин.

³ Надо отметить, что экономика пров. Ляонин существенно отличается от двух других провинций.

⁴ При этом пров. Хэйлуцзян в рамках инициативы «Один пояс – один путь» разрабатывала свою программу и проекты строительства «Приморье-1» и «Приморье-2» формально вписаны в «инициативу Пояса – Пути».

комплексом проблем и задач развития. Среди основных проблем Дальнего Востока были обозначены: 1) отрицательное демографическое сальдо – население региона продолжает уменьшаться, несмотря на приток мигрантов, а пандемия коронавируса усугубила ситуацию; 2) очаговый тип расселения в регионе, который приводит к неравномерному развитию; 3) слабая инфраструктура (производственная, транспортная, связь); 4) отраслевая диспропорция с уклоном в ресурсодобывающие отрасли; 5) недостаток инвестиций в нересурсные отрасли экономики; 6) недостаточное финансирование из центра, кроме периода подготовки к саммиту АТЭС в 2012 г.; 7) сверхцентрализация управления; 8) высокий уровень коррупции.

Для трёх провинций Северо-Востока КНР А. Б. Волинчуком были определены следующие проблемы: 1) снижение демографического потенциала – старение населения и миграционный отток²; 2) неэффективная, устаревшая структура экономики, характеризующаяся большой долей государственного сектора³; 3) экономический спад, вызванный истощением ресурсной базы; 4) перегруженность государственных предприятий социальными обязательствами.

В целом автором подчёркивалось, что у двух периферийных регионов есть общие проблемы демографического, управленческого, экономического и инфраструктурного характера. При этом модели управления экономикой разные – директивная в Китае и квазирыночная в России, хотя обе характеризуются негибкостью и неэффективностью.

В. Л. Ларин обратил внимание на то, какую роль играет соседство в выборе и повестке развития периферийных территорий. Несмотря на постоянный дискурс о развитии китайско-российского приграничного сотрудничества, у Китая нет стратегии «поворота на Север», инициатива «Пояса и Пути» развёрнута на запад, а коридор Россия – Китай – Монголия существует только на бумаге⁴. Россия по-прежнему рассматривает Китай как основной рынок сбыта ресурсов и источник инвестиций. Российское приграничье остаётся принципиально важным для провинции Хэйлуцзян и Внутренней Монголии, и отчасти для пров. Цзилинь, в силу того, что Россия предоставляет им доступ к внешним рынкам, которого две провинции Северо-Востока практически лишены. В то же время, в течение последнего десятилетия происходит стагнация приграничных связей с обеих сторон. Анализ пятилетних планов (2021–2025) трёх провинций Северо-Востока КНР и Внутренней Монголии раскрывает место России в стратегии развития этих регионов:

- 1) Цзилинь – освоение ресурсов и развитие торговли;
- 2) Ляонин – интерес к созданию коридора Россия – Китай – Монголия: «сопряжённое сотрудничество» с Дальним Востоком России; сотрудничество в рыбохозяйственной отрасли;
- 3) Хэйлуцзян – повышение уровня открытости Харбина, который станет центром сотрудничества с Россией; развитие г. Муданьцзян как города-модели сотрудничества с Россией; развитие г. Цицикар должен стать центром обработки российской древесины. Хэйлуцзян стремится сохранить посреднические функции в отношениях России и Китая и сохранить доступ к ресурсам Дальнего Востока;
- 4) Внутренняя Монголия – получение российского газа.

Подводя итоги, В. Л. Ларин заявил, что интересы северо-восточных провинций Китая выходят за пределы Дальнего Востока и рас-

пространяются на всю Россию. Эти интересы не исчерпываются экономикой, а охватывают и гуманитарную сферу, в частности Китай заинтересован в привлечении высококвалифицированных специалистов из России. В то же время, неудачный опыт второго десятилетия XXI века Китай ничему не научил и сотрудничество идёт по инерции.

С. К. Песцов рассматривал «нематериальные барьеры» развития периферийных территорий, в частности менталитет и идентичность жителей Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. Столкнувшись с трудностями развития экономики в Северо-Восточном Китае, китайские эксперты и даже некоторые учёные стали оправдывать неудачи реформ некоторыми особенностями так называемого «северо-восточного менталитета»:

- 1) Традиции официального стандарта противопоставляются принципу «служения народу» и это приводит к коррупции;
- 2) Неразвитость рыночной культуры;
- 3) Установка «ждать – полагаться – хотеть»;
- 4) Принцип «железной чашки риса»⁵;
- 5) Политическая инерция.

Особенности «дальневосточного менталитета» также отчасти объясняют проблемы в развитии Дальнего Востока. Этой теме был посвящён доклад Валдайского клуба 2018 года, в котором анализируются черты «проточной культуры» и следствия, которые они несут региону⁶. В заключении авторы доклада отмечают, что процесс оживления периферии страны более труден, чем ожидалось и будет стоить больших усилий, попытки решения проблем приведут к новым проблемам. Также предлагается целый ряд мер по культивированию нового правильного сознания.

В заключение круглого стола выступающие пришли к выводу, что в управлении двумя приграничными регионами есть схожие черты – централизация функций управления и игнорирование интересов местного населения, т. е. общенациональные интересы зачастую не только противоречат местным, но и сталкиваются с ними. Кроме того, в последнее десятилетие законсервировалась модель взаимоотношений на невысоком уровне взаимодействия, и отсутствие самостоятельных акторов на местном уровне не способствует их развитию. В то же время граница не становится объектом взаимодействия, а потенциальная угроза безопасности России со стороны Китая также является тормозящим фактором⁷.

Литература

1. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историческо-этнографический // Арсеньев В. К. Собрание сочинений в 6 томах. Том III. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. С. 323–504.

2. Вперёд к Великому океану-6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе / Л. Е. Бляхер, Т. В. Бордачёв, А. И. Дружинин, С. А. Караганов; Доклад Между-

народного дискуссионного клуба «Валдай», 2018 г. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/21545/> (дата обращения: 22.10.2021).

3. «Стратегии развития периферийных территорий: могут ли Россия и Китай воспользоваться опытом друг друга?» / Новости ИИАЭНДВ ДВО РАН. URL: <http://ihaefe.org/news/10758> (дата обращения 22.10.2021).

⁵ Этот принцип работал на всех государственных предприятиях КНР.

⁶ Полный текст доклада см. [2].

⁷ Дополнительную информацию о мероприятии можно получить на сайте института [3].

Galina V. KONDRATENKO

Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).

E-mail: gala103@ya.ru

Round Table "Strategies for the Development of Peripheral Territories: Can Russia and China Benefit from Each Other's Experience?"

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/155-158>

For citation: Kondratenko A. A. Round table "Strategies for the development of peripheral territories: Can Russia and China benefit from each other's experience?" // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 155–158. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/155-158>

References

1. Arsen'ev V. K. Kitajtsy v Ussurijskom krae: Ocherk istoricheskogo-ehnotograficheskij // Arsen'ev V. K. Sobranie sochinenij v 6 tomakh. Tom III. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo «Rubezh», 2012. S. 323–504.
2. Vperyod k Velikomu okeanu-6: lyudi, istoriya, ideologiya, obrazovanie. Put' k sebe / L. E. Blyakher, T. V. Bordachyov, A. I. Druzhinin, S. A. Karaganov; Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», 2018 g. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/21545/> (data obrashheniya: 22.10.2021).
3. «Strategii razvitiya periferijnykh territorij: mogut li Rossiya i Kitaj vospol'zovat'sya opytom drug druga?» / Novosti IIAEHNDV DVO RAN. URL: <http://ihaefe.org/news/10758> (data obrashheniya 22.10.2021).

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

Научный журнал «Известия Восточного института» посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Журнал является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей. Периодичность издания – четыре раза в год.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

«История»,	«Политика»,	«Архив»,
«Литературоведение»,	«Симпозиум»,	«Рецензии»,
«Лингвистика»,	«Научные сообщения»,	«Научная жизнь».

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Известия Восточного института», соответствует следующим группам научных специальностей:

03.00.00 История. Исторические науки;	10.02.00 Языкознание;
10.01.00 Литературоведение;	11.00.00 Политика. Политические науки.

Журнал «Известия Восточного института» входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.02	Отечественная история (исторические науки),
07.00.03	Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки),
07.00.15	История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
10.02.20	Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
23.00.02	Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
23.00.04	Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Редакция обращает внимание авторов на то, что в вышеприведенный перечень не входят статьи по научной специальности 10.01.00 Литературоведение.

Публикации «Известий Восточного института» фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс DOI: 10.24866/2542-1611.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 29 мая 2009 г.

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходявшие в русскоязычных изданиях.

Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научное сообщение, 4) научная рецензия, 5) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 6) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения «статей» и «материалов» в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- ◆ материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- ◆ научное сообщение – обзор эмпирического материала в проблемном или описательном ключе, имеющий познавательное значение и научную актуальность;
- ◆ научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- ◆ научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- ◆ сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей и научных сообщений подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Материалы в очередные номера журнала принимаются до 1 февраля, 1 мая, 1 августа, 1 ноября.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к направляемым в редакцию материалам

- 1 Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
- 2 Файл не должен содержать нестандартных авторских стилей и специального форматирования.
- 3 Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
- 4 В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы «ё» в тексте рукописи обязательна. Римские цифры должны быть набраны в английской раскладке.
- 5 Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
- 6 Объём присылаемых рукописей: статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами), комментариев к историческому источнику (в рубрику «Архив») – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков), материалов в рубрики «Научные сообщения» и «Научная жизнь» – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), материалов в рубрику «Рецензии» – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
- 7 Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
- 8 Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
- 9 Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
- 10 Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
- 11 Библиографические ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.

- 12 Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
- 13 В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
- 14 Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
- 15 В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна).
- 16 Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
- 17 Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
- 18 Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
- 19 Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
- 20 Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
- 21 Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
- 22 В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, затем в других системах письма.
- 23 В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
- 24 Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».
- 25 Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
- 26 При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его желательно указывать.
- 27 Сведения об авторе (авторах) рукописи должны быть представлены на русском и английском языках и должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты.
- 28 Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
- 29 Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestiyavi@yandex.ru

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна,
канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ

Редакционная коллегия

- Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.
- Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.
- Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН.
- Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор).
- Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Волынчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН.
- Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета.
- Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН.
- Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий библиотекарь Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева.
- Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, доцент кафедры Китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина.
- Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор.
- Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора).
- Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН.
- Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин «Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва» Минобороны РФ.
- Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
- Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

- Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
- Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.
- Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, г. Осака, Япония; почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ.
- Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ.

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (51) • 2021

Редактор Я. А. Барбенко
Редактор английского текста В. Л. Завьялова
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Дальневосточный федераль-
ный университет», 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский,
п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 10.11.2021
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 7,79. Уч.-изд. л. 12,02.
Тираж 100 экз.
Заказ 249.

Отпечатано в типографии Дирекции публикационной деятельности
Дальневосточного федерального университета,
690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006